

The background of the page is a large, yellow-tinted photograph of a train station platform. The platform has a high, arched glass and steel roof structure. In the foreground, there are train tracks and a concrete platform edge. A few people can be seen walking on the platform in the distance.

Прислушиваясь к жертвам

Опыт идентификации, возвращения и помощи
в Юго-Восточной Европе

Международный центр развития миграционной политики
2007 г.

Прислушиваясь к жертвам

Опыт идентификации, возвращения и помощи
в Юго-Восточной Европе

Автор:

Ребекка Суртис
Институт NEXUS по противодействию торговле людьми
Вена, Австрия

Группа исследователей:

Мария Бабович, Гента Бибо, Милица Джорджевич, Виорелиа Русу, Ребекка Суртис и Диана Тудораче,

Группа МЦРМП:

Соня Буш, Марияна Радева, Даниэла Србич и Элиза Троссеро

Авторские права:

Международный центр развития миграционной политики, 2007

Все права сохранены. Никакая часть этой публикации не может быть воспроизведена, копирована или передана ни в какой форме и никакими средствами: электронными, механическими, фотокопировальными, записывающими, системами хранения или поиска информации без предварительного разрешения владельцев авторских прав.

International Centre for Migration Policy Development (ICMPD)

Gonzagagasse 1, 5th floor

Vienna, Austria

A-1010

www.icmpd.org

Настоящее исследование выполнено в рамках финансируемой Агентством США по международному развитию (USAID) региональной программы МЦРМП, направленной на содействие формированию всеобъемлющих, эффективных и наделенных институциональным статусом транснациональных механизмов адресации (TRM) для жертв торговли людьми в Юго-Восточной Европе.

Изложенные в настоящем исследовании мнения отражают точку зрения его авторов и совсем не обязательно – взгляды МЦРМП, Агентства США по международному развитию (USAID) или правительства США.

Верстка: ANH & Florin Paraschiv

Печать и переплет: OstWest Media

ISBN 3-900411-16-6

Предисловие

В последние годы вопрос борьбы с торговлей людьми неизменно занимает важное место в повестке дня национальных правительств и международных структур. Ряд исследований посвящен определению масштабов данной проблемы в контексте организованной преступности и нелегальной миграции. Разработаны и реализуются программы, направленные на решение проблем, с которыми сталкиваются жертвы этого преступления. Однако большинство разработанных стратегий и практических подходов, равно как и исследования более теоретического характера главным образом посвящены рассмотрению текущего состояния дел в сфере внутригосударственного и международного права, нацелены на решение проблемы наращивания организационно-кадрового потенциала конкретной целевой группы или же сосредоточены на превентивных мероприятиях, таких как повышение осведомленности по данному вопросу. Исследование *«Прислушиваясь к жертвам: опыт идентификации, возвращения и помощи в Юго-Восточной Европе»* предлагает иной подход к рассмотрению вопроса о торговле людьми. Предоставив слово самим жертвам, с вниманием отнесясь к высказанным ими самими точкам зрения относительно того, в чем они нуждаются, данное исследование стремится показать различные дилеммы, перед которыми стоят жертвы торговли людьми.

В исследовании показана динамично меняющаяся ситуация в сфере противодействия торговле людьми в Юго-Восточной Европе. Оно стремится показать неоднозначность и сложность проблемы торговли людьми с тем, чтобы упредить

выработку узких, не охватывающих всю сложность данной проблематики решений и политических мер. Исследование не содержит длинного перечня рекомендаций; оно предлагает всем задействованным в данной области службам и структурам пищу для размышлений. Рассматривая вопрос участия различных государственных и неправительственных структур и организаций в процессе идентификации, оказания помощи и адресации жертв, исследование указывает на возможные пути повышения действенности роли каждой из служб, занимающихся противодействием торговле людьми. Полезные и нужные предложения в адрес государственных и негосударственных служб и структур высказывают сами жертвы. Это, в особенности, касается такой сферы как реабилитация и реинтеграция жертв торговли людьми после долгожданного возвращения в страну происхождения – сферы, где имеются широкие возможности для двустороннего и многостороннего сотрудничества.

Настоящее исследование является частью *Программы содействия формированию транснациональных механизмов адресации для жертв торговли людьми (TRM)*, которая реализуется МЦРМП при финансовой поддержке Агентства США по международному развитию (USAID). Беря за основу уже существующие или формируемые в настоящее время в ряде стран региона национальные механизмы адресации для жертв торговли людьми, программа ставит своей целью выработать транснациональные операционные процедуры и руководящие принципы по адресации жертв торговли людьми.

Результаты данного исследования лягут в основу для разработки *«Руководящих положений для транснационального механизма адресации для жертв торговли людьми»*. Руководящие положения будут опираться на передовые практические подходы, используемые в странах Юго-Восточной Европы, которые будут соотнесены с опытом стран назначения. Таким образом, Руководящие положения послужат основой для всеобъемлющего и комплексного реагирования с целью удовлетворения потребностей жертв торговли людьми.

Мы уверены, что доклад станет важным инструментом для понимания потребностей жертв торговли людьми и разработки эффективной и действенной политики, направленной на противодействие этому преступлению. В исследовании показано, насколько важно рассматривать тему торговли людьми в увязке с другими областями, такими, как трудовая миграция, трудовая эксплуатация, интеграция и насилие в семье. Таким образом, требуются целенаправленные меры, осуществляемые на различных уровнях и укрепление сотрудничества между всеми соответствующими структурами и службами на внутригосударственном и международном уровнях.

Готтфрид Цюрхер
Генеральный директор МЦРМП

Выражение признательности

Настоящее исследование является частью программы по формированию транснациональных механизмов адресации для жертв торговли людьми (TRM), которая реализуется МЦРМП при финансовой поддержке Агентства США по международному развитию (USAID). Хотелось бы в первую очередь выразить искреннюю благодарность USAID за финансирование данного исследовательского компонента программы, основное внимание которого сосредоточено на высказанных самими жертвами торговли людьми пожеланиях и точках зрения относительно того, в чем они нуждаются и что вызывает их обеспокоенность в процессе идентификации, возвращения и оказания помощи. Хочу также выразить благодарность МЦРМП за инициативу и поддержку данного исследования, цель которого заключается в том, чтобы уяснить себе те проблемы, которые поднимаются самими пострадавшими в результате торговли людьми, что рассматривается как первый шаг в направлении выработки соответствующих решений.

Настоящее исследование подготовлено при участии и содействии большого числа людей. В первую очередь, хотелось бы выразить признательность многим пострадавшим в результате торговли людьми, которые не пожалели своего ценного времени и приняли участие в собеседованиях, которые были проведены в рамках данного исследования. Их личный опыт идентификации, возвращения и получения помощи, которым они с нами поделились, составляет основу данного доклада и является чрезвычайно важным для понимания ситуации в регионе и выработки

рекомендаций. Выражаю им искреннюю благодарность за их готовность, открытость и мужество в обсуждении очень трудных и личных вопросов.

Кроме того, некоторые поставщики услуг в регионе очень поддержали проект и выразили готовность обеспечить доступ к бенефициарам своих программ. Хотя у нас не было возможности беседовать с бенефициарами от всех организаций, хотелось бы с признательностью отметить те из них, которые по-настоящему помогли нам и поддержали нас в нашей работе. Среди этих организаций: в Албании – MOM Тирана, «Different and Equal», Общественный центр «Гджирокастра» (GCC) «Vatra», «Tjeter», «Vision»; Национальный центр по приему (NRC) и «Qendra kombetare pritesje e Viktimave te Trafikut» (QKPVT); в Боснии-Герцеговине – MOM Сараево, IFS и «La Strada»; в Молдове – Национальный Центр по защите прав женщин и Центр «La Strada», MOM Кишинев, «Interaction», «Compassiune» и Национальный центр по предупреждению нарушения прав детей; в Румынии – «Young Generation», «Adpare», «Reaching Out», «Save the Children», «Conexiuni», «Betania» и MOM Бухарест; и в Сербии – «Atina», «Counselling against Family Violence» (CAFV) и MOM Белград. Кроме того, Отдел MOM по борьбе с торговлей людьми (Женева) оказал поддержку данному исследованию и обеспечил контакты и помощь со стороны своих представительств на местах. Тот факт, что столь большое число организаций сотрудничали с нами и любезно предоставили доступ к бенефициарам своих программ, свидетельствует о высокой степени открытости, которая так важна в работе социального сектора, а также их стремлении повысить качество услуг для жертв торговли людьми. Дав возможность своим бенефициарам со всей открытостью и откровенностью говорить о проблемах, с которыми они столкнулись, эти организации оказали содействие очень важному обмену информацией, который позволил узнать точки зрения самих жертв торговли людьми. Представители некоторых из этих организаций также приняли участие в собеседовании, предоставив в распоряжение авторов исследования свое время, опыт и точки зрения, за что мы выражаем им искреннюю признательность.

Хотелось бы также выразить особую признательность тем, кто помог в проведении данного исследования. Мы благодарны группе МЦРМП по противодействию торговле людьми за постоянную поддержку – как в обеспечении логистики, так и в проведении исследования – которая была оказана ими в ходе работы на местах и при составлении доклада. Особая признательность выражается Соне Буш, Даниэле Србич, Элизе Троссеро, Марияне Радевой, Бригитт Стевковски и Галине Вадаской из МЦРМП в Вене, а также местным офицерам связи в каждой из стран, принимающих участие в проекте – Тамаре Аголли (Албания), Айли Бахтиярагич (Босния-Герцеговина), Мелите Груэвска Грэхем (Македония), Татьяне Фоминой (Молдова), Мадалине Манея (Румыния) и Ирме Лутовак (Сербия). Перевод материалов собеседований был сделан группой талантливых переводчиков из

региона, которым приходилось работать в условиях очень сжатых сроков, за что мы выражаем искреннюю признательность Алине Легкобит, Юджину Филипу, Джулиану Хаса, Ирене Рушай и Милене Маркович.

Мы хотим выразить признательность за ценный вклад при подготовке доклада Соне Буш, Даниэле Србич и Элизе Троссеро (МЦРМГП), Рут Пойман (USAID), Анелизе Араухо (Бюро по противодействию торговле людьми – ОБСЕ), Марии Антонии ди Майо (Save the Children), Маридже Бабович, Диане Тудораче, Виорелии Партас и Рут Розенберг. Мы также искренне благодарим Стивена Ворната, исполнительного директора Института NEXUS, который оказал большую помощь в ходе исследования, ознакомился с докладом на разных этапах его подготовки и давал ценные советы.

И, наконец, хотелось бы выразить искреннюю благодарность группе исследователей – Маридже Бабович, Диане Тудораче, Генте Бибо, Виорелии Русу и Милице Джорджевич, работать с которыми было исключительно приятно и которые, несмотря на ограниченное время, долгие путешествия и зимнее время собрали бесценную информацию об опыте идентификации, адресации и помощи у лиц, пострадавших в результате торговли людьми.

Ребекка Суртис

Исследователь

Институт NEXUS по противодействию торговле людьми

Вена, Австрия

Содержание

Предисловие	3
Выражение признательности	5
Аналитическое резюме	10
Список сокращений	19
1. Введение	21
2. Рамки исследования	25
2.1. Информация о проекте и цели исследования	25
2.2. Имеющиеся знания и существующие пробелы	27
2.3. Методология исследования и сбор данных	29
2.4. Этические аспекты	34
2.5. Рабочие определения и терминология	37
3. Торговля людьми и противодействие торговле людьми в Юго-Восточной Европе	40
3.1. Кто является жертвами торговли людьми?	40
3.2. Усилия, направленные на противодействие торговле людьми	44
3.2.1. Процедуры идентификации	45
3.2.2. Процедуры возвращения и адресации	47

3.2.3. Помощь и защита	48
3.2.4. Национальные механизмы и системы адресации	51
4. Опыт идентификации лиц, ставших жертвами торговли людьми ...	53
4.1. Как идентифицировались жертвы торговли людьми	53
4.2. Что жертвы торговли людьми ощущали во время идентификации	61
4.3. Проблемы и препятствия, возникающие в процессе идентификации	76
4.4. Резюме	111
5. Возвращение жертв торговли людьми и адресация	113
5.1. Как жертв торговли людьми возвращали на родину	114
5.2. Как жертвы торговли людьми оценивают и как переживают процесс возвращения и адресации	116
5.3. Вопросы, возникавшие в процессе возвращения жертв торговли людьми домой, и их адресации	122
5.4. Резюме	141
6. Опыт лиц, пострадавших в результате торговли людьми, связанный с предоставлением им помощи и защиты	143
6.1. Каким образом пострадавшим в результате торговли людьми была предоставлена помощь и защита	144
6.2. Как ощущали себя жертвы торговли людьми на этапе предоставления им помощи и защиты	145
6.3. Проблемы и препятствующие факторы в процессе предоставления помощи и защиты – страны назначения, транзита и происхождения	165
6.4. Резюме	246
7. Заключительные соображения и выводы	248
Цитируемая литература	259

Аналитическое резюме

Хотя в целом ряде исследований и документов рассматривается процесс идентификации, возвращения и оказания помощи лицам, ставшим объектом торговли людьми, основной упор в них сделан на правовых и административных рамках, в которых осуществлялись идентификация, возвращение и помощь. Здесь следует отметить принципы и руководящие положения в процессе идентификации и оказания помощи, законодательные рамки и исследования о схемах оказания помощи, в том числе о передовом практическом опыте. Более редко исследуется вопрос о том, как сами жертвы торговли людьми воспринимают и ощущают свою жизнь после освобождения из подневольного положения и как они сами оценивают осуществленные мероприятия и помощь, оказанную им. В настоящем докладе представлена картина – с точки зрения жертв торговли людьми – всего комплекса мероприятий по противодействию торговле людьми – начиная с идентификации, по ходу возвращения и адресации и на разных этапах помощи и защиты. Хотя мероприятия по противодействию торговле людьми, несомненно, играют важнейшую роль в контексте реабилитации лиц, пострадавших в результате торговли людьми, жертвы говорили как о положительных, так и об отрицательных моментах, через которые им пришлось пройти на разных этапах. Эта информация является очень важной для осуществления дальнейших усилий в рамках транснациональных систем адресации и оказания помощи лицам, пострадавшим в результате торговли людьми.

Настоящее исследование не является докладом по оценке деятельности. Оно не ставит своей целью дать оценку работе по противодействию торговле людьми, осуществляемой в рамках какой-либо отдельно взятой страны, программы или организации, и признает важнейшую работу, выполняемую службами противодействия торговле людьми на всех этапах вмешательства и оказания помощи. В нем рассматривается то, как понимаются и воспринимаются существующие схемы идентификации, адресации и оказания помощи принявшими участие в опросе жертвами, которые представляли очень разнообразную группу лиц, ставших объектами торговли в Юго-Восточной Европе и проданных как в странах региона, так и во множество других стран назначения. Столь же разнообразным был их опыт пребывания в подневольном положении, а затем – опыт идентификации и получения помощи. Авторы работы надеются, что предоставленная в данном отчете возможность услышать мнения жертв, а также высказанные ими точки зрения относительно того, в чем они нуждаются и чего они желают, окажется полезной для широкого круга организаций и специалистов, занимающихся проблемой торговли людьми в Юго-Восточной Европе, а также за ее пределами.

На этапе идентификации, жертвы выявлялись различными службами по противодействию торговле людьми. В этом направлении работали специалисты по работе с населением, работники правоохранительных органов, НПО, штатные сотрудники международных организаций и посольств, социальные работники, клиенты и сами жертвы. Кроме того, в процессе идентификации принимали участие также лица, напрямую не связанные с борьбой против торговли людьми, такие, например, как транспортники, частные лица и религиозные организации. Но в то же время имелся целый ряд случаев, когда возможности идентифицировать людей как жертв торговли людьми использованы не были. Для многих жертв торговли людьми идентификация обернулась большим стрессом, переживаниями и различными эмоциями. Жертвы говорили о своих как положительных, так и отрицательных реакциях на встречи с различными лицами, проводившими идентификацию, равно как и о различных стадиях процесса идентификации. Весьма часто бывало, что жертвы одновременно испытывали чувства облегчения, что идентификация окончена, и страха и подозрения в отношении лица или лиц, проводивших эту процедуру. Часто бывало и так, что негативные ощущения (страх и подозрение) уступали место чувству облегчения, когда всё было уже позади, и постепенно возникало чувство доверия к лицам, которые их идентифицировали. В дополнение к своим ощущениям и переживаниям жертвы также рассказывали о тех проблемах, с которыми им приходилось сталкиваться в процессе идентификации как за границей, так и на родине. Проблемы эти в основном касались доступа к полной и исчерпывающей информации относительно положения, в котором они оказались, и вариантов выбора при идентификации.

Говорили также о не совсем высокой квалификации некоторых из служб по противодействию торговле людьми, работающих с жертвами; о переживаниях, связанных как с гуманным, так и с чёрствым обращением с ними в процессе идентификации; о задержаниях и допросах вместо идентификации; о коррупции среди тех, кто занимался идентификацией; о дурном обращении и халатности чиновников; о проблемах, связанных с языковым барьером, возникающим в процессе идентификации; о том, что идентификация зачастую проводилась в условиях, не способствующих благоприятному ходу этого процесса; о том, что многие жертвы торговли людьми не знали, к кому обратиться за помощью и спасением и, наконец, о тех их этих людей, кто не желал проходить идентификацию.

Процесс возвращения жертвы торговли людьми к себе на родину – при правильном его проведении – включает в себя целый ряд стадий, призванных обеспечить его/её безопасное возвращение домой без ущемления человеческого достоинства. В идеале, этот процесс включает в себя подготовку необходимых документов; организацию проезда до места назначения; информирование жертв обо всех стадиях процесса возвращения и вариантах получения помощи дома, равно как и об элементе риска, связанного с переездом, как на зарубежной территории, так и на родине; связь и координация действий между страной происхождения и страной назначения, а также достижение соответствующей договорённости со страной/странами транзита; обеспечение нормальных условий проезда (включая, при необходимости, также проезд сопровождающего лица и оказание возвращающемуся нужной помощи в пути); приём на границе и дальнейшая переадресация его на родине. Несоблюдение правил безопасности при переезде представляет большой риск и может даже закончиться тем, что этот человек снова попадёт в руки торговцев людьми и будет опять перепродан за рубеж.

Рассказывая о своём возвращении из-за границы, жертвы торговли людьми много говорили о своих переживаниях и реакциях. Многие испытываемые ими чувства носили негативный характер – стресс, волнения, разочарование, страх и отчаяние, нервозность и спутанность сознания – которые были результатом не только самого процесса отправки домой, но также были вызваны теми мерами и методами, которые применялись при этом. В то же время они говорили и о положительных эмоциях, связанных с возвращением домой, а именно о приятном волнении при встрече с родными и об ощущении безопасности и защищённости. И, как и во время идентификации, многие испытывали борьбу нахлынувших одновременно противоречивых чувств. Многие из жертв, к примеру, испытывали облегчение и счастье в связи со своим возвращением. Они испытывали облегчение в связи с тем, что находятся вне пределов досягаемости торговцев, они были рады возможности покинуть страну, где они подвергались эксплуатации, они испытывали приятное волнение в связи с тем, что вновь увидят своих родных и были счастливы,

что возвращаются домой. Однако нередко эти радостные чувства сочетались с отрицательными эмоциями, поскольку они испытывали страх по поводу возможности встречи с торговцами и нервничали по поводу того, что ждет их дома.

Организация достойного и безопасного возвращения жертвы торговли людьми домой без ущемления человеческого достоинства включает в себя проведение целого ряда мероприятий и процедур, и там, где эти мероприятия не выполнялись в полном объеме и соответствующим образом, процесс возвращения и адресации бывал сопряжен с проблемами, с которыми сталкивались жертвы торговли людьми. В процессе возвращения жертвы торговли людьми оказывались перед целым рядом проблем, которые возникали до отъезда, во время переезда и после возвращения домой. Проблемы, о которых говорили жертвы, включали отсутствие доступа к полной и исчерпывающей информации о процессе возвращения и адресации, то есть, куда их направят, и как сложится их дальнейшая судьба; процесс переезда домой часто напоминал им о том, что они пережили, когда торговцы людьми нелегально вывозили их за границу; им важно было, чтобы в процессе возвращения в них не распознали бы жертв торговли людьми и чтобы им оказали помощь в возвращении; они говорили о допросах и дурном обращении со стороны официальных властей, как в пути, так и по прибытии домой; о задержках в возвращении на родину; о вопросах, касающихся своевременной и правильной оценки риска и безопасности возвращения домой; а также об опыте приема и адресации у себя на родине.

Оказание соответствующей помощи жертвам торговли людьми и обеспечение их защиты имеет огромную важность для их стабилизации и обеспечения их долгосрочного реабилитации и ре/интеграции в общество. Помощь и защита предоставляются в странах транзита, назначения и происхождения, и в данном исследовании рассматриваются направления помощи, предоставлявшиеся жертвам во всех этих трех категориях стран. В ходе исследования были опрошены жертвы на разных этапах получения помощи – от экстренных мер поддержки до различных этапов оказания помощи, вплоть до реинтеграции. Несмотря на различия между различными странами и опытом, приобретенным жертвами торговли людьми, тем не менее, при разговорах с ними выявились некоторые общие темы и вопросы относительно того, каким им видится, как они понимают и как они ощутили на себе помощь и защиту. Лица, пострадавшие в результате торговли людьми отмечали отрицательные эмоции – шок и полное замешательство, подозрение, стресс и стыд. Важно отметить, что при этом они говорили о том, как на этой фазе они испытали положительные эмоции, чаще всего ощущение комфорта и безопасности, чувство плеча рядом, сопричастность других, облегчение и благодарность. Нередко жертвы отмечали преобладание отрицательных эмоций на начальных этапах помощи, когда они еще не чувствовали себя уверенно и комфортно в связи с оказываемой им

помощью, однако эти отрицательные эмоции по прошествии определенного времени уступали место более положительным эмоциям, практически сразу же, как только появлялось доверие.

Говоря о помощи и защите, жертвы торговли людьми отмечали множество самых различных вопросов, коснувшись при этом и огромного количества смежных вопросов. Следует, в частности, отметить проблемы, связанные с препятствиями культурного и языкового характера между самими бенефициарами, а также между бенефициарами и персоналом программ; некоторые из мнений, высказанные жертвами торговли людьми в связи с правилами и ограничениями, существующими в программах; важность доступной, адекватной и понятной информации о возможностях помощи как за границей, так и у себя на родине; участие жертв в процессе принятия решений о возможных вариантах помощи; доступ (а в некоторых случаях отсутствие доступа) к правосудию в контексте их опыта пребывания в плену торговцев людьми; проблемы общественного порицания и дискриминации после возвращения из связанного с торговлей людьми рабства; вопросы, касающиеся необходимого уровня безопасности для жертв; сложности и трудности нахождения должного равновесия между автономностью и зависимостью при предоставлении помощи и услуг; вопросы невмешательства в частную жизнь и конфиденциальность в отношении жертв торговли людьми; вопрос о том, как учесть и удовлетворить потребности в специализированной помощи для очень отличающегося друг от друга контингента лиц, пострадавших в результате торговли людьми; ситуации, когда предоставление помощи ставится в зависимость от выполнения определенных условий; отсутствие или общая нехватка в странах региона помощи со стороны государства; сложность процесса реинтеграции, а также вопрос о том, каким образом обеспечить профессиональную квалификацию и качество обслуживания.

Хотя в отношении каждого этапа жертвами были затронуты очень конкретные темы и вопросы, существуют, тем не менее, некоторые общие темы, которые одинаково релеванты на протяжении всего процесса идентификации, возвращения/адресации и оказания помощи. Среди подобных тем следует выделить следующие:

- *Доступ к информации:* Жертвы испытывают потребность и желание иметь больше информации об имеющихся для них возможностях, а также о процедуре, которой им необходимо следовать. Информация должна быть достаточно конкретной, доступной, понятной, учитывающей возраст получателя информации, а также языковые и культурные факторы. Важным аспектом с точки зрения предоставления информации является время – она должна предоставляться в соответствующее время, неоднократно, и жертвам должно даваться время на то, чтобы осмыслить ее и принять

соответствующие решения. Очень важно отметить, что жертвы должны быть включены в процесс принятия решений, а не просто быть пассивными получателями информации о шагах, которые им следует предпринять далее.

- *Ненадлежащее обращение и проблемные отношения:* Некоторые из жертв отмечали случаи безразличия, пренебрежительного отношения и дискриминации, другие говорили о фактах дурного и ненадлежащего обращения. Особую озабоченность вызывает то, что дурное обращение с жертвами имело место во время их пребывания в программах помощи. Плохое обращение (даже когда оно не является преднамеренным) отрицательно влияет на и без того травмированных и подвергшихся эксплуатации людей, в том числе – и с точки зрения их готовности и желания быть идентифицированными и получить помощь. Механизмы отчетности являются важным аспектом в работе по противодействию торговле людьми, в том числе механизмы мониторинга и оценки деятельности, а также процедуры подачи и рассмотрения жалоб.
- *Вопросы безопасности:* Уровень внимания к решению вопросов безопасности существенно различается между различными организациями, учреждениями и странами. Как правило, оценки уровня риска проводятся очень редко. Более того, оценка уровня безопасности в отношении конкретной жертвы на разных этапах его высвобождения из подневольного состояния также проводится не всегда. В то же время в отношении некоторых жертв вводятся очень жесткие ограничения для обеспечения его/ее безопасности, которые не всегда соотносятся с задачей возвращения к нормальной жизни и долгосрочной реабилитации.
- *Барьеры языкового и культурного характера:* На всех этапах процесса жертвы сталкивались с барьерами к коммуникации – как языкового, так и культурного характера, что представляло собой серьезное препятствие на пути установления доверия, ощущения себя в безопасности и обеспечения качественной помощи. Устранение этих препятствий – через помощь переводчиков, сотрудников со знанием языков, культурной медиации – может помочь на всех этапах процесса, хотя каждое из таких «решений» имеет и свои ограничения в плане затрат на такие услуги и их доступности, которые следует тщательно взвешивать и учитывать.
- *Модели вмешательства и качественного ухода:* Конкретные типы и качество осуществленных мероприятий – начиная с идентификации и заканчивая процессом возвращения и помощи – очень различаются не только между странами, но и внутри стран. Кроме того, модели программ

и основные подходы также значительно различаются между организациями. Сами жертвы торговли людьми ставили под сомнение целесообразность некоторых из моделей помощи (например, приюты закрытого типа против приютов открытого типа; резидентные и нерезидентные программы), а также правила и ограничения, существующие в рамках многих программ. С этим вопросом тесно связан и другой – в частности, полное отсутствие мониторинга и оценки этих моделей и осуществляемого в их рамках профессионального вмешательства. Значимым является также и учет мнений, предложений и отзывов самих жертв торговли людьми при разработке, адаптации и реализации программ и политики в данной сфере.

- *Потребность расширения вмешательства и помощи со стороны государства:* Многие из жертв торговли людьми столкнулись с проблемами в получении даже наиболее элементарных услуг и получили лишь самую минимальную поддержку. Хотя в ряде случаев жертвы отмечали тот факт, что государственные структуры многое делали для оказания им помощи, но их возможности были ограничены в силу ограниченности имеющихся у государства ресурсов. Кроме того, получение помощи нередко было затруднено из-за бюрократических процедур, и многие из жертв столкнулись с серьезными препятствиями, пытаясь пройти эти процедуры, что в ряде случаев закончилось неудачей и они не смогли получить требуемую помощь.
- *Участие жертв в разработке и реализации мероприятий по оказанию помощи:* Жертвы часто очень хорошо отдают себе отчет в своих потребностях и также о том, каким образом можно усовершенствовать процессы и процедуры. Вовлечение жертв торговли людьми в обсуждение их потребностей, а также учет их мнений в связи с разработкой и реализацией мероприятий может способствовать обеспечению того, чтобы оказанная помощь – и в плане правового обслуживания и в плане социальных услуг – ставила бы во главу угла жертву и учитывала бы реальные обстоятельства тех, кому они призваны обеспечить поддержку и помощь. Системы вмешательства и оказания помощи, которые разрабатываются, реализуются и корректируются с участием бенефициаров, являются более эффективными, действенными и, в конечном счете, более гуманистическими. Кроме того, совместная работа с жертвами должна быть процессом постоянным.
- *Недостатки и проблемные вопросы в мероприятиях по противодействию торговле людьми и процессе их реализации:* Имеется ряд серьезных недостатков и проблемных вопросов в реализации процесса идентификации, возвращения и помощи пострадавшим в результате торговли людьми. Здесь следует отметить встречающиеся в некоторых случаях недостаточные

навыки идентификации среди тех, кто занимается этим, а также упущенные возможности идентифицировать жертву; некоторые жертвы продолжали оставаться под стражей/арестом, подвергались допросам; Во многих ситуациях возвращающимся помощь не обеспечивалась; задержки с возвращением жертв торговли людьми из числа иностранцев; ограниченность доступа жертв торговли людьми к правосудию, а также неудовлетворение по поводу уголовного производства и судебного процесса; обусловленность помощи выполнением каких-то определенных условий; незнание того, куда обратиться за помощью; сложность процесса реинтеграции. Хотя указанные пункты не исчерпывают полностью всех недостатков и проблемных вопросов, они, тем не менее, показывают, что явилось наиболее серьезными вопросами для жертв, и таким образом представляют собой отправную точку для улучшения процесса транснациональной переадресации жертв.

- *Важность индивидуального подхода к каждому конкретному случаю:* Необходим гибкий и творческий подход для того, чтобы учесть не только различие потребностей, связанных с идентификацией и оказанием помощи, но и различия в характеристиках жертв. Для того чтобы учесть это многообразие и сложность задачи, необходимо рассмотрение каждого конкретного случая в отдельности и осуществление реагирования на индивидуальной основе. Более полное понимание относительно реже встречающихся форм торговли людьми и, следовательно, потребностей жертв может сыграть важную роль в обеспечении более эффективной работы служб по противодействию торговле людьми. При этом не менее важной задачей является то, чтобы для более «трудных» случаев была бы доступна специализированная помощь – в частности, для жертв-инвалидов; жертв с поведенческими расстройствами; жертв, страдающих наркоманией и алкоголизмом; жертв, имеющих особые проблемы со здоровьем; жертв, имеющих на своем иждивении других и т.д.
- *Вопросы, касающиеся пола и гендерных особенностей:* Вопросы, касающиеся пола и гендерных особенностей заслуживают серьезного внимания на протяжении всего процесса, включая идентификацию, возвращение и оказание помощи. Жертвами торговли людьми могут быть и мужчины, и женщины, и нередко их опыт пережитого отличается друг от друга, равно как и их нужды и интересы. Представления относительно тех или иных гендерных особенностей часто обуславливают предлагаемые и осуществляемые в рамках противодействия торговле людьми мероприятия. Следует уделять больше внимания не только тому, как становится жертвой мужчина или женщина, но и тому, каким образом мероприятия по

противодействию торговле людьми могут помочь и поддержать представителей одного или другого пола.

- *Необходимость расширения исследований, проведения оценок и разработки программ, ориентированных на жертв торговли людьми:* Лица, пострадавшие в результате торговли людьми, лучше других могут идентифицировать собственные нужды и указать, что им требуется и чего они хотят, а также то, что является для них наиболее полезным и важным. Ориентированное на участие жертв торговли людьми исследование может предоставить весьма ценную информацию для разработки мероприятий по противодействию торговле людьми и обеспечить должное внимание к потребностям жертв в рамках тех усилий, которые осуществляются для преодоления последствий торговли людьми. Кроме того, исследование может потенциально вооружить жертв, сделать их более сильными, поскольку их мнения будут учитываться наравне с мнениями профессионалов, что может сыграть важную роль в процессе реабилитации жертвы и ее возвращения к нормальной жизни.

Важно подчеркнуть, что цель данного доклада заключается в том, чтобы услышать о пережитом опыте и проблемах, с которыми столкнулись люди, ставшие объектом торговли, от тех из них, которые были опрошены в рамках настоящего исследования, и использовать полученные результаты для того, чтобы добиться перемен. Исследование было обусловлено необходимостью получения более независимой и основанной на исследованиях информации о существующих в Юго-Восточной Европе процессах идентификации, возвращения и оказания помощи лицам, ставшим объектом торговли людьми. Важно было также провести оценку данного процесса с учетом опыта жертв с тем, чтобы сами подвергшиеся торговле люди могли бы рассказать, что, по их мнению, составляло их позитивный и негативный опыт и каким образом были учтены и удовлетворены (или не удовлетворены) их потребности. В ходе собеседования множество вопросов в связи с идентификацией, возвращением и оказанием помощи было поднято самими жертвами торговли людьми. Рассказы лиц, которые сами пострадали в результате торговли людьми, многое могут рассказать нам о том, как функционируют механизмы и процедуры по противодействию этому явлению, а также представить конкретные предложения, которые, как мы надеемся, помогут усовершенствовать и сделать более действенной политику и практику в области противодействия торговле людьми и преодоления ее последствий. Результаты исследования, равно как и комментарии к ним представлены здесь исключительно исходя из интересов дальнейшего совершенствования и повышения эффективности работы, и авторы надеются, что эти результаты и выводы будут восприняты и интерпретированы в соответствии с теми намерениями, которыми они руководствовались в процессе работы над докладом.

Список сокращений

ABA-CEELI	«Американская ассоциация юристов» – Правовая инициатива для стран Центральной Европы и Евразии
AI	«Международная амнистия»
AIDS	СПИД – Синдром приобретенного иммунодефицита
AT	Противодействие торговле людьми
AVR	Добровольное возвращение, осуществляемое при поддержке
BiH	Босния-Герцеговина
CAFV	«Консалтинг против насилия в семье»
CIS	СНГ – Содружество независимых государств
CoE	Совет Европы
CPTW	«Центр по предупреждению торговли женщинами»
CRC	Конвенция о правах ребенка
CSW	Центры по социальной помощи населению
CT	Противодействие торговле людьми
D&E	«Разные и равные»
EC	Европейская Комиссия
ЕСРАТ	«Покончим с детской проституцией, детской порнографией и торговлей с детьми»
EU	Европейский Союз
FATW	«Фонд борьбы против торговли женщинами»
FYROM	Бывшая югославская республика Македония
GAATW	«Глобальный альянс против торговли женщинами»
GCC	Общественный центр «Гжирокастра»
GO	Государственная организация

HIV	ВИЧ – Вирус иммунодефицита человека
ICCO	«Организация церквей за сотрудничество в области развития»
ICMPD	«Международный центр по развитию миграционной политики»
IDP	Вынужденные переселенцы; лица, перемещенные внутри государства
IFS	«Международный форум за солидарность»
IHRLG	«Международная группа за права человека»
ILO	МОТ – Международная организация труда
IO	Международная организация
IOM	МОМ – Международная организация по миграции
ISF	Временный безопасный кров
KBF	Фонд короля Бадуина
KPS	Полицейская служба Косово
MoHSP	Министерство труда и социальной политики
NGO	НПО – неправительственная организация
NPA	Национальный план действий
NRC	Национальный центр приема
NRM	Национальные механизмы адресации
ODIHR	БДИПЧ – Бюро по демократическим институтам и права человека
OSCE	ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
PTSD	Пост-травматический синдром стресса
PVPT	«Центр по защите жертв и предупреждению торговли людьми»
QKPVT	«Qendra kombetare pritesë e Viktimave të Trafikut»
RCP	Региональный документационный центр
SEE	Юго-Восточная Европа
SOPs	Стандартные рабочие процедуры
SPTF	Специальная рабочая группа Пакта стабильности по предупреждению торговли людьми
STDs	Заболевания, передающиеся половым путем
STIs	Инфекции, передающиеся половым путем
TNB	Торговля людьми
TIP	Торговля людьми
TRM	Транснациональные механизмы адресации
TRP	Временные виды на жительство
UAMs	Дети без сопровождения взрослых
UK	Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии
UN	ООН – Организация Объединенных Наций
UNAIDS	Программа ООН по борьбе с ВИЧ/СПИД
UNDP	ПРООН – Программа развития ООН
UNHCR	УВКБ ООН – Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев
UNICEF	ЮНИСЕФ – Детский фонд ООН
UNICRI	Межрегиональный институт ООН по вопросам преступности и правосудия
UNOHCHR	Управление Верховного Комиссара ООН по правам человека
USAID	Агентство США по международному развитию
VAW	Насилие в отношении женщин
VoT	Жертва торговли людьми
WHO	ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения

1. Введение

В данном докладе представлены результаты регионального исследования, проведенного в странах Юго-Восточной Европы, которое ставило своей целью подробное рассмотрение нынешнего состояния дел в связи идентификацией, возвращением и оказанием помощи жертвам торговли людьми. Конкретная задача исследования состояла в получении четкого представления о том, как именно осуществляется этот процесс из стран Юго-Восточной Европы, в их пределах и через их территорию, а также о положительных практических методах, используемых в процессе, и имеющихся проблемах. В рамках исследования был рассмотрен весь процесс переадресации жертвы торговли людьми и оказания ей помощи – начиная с этапа идентификации (как за границей, так и у себя на родине), при возвращении (как в пределах страны, так и из других стран), переадресации пострадавших (государственными структурами, неправительственными организациями и/или международными организациями), а также при оказании помощи (как долгосрочной, так и краткосрочной, в своей стране или за ее пределами государственными структурами, неправительственными организациями и/или международными организациями). По этой причине исследование проводилось в странах происхождения, таких как Албания, Молдова и Румыния, а также в тех странах, которые все чаще являются не только странами происхождения, но и назначения и транзита, таких, как Босния-Герцеговина и Сербия. Хотя исследование было проведено в этих пяти странах, оно затрагивает случаи торговли людьми в каждой

из десяти стран Юго-Восточной Европы – в частности в Албании, Боснии-Герцеговине, Болгарии, Хорватии, находящейся под административным управлением ООН территории Косово, бывшей югославской республике Македония, Молдове, Черногории, Румынии и Сербии, а также в странах Ближнего Востока, бывшего Советского Союза, ряде стран Европейского Союза и в Турции. Важно отметить, что в исследовании подробно представлены точки зрения пострадавших в результате торговли людьми мужчин и женщин, которые прошли через различные процедуры идентификации, возвращения и помощи. Поэтому подход, использованный в данном исследовании, заключается в том, чтобы узнать об этом опыте, а также связанных с ним проблемах, от тех людей, которые, пройдя сами через эти процедуры, знают и понимают их лучше кого-либо другого. Жертвам торговли людьми редко предоставляется возможность высказать свои точки зрения при разработке и реализации программ и стратегий, направленных на противодействие этой современной форме работорговли. Как было отмечено:

«Главной задачей в процессе расширения и усиления возможностей ... является внимание к мнению наиболее незащищенных с тем, чтобы услышать всех и отнестись к мнению каждого с уважением. Это можно сделать, беседуя с человеком о его опыте в семье, близком окружении и обществе в целом для того, чтобы понять социальный, политический и исторический контекст его опыта.» (Blitz et al 2003: 160).

Настоящее исследование не представляет собой оценки какой-либо отдельно взятой страны, программы или организации в пределах Юго-Восточной Европы. В нем рассматривается то, как понимаются и воспринимаются существующие схемы идентификации, адресации и оказания помощи принявшими участие в опросе жертвами торговли людьми. Авторы работы надеются, что предоставленная в данном отчете возможность услышать мнения жертв, а также высказанные ими точки зрения относительно того, в чем они нуждаются и чего они желают, окажется полезной для широкого круга организаций и специалистов, занимающихся проблемой торговли людьми в Юго-Восточной Европе, а также за ее пределами.

Основная часть доклада делится на три раздела – собственный опыт жертв торговли людьми в связи с 1) идентификацией, 2) возвращением и 3) предоставленной им помощью и защитой. В каждом разделе рассматривается как, в целом, осуществляется процесс, что думали жертвы в связи с конкретным этапом процесса (как в положительном, так и в отрицательном плане) и в чем для них состояли проблемы и препятствия, с которыми им пришлось столкнуться на этом этапе. Основной упор в беседах с жертвами был сделан не на том, чем занимаются различные группы по противодействию торговле людьми и что они намереваются сделать, а на том, чтобы выяснить, что думали и что чувствовали в связи с

осуществленными действиями сами жертвы. Подобным же образом, внимание в беседах уделялось не только тому, какая поддержка или помощь была предоставлена жертвам, но как она воспринималась и ощущалась ими самими. Цель данного подхода заключалась в том, чтобы лучше понять, в чем, по мнению жертв, состояли положительные и отрицательные аспекты, основываясь на их непосредственном опыте, полученным ими в ходе мероприятий по противодействию торговле людьми и оказания им помощи – как за границей, так и у себя родине. Высказанные мнения и предложения не являются одинаково релевантными для всех стран. Например, некоторые из перечисленных ниже вопросов касаются конкретных видов программ или мероприятий, которые хотя и достаточно распространены в Юго-Восточной Европе, однако не являются единственным видом помощи, который предоставляется жертвам торговли людьми. Точно так же, некоторые из результатов исследования особенно релевантны для стран назначения, и могут не быть одинаково применимыми также и для стран происхождения. Хотя при этом следует отметить, что многие из затронутых вопросов могут быть соотнесены с широким спектром групп и лиц, работающих в направлении противодействия торговле людьми в самых различных контекстах.

Службы, работающие в направлении противодействия торговле людьми, несомненно, привержены своей работе, с ответственностью и энтузиазмом относятся к ней и обладают серьезным потенциалом в области идентификации, возвращения и оказания помощи. Не следует недооценивать важность и ценность проводимой ими работы. Эта мысль постоянно звучала в беседах с жертвами, которые говорили, что эти службы и предоставленные ими услуги сыграли неоценимую роль для их выхода из того положения, в котором они находились, а также для дальнейшей реинтеграции, и что различные мероприятия имеют важнейшее значение для противодействия торговле людьми. Поэтому цель заключается не в том, чтобы незаслуженно критиковать либо таких, преданных своей работе профессионалов или же осуществляемые ими усилия в направлении противодействия торговле людьми. Цель данного доклада скорее заключается в том, чтобы услышать о пережитом опыте и проблемах, с которыми столкнулись люди, ставшие объектом торговли, от тех из них, которые были опрошены в рамках настоящего исследования, и использовать полученные результаты для того, чтобы добиться перемен. Результаты исследования, равно как и комментарии к ним представлены здесь исключительно исходя из интересов дальнейшего совершенствования и повышения эффективности работы, и авторы надеются, что эти результаты и выводы будут восприняты и интерпретированы в соответствии с теми намерениями, которыми они руководствовались в процессе работы над докладом.

Отправной точкой и объектом основного внимания в данном исследовании являются мнения женщин и мужчин, которые являются бенефициарами этого

процесса адресации за помощью и которые, следовательно, лучше других могут комментировать его и предлагать возможные альтернативы. Отвечая на вопрос о том, как они относятся к идее участия в таком проекте, сами жертвы отвечали так:

«Это важное исследование, важно, чтобы наше мнение принималось бы во внимание».

«Я думаю, это хорошая идея, и такое исследование нужно провести, потому что только беседа с бенефициарами, службы по оказанию помощи смогут узнать, что хорошо, а что плохо... Важно, чтобы бенефициары могли бы участвовать в таких исследованиях и чтобы их мнения принимались бы в расчет».

«Бенефициары должны говорить о помощи, которую они получают, и что они думают.

«Это хорошо и важно – послушать о проблемах бенефициаров для того, чтобы понять, как им помочь. Это нормально».

«Меня это не отяготило. Мне было приятно, что мое мнение что-то значит, и я думаю, что то, что я сказала, окажется полезным... Да, это вообще-то приятно, когда твое мнение принимается во внимание. Это исследование поможет и нам лучше понять наши проблемы».

Именно мнения жертв и их оценка данного процесса находятся в центре внимания данного исследования и лежат в основе полученных в его ходе результатов. И именно с учетом их личного опыта и представлений, а также на основе их собственных мнений и предложений сформулированы выводы и рекомендации данного доклада.

2. Рамки исследования

2.1. Информация о проекте и цели исследования

В июле 2006 г. МЦРМП¹ начал реализацию финансируемой Агентством США по международному развитию (USAID) программы, направленной на содействие формированию всеобъемлющих, эффективных и наделенных институциональным

¹ Международный центр по развитию миграционной политики (International Centre for Migration Policy Development, ICMPD) – это межправительственная организация со статусом организации-наблюдателя ООН со штаб-квартирой в Вене. Целью Центра является содействие инновационной, комплексной и стабильной миграционной политике, а также выполнение роли механизма обмена услуг для правительств и организаций в Европе. МЦРМП активно действует во многих направлениях, в том числе по вопросам визовой политики, управления границами, вопросам убежища и реадмиссии и имеет долгий опыт работы по разработке и реализации проектов, направленных на противодействие торговле людьми. Программа МЦРМП по противодействию торговле людьми ставит своей целью оказание помощи странам на государственном и региональном уровнях посредством разработки комплексных мер реагирования для противодействия торговле людьми в соответствии с международными и европейскими стандартами и передовым практическим опытом в этой сфере. Программа оказывает содействие институциональным усилиям и наращиванию организационно-кадрового потенциала посредством оказания технической помощи, подготовки и обучения кадров и экспертной помощи на основе междисциплинарного подхода с привлечением заинтересованных сторон. Работая в тесном сотрудничестве с правительствами, международными организациями и группами гражданского общества МЦРМП внедряет в своей деятельности подход, основанный на уважении к правам человека.

статусом транснациональных механизмов адресации (TRM) для жертв торговли людьми в Юго-Восточной Европе. Программа – осуществляемая в Албании, Боснии-Герцеговине, Болгарии, Хорватии, находящейся под административным управлением ООН территории Косово, бывшей югославской республике Македония (FYROM)², Молдове, Черногории, Румынии и Сербии – ставит своей целью создание транснациональных механизмов адресации для лиц, ставших жертвами торговли людьми с тем, чтобы обеспечить формирование соответствующей системы сопровождения по конкретному делу между странами происхождения, транзита и назначения.

Для того чтобы обеспечить в рамках программы по созданию транснациональных механизмов адресации должный учет реальных потребностей лиц, пострадавших в результате торговли людьми, в отношении помощи и защиты, МЦРМП поручил Институту NEXUS³ провести эмпирическое исследование в пяти странах Юго-Восточной Европы (Албании, Боснии-Герцеговине, Молдове, Румынии и Сербии), которые являются странами происхождения и назначения. Упор в исследовании был сделан на том опыте, который имеется в связи с их идентификацией, возвращением и предоставленной им помощью у лиц, проданных из, в пределах и через страны Юго-Восточной Европы. Результаты и рекомендации, полученные в рамках данного исследования, будут использованы в качестве основы для разработки руководящих принципов работы по транснациональной переадресации в регионе и непосредственно окажут воздействие на как на операционные средства, так и на дальнейшие шаги, предусмотренные в ходе реализации проекта.

Исследование было обусловлено необходимостью получения более независимой и основанной на исследованиях информации о процессах идентификации, возвращения и оказания помощи лицам, ставшим объектом торговли людьми. Важно было также провести оценку данного процесса с учетом опыта жертв с тем, чтобы сами подвергшиеся торговле люди могли бы рассказать, что, по их

² Далее в тексте используется название «Македония».

³ Расположенный в Вене институт NEXUS представляет собой междисциплинарный стратегический исследовательский центр, занимающийся исследованиями и анализом, которые лежат в основе разработки более обоснованных и действенных законов, политики и практических подходов для противодействия торговле людьми. Институт NEXUS специализируется на проведении независимого анализа на основе опирающихся на реальные факты исследований; объективной и конструктивной оценке; технической помощи, обучении и помощи в наращивании организационно-кадрового потенциала. Институт NEXUS является членом Экспертной координационной группы ОБСЕ «Альянс», и в состав его консультативного совета входят МОМ, специальный представитель ОБСЕ по борьбе с торговлей людьми, Исследовательский центр ЮНИСЕФ «Innocenti», Проект «Защита» Университета им. Джона Хопкинса и Европейский учебный центр демократии и прав человека. Институт NEXUS опирается в своих исследованиях на богатый опыт изучения работы по противодействию торговле людьми в странах Юго-Восточной Европы, а также других регионах мира, и им подготовлен ряд исследований по вопросам торговли людьми в Юго-Восточной Европе, в

мнению, составляло их позитивный и негативный опыт и каким образом были учтены и удовлетворены их потребности. Лиц, пострадавших в результате торговли людьми, просили рассказать, как они воспринимали различные мероприятия, осуществленные в связи с ними после того, как они освободились из подневольного положения – в ходе идентификации, в течение всего времени, потребовавшегося на возвращение, а также в процессе предоставления им помощи и защиты. Ключевым аспектом с точки зрения исследования было то, как они ощущали себя на различных этапах процесса, и как они сами оценивали его. По существу, основополагающий принцип построения исследования заключался в выяснении того, как жертвы видели, понимали и воспринимали эти различные этапы.

2.2. Имеющиеся знания и существующие пробелы

Хотя в целом ряде исследований и документов рассматривается процесс идентификации, возвращения и оказания помощи лицам, ставшим объектом торговли людьми, основной упор в них сделан на правовых и административных рамках, в которых осуществлялась идентификация и помощь. Здесь следует отметить принципы и руководящие положения в процессе идентификации и оказания помощи⁴, законодательные рамки (национальные и международные)⁵ и исследования о схемах оказания помощи, в том числе о передовом практическом опыте⁶. Более редко исследуется вопрос о том, как сами пострадавшие воспринимали и ощущали свою жизнь после освобождения из подневольного положения и как они сами оценивают осуществленные мероприятия и помощь, оказанную им. Хотя следует отметить, что в ряде исследований последних лет делается попытка устранить этот пробел, и в качестве отправной точки и основного объекта внимания рассматриваются мнения и представления жертв и описанный ими опыт получения помощи в рамках существующих программ.

том числе, о том, почему жертвы торговли людьми отказываются от помощи; о торговле детьми для принудительного труда и попрошайничества в Юго-Восточной Европе; о программах помощи, действующих в Юго-Восточной Европе; торговле людьми для трудовой эксплуатации и мерах по противодействию торговле людьми; о комплексе личностных характеристик и поведенческих особенностях торговцев людьми; а также о торговле детьми в Сьерра-Леоне.

⁴ См.: Bump & Duncan 2003; EC 2005; EU 2005; EU 2004; EU 2002; FATW, GAATW and IHRLG 1999; GAATW 2000; ICMPD 2003a, 2003b, 2006; ILO 2006; IOM 2005b; Mitchels 2004; OSCE/ODIHR 2004; UNICEF 2005; UNOHCHR 2002.

⁵ ABA CEELI 2005; IOM 2005a; La Strada & OSCE 2006.

⁶ Andreani & Raviv 2004; Dottridge 2004 & 2006; Hunzinger & Sumner-Coffey 2003; ICCO 2004; Kvinna til Kvinna & Kvinnoforum 2003; Kvinnoforum 2003; La Strada Moldova 2005; Limanowska 2002 and 2003; Pearson 2002; Reiter 2005; Rosenberg 2006; Somach and Surtees 2005; Surtees 2005, 2006a, 2006b, 2007; Tdh & ARSIS 2006; Tdh 2005; Tozaj 2006; UNICEF 2004; UNICEF & STC 2004; van der Kleij 2003.

Работа «Собственная жизнь» (*A Life of One's Own* – 2005 г.) представляет собой исследование функционирующих в Сербии и Молдове программ реабилитации, и она исходит из необходимости наличия большего объема основанной на исследованиях информации относительно содержания программ реабилитации и их воздействия на жертв торговли людьми (см. Bjerkan 2005).

В работе «Оставляя позади прошлое» (*Leaving the past behind* – 2007 г.) на основе эмпирического исследования данного вопроса в трех странах Юго-Восточной Европы – Албании, Сербии и Молдове – анализируются причины того, почему некоторые из жертв торговли людьми отказываются от помощи. Причины нежелания некоторых из пострадавших воспользоваться программами помощи включают, помимо прочих, такие факторы, как различные формы порицания, общественного клейма в отношении не только самого факта торговли людьми, но и получения помощи, недостатки и проблемы в программах помощи, отсутствие доверия к системе, желание вернуться домой к семье или в привычное окружение, отсутствие потребности в помощи, а также то, что некоторые не воспринимают себя как жертв торговли людьми (см. Brunovskis & Surtees 2007).

В исследовании «Содействие или болезнь – выборы и модели поведения жертв торговли людьми» (*Agency or illness – trafficking victims' choices and behaviors* – выходит в свет в 2008 г.) рассматриваются системы помощи, существующие в странах Юго-Восточной Европы, в том числе ценности и основные принципы, на которых строятся эти программы. Особое внимание уделяется вопросу использования в некоторых программах для жертв торговли людьми правил и ограничений и того, как они могут влиять на процесс возвращения этих людей к нормальной жизни (Brunovskis & Surtees, выходит в свет в 2008 г.)

«Голоса жертв» (*Voices of victims* – 2004 г.) представляет собой пилотное исследование опыта молодых женщин, занимающихся проституцией в Нидерландах. В рамках исследования были опрошены десять молодых женщин, которые рассказывают о том, как их принуждали заниматься проституцией, а также об опыте своего общения с профессионалами в области психического здоровья, сотрудниками полиции и судебных органов (см. ЕСПАТ 2004)⁷.

Работа «Бесстрашное свидетельство» (*The courageous testimony* – 2006 г.) описывает опыт ставших объектом торговли людьми женщин, которые согласились либо отказались свидетельствовать в суде, в том числе и факторы, повлиявшие на их решение, их собственную оценку последствий своих решений, а также пережитый ими опыт до, в ходе и после судебного разбирательства (см. Bjerkan & Dyrliid 2006a).

В работе «Опыт, о котором молчат» (*The silenced experience* – 2006 г.) рассматриваются некоторые из препятствий, возникающих на пути достойной и

⁷ Только на голландском языке.

благополучной реинтеграции, в том числе страх порицания и предубеждения. В статье подчеркнута необходимость учета этих обстоятельств при разработке программ по реинтеграции и высказывается мнение о том, что многообразие индивидуальных историй жертв, их опыта и имеющихся у них перспектив требует разработки разнообразных и гибких программ реинтеграции (Bjerkan & Dyrliid 2006b).

«Украденные улыбки» (*Stolen smiles* – 2006 г.) представляет собой исследование физического и психологического воздействия торговли людьми на женщин и подростков, которые были проданы в страны Европы. Исследование, в котором в основном представлены количественные данные, также содержит качественную информацию об опыте получения помощи жертвами, который соотносится с их физическим и психическим здоровьем, а также о краткосрочных и долгосрочных потребностях лиц, пострадавших в результате торговли людьми (см. Zimmerman et al. 2006).

Кроме того, в рамках Программы реагирования на торговлю детьми в Юго-Восточной Европе организацией «Save the Children» проводится региональное исследование. В рамках исследования осуществляются непосредственный диалог с детьми и ставится задача дать ответ на вопрос о том, почему, с точки зрения самих детей, их продают. Исследование проводится в семи странах Юго-Восточной Европы (см. Save the Children выходит в свет в 2007 г.).

2.3. Методология исследования и сбор данных

Исследование основывается на результатах работы по сбору фактического материала и собеседований с жертвами торговли людьми, проведенных в странах Юго-Восточной Европы. Работа по сбору фактического материала была проведена в странах, традиционно являющихся странами происхождения (Албания, Молдова и Румыния), а также в странах транзита и назначения, которые также стали и странами происхождения (Босния-Герцеговина и Сербия). Хотя собеседования с людьми, ставшими объектом торговли людьми, проводились в пяти странах (в частности, в Албании, Боснии-Герцеговине, Молдове, Румынии и Сербии), важно отметить, что их опыт переезда и/или эксплуатация нередко включал и остальные пять стран региона Юго-Восточной Европы – Болгарию, Хорватию, находящуюся под административным управлением ООН территорию Косово, Македонию и Черногорию, а также другие страны – в частности, страны Ближнего Востока, Россию, республики бывшего Советского Союза, ряд стран в ЕС и Турцию. Некоторые из жертв проживали в одной из стран Юго-Восточной Европы, другие были переправлены торговцами в или через Юго-Восточную Европу, третьи были идентифицированы и/или получили там помощь. Важно отметить, что полученные

результаты отражают проблемы, имеющиеся в этих странах, расположенных как в Юго-Восточной Европе, так и за ее пределами, и не являются присущими исключительно тем странам, в которых проводилось исследование. Комментарии и мнения жертв касаются всего комплекса мероприятий по противодействию торговле людьми – в странах происхождения, транзита и назначения, – а также широкого спектра задействованных структур – государственных ведомств, НПО и международных организаций. В связи с этим важно подчеркнуть, что эти результаты ни в коем случае не следует интерпретировать как относящиеся к тем странам, где проводилось исследование. Не менее важно и то, что результаты не отражают практику работы какой-либо одной отдельно взятой организации или учреждения, и представляют общую картину, зафиксированную во множестве различных случаев и контекстов.

Частично структурированные собеседования с жертвами торговли людьми проводились на различных этапах их жизни после освобождения из подневольного положения объекта торговли. Данный формат собеседования был избран потому, что он позволяет собрать сопоставимые данные по установленной последовательности затрагиваемых тем, и при этом предполагает определенную гибкость для адаптации к конкретной ситуации респондента (Kvale 1996). Большая часть собеседований проводилась исследователями внутри страны, хотя некоторые из них были проведены координатором исследования в ходе поездок в страны. В группу исследователей входили Ребекка Суртис, Мария Бабович, Диана Тудоарче, Гента Бибо, Виорелия Русу и Милица Джоджевич. Все они являются опытными исследователями и/или профессионалами в области социального попечения, имеющими опыт работы с уязвимыми группами, в том числе и с жертвами торговли людьми.

Исследование предполагало участие в нем лиц, пострадавших в результате торговли людьми, которые обсуждали общую тему собственного опыта идентификации, возвращения и получения помощи. Цель исследования заключалась в том, чтобы построить этот процесс обсуждения и размышления таким образом, чтобы в центре внимания оказались бы индивидуальные истории и личный опыт пострадавших, и обсудить вместе с ними их собственный опыт и представления, а также их точки зрения относительно возможных путей решения проблем, с которыми они столкнулись. Важно отметить, что собеседования с жертвами торговли людьми касались конкретно опыта их идентификации, возвращения и предоставления им помощи, а не самого явления торговли людьми. Опрашиваемых просили не рассказывать о том, как они стали объектом торговли, а если это вопрос затрагивался, то исключительно по инициативе самих опрашиваемых.

Использованный в исследовании выборочный метод ставил своей целью обеспечить максимальный разброс характеристик респондентов и приобретенного

ими опыта. Задача состояла в том, чтобы опросить максимально широкий спектр лиц, пострадавших в результате торговли людьми, и тем самым выявить максимальное разнообразие пережитого ими опыта и проблем, с которыми они столкнулись. В целом было опрошено 80 лиц, ставших объектом торговли людьми. Собеседования проводились с различными категориями пострадавших – женщинами и мужчинами, взрослыми и детьми, а также с лицами, проданными для самых различных целей, в том числе для сексуальной эксплуатации, принудительного труда и попрошайничества/правонарушений. Хотя большинство опрошенных составляли женщины, в выборку были включены также собеседования с двенадцатью мужчинами. Возраст опрошенных в период оказания им помощи колебался в диапазоне от 15 до 75 лет. Хотя каждый из членов исследовательской группы был специально обучен и имел опыт работы с детьми, исследователи намеренно проводили собеседование лишь с детьми относительно старшего возраста (их общее число составило 13 человек) – от 15 до 17 лет – поскольку представители данной возрастной группы в большей степени способны оценить процесс идентификации и возвращения, а также предоставленную им помощь. Были опрошены жертвы торговли людьми из разных стран Юго-Восточной Европы, а также представители других национальностей, переправленные торговцами в регион. Опрошенные в ходе исследования жертвы были проданы в самые различные страны назначения в пределах Юго-Восточной Европы, Европейского Союза, в Россию и страны бывшего Советского Союза, Турцию, страны Ближнего Востока и Центральной Азии. Некоторые из жертв были опрошены непосредственно после их идентификации и переадресации и до возвращения домой, другие – непосредственно после возвращения домой и в процессе предоставления им начальной помощи и/или принятия решений, третьи же – на различных этапах реинтеграции. Выход на жертв был осуществлен при посредничестве различных организаций и программ, в том числе государственных структур, НПО и международных организаций.⁸

Большинство из восьмидесяти опрошенных жертв торговли людьми были проданы для сексуальной эксплуатации, хотя из 52-х случаев торговли для

⁸ Ниже перечислены организации, которые оказали содействие проведению исследования, облегчив доступ к своим бенефициарам, и оказывали помощь исследовательской группе, предоставив ей ценную информацию. Организации, которые сотрудничали с исследовательской группой, включают: в Албании – MOM Тирана, «Разные, но равные» (GCC), Общественный центр «Гжирокастра», «Ватра», «Тжетер Вижен», Национальный центр по приему (NRC) и «Кендра комбетаре притесе е Виктимаве те Трафикут» (QKPVТ); в Боснии-Герцеговине – MOM Сараево, Международный форум солидарности (IFS) и «Ла-Страда»; в Молдове – Международный центр защиты прав женщин и Центр «Ла-Страда», MOM Кишинев. «Взаимодействие», «Компасиуне» и Национальный центр по предупреждению нарушения прав детей; в Румынии – «Молодое поколение», «Adpare», «Reaching Out», «Save the Children», «Conexiuni», «Betania» и MOM Бухарест; в Сербии – «Atina», «Консультации против насилия в семье» (CAFV) и MOM Белград.

сексуальной эксплуатации один касался мужчины. В выборку также вошли двенадцать жертв торговли для подневольного труда – восемь мужчин и четверо женщин. Среди опрошенных шестеро были проданы для попрошайничества/ правонарушений – четверо женщин и один мужчина; одна женщина подвергалась трудовой и сексуальной эксплуатации, и одна женщина подвергалась сексуальной эксплуатации и принудительному попрошайничеству. Торговля людьми в большинстве случаев осуществлялась из одной страны в другую, однако включала и случаи торговли внутри страны. Если в большинстве случаев опрошенные сначала подверглись эксплуатации, и лишь затем были официально идентифицированы как жертвы торговли людьми, в четырех случаях эти лица были идентифицированы до того как подвергнуться эксплуатации, хотя в каждом из этих случаев были серьезные признаки риска быть проданным, либо явные намерения подвергнуть данное лицо эксплуатации. В остальных трех случаях исследователю не удалось точно определить форму торговли людьми, хотя эти лица были официально идентифицированы содействующими организациями, как ставшие объектом торговли и получали помощь в рамках программ по противодействию торговле людьми. Поскольку основной темой собеседования были идентификация, возвращение и процесс оказания помощи, а не сам по себе факт торговли, то исследователи в данном случае не стали заострять внимание на подробностях их эксплуатации.

Хотя в центре внимания данного исследования находился непосредственный опыт жертв, их восприятие процессов и мнения, в ряде случаев представлялось важным получить информацию непосредственно от поставщиков услуг. Это делалось с целью уточнения информации по тому или иному конкретному случаю или получения более общей картины о процедурах и практических подходах, используемых в процессе идентификации, возвращения и оказания помощи. В связи с этим, исследователями, работающими в стране, или координатором исследования были проведены специальные собеседования с отдельными поставщиками услуг и представителями организаций по противодействию торговле людьми в регионе.

Ограничения

По ходу исследования выявился ряд проблем и ограничений, которые, несомненно, повлияли на полученные в рамках исследования результаты. Среди них, в частности, следует отметить следующие:

- *Ограниченность в сроках:* Ограниченность в сроках, а также время года оказали влияние на структуру выборки. Некоторые из жертв торговли людьми, давшие согласие на участие в опросе, не имели возможности встретиться с исследователем в предусмотренные для исследования сроки. Несмотря на

все возможные усилия каким-то образом разрешить вопрос в связи со временем опроса, это не всегда удавалось. Дополнительной помехой было и то, что собеседования проводились в течение периода от четырех до шести недель, который совпал с рождественскими и новогодними праздниками.

- *Систематическая погрешность выборки:* То обстоятельство, что многие из опрошенных получали в период собеседования помощь в рамках программы, предполагает систематическую погрешность в выборке, которая должна быть учтена при интерпретации и анализе данных. Люди, получающие помощь и зависящие от нее, могут испытывать определенный дискомфорт в связи с обсуждением проблем, поскольку им может казаться, что информация, которой они поделятся, может иметь отрицательные последствия для них в плане дальнейшего оказания им помощи и может быть расценена как проявление неблагодарного отношения. Погрешность может быть обусловлена и тем, какие из организаций предложили участвовать в опросе. В некоторых интервью респонденты не хотели говорить ничего такого, что, по их мнению, могло бы повредить имиджу программы или ее персонала. В ряде случаев, по настоятельной просьбе самих сотрудников организации, респонденты говорили о тех проблемах, с которыми они столкнулись. Это еще более повышает важность и значимость той информации, которой поделились опрошенные, и ясно показывает, что хотя сделанное является важным шагом для привлечения жертв к обсуждению их проблем и потребностей, это, тем не менее, лишь первый шаг.
- *Потенциально нерепрезентативная выборка:* Кроме того, лица, получающие помощь, представляют собой определенную категорию бенефициаров. Тот факт, что они решили воспользоваться помощью, как правило, означает, что у них практически нет иного выбора, и они могут представлять собой особенно уязвимую категорию лиц, ставших объектом торговли людьми (Brunovskis & Surtees 2007, Brunovskis and Tyldum 2005, Surtees 2005). Поэтому результаты могут не быть репрезентативными по отношению к жертвам торговли людьми в целом и, в особенности, по отношению к тем, кто способен преодолеть свое затруднительное положение, получить некоторые блага (финансового или стратегического характера) и/или тем, кто не нуждается в помощи.
- *Отбор членов исследовательской группы:* К участию в исследовании, как правило, привлекались независимые исследователи, которые не связаны с поставщиками услуг или предоставляющими помощь организациями. Поскольку найти исследователей с подходящим уровнем квалификации не всегда представлялось возможным, в двух случаях исследователи, отобранные для участия в исследовании, были из НПО, предоставляющих

услуги. Однако высокий уровень профессионализма исследователей и их объективность означали, что они поддерживали и способствовали осуществлению этого предполагающего критику процесса оценки, что – хотя бы частично – компенсировало данное ограничение.

- *Ограниченность доступа к жертвам:* Хотя многие из организаций были уведомлены о проведении данного исследования, некоторые из них воздержались от участия в нем, ссылаясь на свою политику, не допускающую участия бенефициаров в исследовательских проектах, и, несмотря на то, что упор в исследовании делался не на торговле людьми как таковой, а на опыте, связанном с идентификацией жертв и оказанием им помощи. Другие организации, напротив, получив подробную информацию о планируемом исследовании, параметрах участия и темах, которые предполагалось затронуть в нем, спросили о желании принять участие в исследовании у бенефициаров, некоторые из которых отказались, а некоторые согласились. Поскольку некоторые из агентств воздержались от участия в исследовании, это сказалось на выборке и означало, что бенефициары, получавшие помощь в этих программах, не имели возможности высказать точки зрения о своем личном опыте идентификации и получения помощи.
- *Временной разрыв в опросах:* Хотя большинство из опрошенных говорили об относительно недавнем опыте участия в программах помощи, некоторые из результатов, представленных в данном докладе, отражают опыт, полученный жертвами задолго до времени исследования, а не в недавнем прошлом. Таким образом, некоторые из проблем, затронутых респондентами, возможно, за это время нашли свое решение. При этом следует учитывать, что прошлый опыт может продолжать влиять на то, как жертвы воспринимают процесс идентификации и помощи, равно как и на их желание воспользоваться этими возможностями и, следовательно, оказывать влияние на решения, принимаемые в настоящее время.

2.4. Этические аспекты

Исследование проводилось с самым внимательным отношением к этическим вопросам, которые неизбежно возникают в исследовании с участием жертв торговли людьми. Самое пристальное внимание уделялось этическим вопросам, связанным с опросом жертв, согласно в подготовленных ВОЗ «Рекомендациях по этическим аспектам и вопросам безопасности при собеседовании с женщинами, пострадавшими в результате торговли людьми». Вопросы этического порядка

были детально рассмотрены в ходе подготовительного семинара с членами исследовательской группы, и был разработан протокол, который должен был служить руководством при реализации данного исследовательского проекта. Ключевыми для обсуждения были такие вопросы как информированное согласие, конфиденциальность, право не вмешательство в частную жизнь, анонимность, риски для безопасности респондентов и т.д., и каждый из исследователей был обязан подписать договор о неразглашении. Исследователи прошли обучение тому, как задавать вопросы таким образом, чтобы они располагали бы респондента к тому, чтобы высказать свою точку зрения, и не содержали бы оценочных суждений; как предвидеть те вопросы и проблемы, которые могут травмировать респондента. Предметом постоянной заботы исследовательской группы было то, чтобы собеседование проходило бы комфортно и в общем позитивном русле для респондента.

По ходу реализации проекта этим этическим вопросам уделялось особое внимание. Контакт с респондентами был установлен через различных поставщиков услуг, которые были оповещены о проекте, и получили в письменном виде информацию об исследовательском проекте и о роли жертв торговли людьми в качестве потенциальных респондентов. Кроме того, в ходе собеседования, каждого опрашиваемого устно информировали об исследовательском проекте, его целях, о том, как будет протекать собеседование, как будут использованы его результаты, а также о том, что не обязаны отвечать на вопросы, которые могут вызвать у них некоторый дискомфорт, и что они могут прервать собеседование в любой момент без объяснения причин. До начала собеседования опрашиваемые еще раз устно подтверждали свое согласие.

Собеседования проводились в недоступных для посторонних местах – например, в функционирующих в рамках программ приютах и центрах, у респондентов дома, в офисах организаций – и в удобное для респондента время. Место проведения собеседования определялось на основе консультаций с респондентом, которому предлагалось пригласить, по желанию, еще одного человека (пользующегося его доверием), чтобы тот присутствовал при беседе. Там, где для беседы с иностранными жертвами торговли людьми требовались переводчики, они тщательно отбирались; их инструктировали по таким вопросам, как конфиденциальность, анонимность, чувствительность жертв и просили подписать соглашение о неразглашении. Кроме того, проблемы этики регулярно обсуждались членами исследовательской группы, и в процесс вносились определенные коррективы с целью разрешения тех вопросов этического порядка, которые возникали по ходу работы.

В центре внимания в собеседовании был личный опыт жертвы в связи с идентификацией и оказанием помощи, а не торговля людьми как таковая. Если

опрашиваемые и говорили о пережитом ими в контексте торговли людьми опыте, то исключительно по своей инициативе, и проводившие собеседование максимально старались вернуть беседу в русло обсуждения того опыта, который был связан с идентификацией, возвращением и оказанием жертвам помощи. Кроме того, проводившие собеседование с вниманием относились к тому, чтобы принимающие участие в опросе жертвы чувствовали бы себя уверенно и комфортно, и напоминали им по ходу собеседования о том, что они могут не касаться тех вопросов, обсуждение которых для них было сопряжено с определенным дискомфортом.

Поскольку большинство опрашиваемых во время проведения опроса получали помощь в рамках программ, они, как правило, не нуждались в адресации за получением помощи. Однако каждый из членов группы располагал детальной информацией об имеющихся в стране программах помощи на случай, если бы потребовалось направить жертву в ту или иную программу для оказания ему или ей помощи. Кроме того, опрашиваемым была предоставлена контактная информация проводившего с ними собеседование исследователя на случай, если бы у них возникли позже какие-либо вопросы в связи с исследованием. В тех случаях, если у нас возникала какая-либо обеспокоенность в связи с кем-либо из опрашиваемых лиц, или же если представлялось необходимым связаться с ним на последующем этапе, исследователи звонили им или же посещали их самих либо организации, бенефициарами которой они являлись. В одной из стран проводилось собеседование с жертвой торговли людьми, права которой, как оказалось, были ущемлены тот период, когда ей оказывалась помощь, в связи с чем она была переведена в безопасное место под попечение одной из неправительственных организаций, которой поручили обеспечить последующее наблюдение по данному делу, а также наметить дополнительные мероприятия, которые могли потребоваться для оказания помощи данной жертве, возможно, в рамках программы по транснациональным механизмам адресации.

При подготовке данного исследования большое внимание уделялось вопросам этики и обеспечения безопасности. Респонденты не были обязаны сообщать такую информацию, по которой они могли бы быть идентифицированы, и если такая информация ими сообщалась, то она вносилась в полевые записи в «закамуфлированном» виде и в последующем была представлена в докладе соответствующим образом. Доступ к индивидуальным полевым записям имел только соответствующий член исследовательской группы и координатор исследования, а сами полевые записи велись в полном соответствии со стандартами защиты внутренних данных, которыми руководствуются NEXUS и МЦРМП. В самом докладе вся личная информация о респондентах была видоизменена либо не включена в него вообще с тем, чтобы рассказанные жертвами торговли людьми

истории не были бы легкоузнаваемыми и не были бы представлены в докладе так, чтобы каким-либо образом поставить под удар самих жертв или членов их семей, либо быть расцененными как вмешательство в личную жизнь.

2.5. Рабочие определения и терминология⁹

Жертва торговли людьми/лицо, пострадавшее в результате торговли людьми/лицо, ставшее объектом торговли людьми: Для многих людей термин «жертва» ассоциируется с состоянием полного бессилия и беззащитности и приводит к восприятию индивида, как лица обманутого, измученного и уязвимого. В то же время, с точки зрения концепции прав человека, термин «жертва» является важным, поскольку он указывает на имеющее место ущемление прав и ответственность за восстановление пострадавшего лица в своих правах. Именно по этой причине в настоящем докладе используется термин «жертва». Кроме того, используется термин «лицо, ставшее объектом торговли людьми и пострадавшее в результате торговли людьми», поскольку он также акцентирует ключевую важность факта торговли и необходимость исправить данное положение. Оба эти термина обозначают лиц, которые рассматриваются как жертвы торговли людьми в соответствии со статьей 3 Протокола ООН против торговли людьми или согласно соответствующих положений национального законодательства.

Жертва, которой оказана помощь: Лицо, идентифицированное как жертва торговли людьми, которое согласилось воспользоваться помощью, предоставляемой неправительственной, государственной, международной либо иной соответствующей организацией.

Идентифицированная жертва: Лицо, которое было идентифицировано как жертва торговли людьми в соответствии с официально учрежденным или неформальным механизмом идентификации.

Потенциальная жертва: Лицо, идентифицированное до того, как оно подверглось эксплуатации, и демонстрирующее убедительные признаки того, что оно находится в рамках процесса торговли людьми. Это понятие отличается от понятия «предполагаемая жертва», определение которой дается ниже.

Предполагаемая жертва: Лица, которые, как предполагается, являются жертвами торговли людьми (как удовлетворяющие критериям, содержащимся в

⁹ Многие из определений и терминов заимствованы из Второго годового отчета Регионального документационного центра о жертвах торговли людьми – *Regional Clearing Point's Second Annual Report on Victims of Trafficking in SEE* (см. Surtees 2005).

Протоколе ООН против торговли людьми), но которые не были официально идентифицированы соответствующими структурами или отказались от того, чтобы быть официально или легально идентифицированными. В некоторых странах эта категория лиц квалифицируется как «потенциальные жертвы», однако, в настоящем докладе термин «потенциальная жертва» имеет иное значение. См. определение, данное выше.¹⁰

Службы противодействия торговле людьми: Сотрудники государственных структур, НПО или международных организаций, которые участвуют в осуществлении усилий по борьбе с торговлей людьми и которые работают в одной или более сфер, связанных с идентификацией, возвращением и оказанием помощи.

Помощь и защита: Меры, программы и услуги, направленные на реабилитацию лиц, пострадавших в результате торговли людьми в соответствии с положениями статьи 6 Палермского протокола. Указанные меры, программы и услуги могут обеспечиваться неправительственными, государственными или международными организациями в странах назначения, транзита или происхождения. Они могут помимо прочего включать обеспечение кровом/жилем, медицинское обслуживание, психологическую помощь, образование, профессиональное обучение, трудоустройство, правовую помощь и проезд. Помощь может предполагать предоставление одной или нескольких услуг.

Дети/несовершеннолетние лица: Лица, не достигшие возраста 18 лет.

Национальный механизм или система адресации: Этим термином обозначаются имеющиеся на государственном уровне механизмы для идентификации, возвращения и оказания помощи жертвам торговли людьми. Такие механизмы существуют в странах транзита, назначения или происхождения, и они обеспечивают весь процесс адресации жертв на национальном уровне – от первоначальной идентификации и до предоставления помощи и защиты, предполагающих взаимодействие между различными государственными структурами и неправительственными организациями. Национальный механизм адресации может обеспечивать какой-либо один или все из указанных этапов процесса.

¹⁰ В каждой стране региона используется различная терминология в отношении лиц, пострадавших в результате торговли людьми, в особенности, в отношении тех, которые рассматриваются как находящиеся «в опасности» стать объектом торговли и тех, которые стали объектом торговли людьми, но не были идентифицированы как таковые соответствующими структурами. Кроме того, различные организации также нередко используют разные термины в отношении этих категорий. В контексте настоящего исследования термины «потенциальная жертва» и «предполагаемая жертва» используются так, как это указано в определениях выше, а не в соответствии с терминологией какой-то одной страны или организации.

Реабилитация: Процесс, который обеспечивает стабильное состояние жертв и восстановление их психологического, социального и физического равновесия.

Реинтеграция/интеграция: Реинтеграция или интеграция жертв торговли людьми нацелена на воссоединение данного лица со своей семьей или сообществом либо интеграцию лица, пострадавшего в результате торговли людьми, в новом для него/нее сообществе. Помимо физического возвращения, реинтеграция/ интеграция предполагает воссоединение лица со своей социальной средой и рассматривается как долговременное решение социально-экономического характера.

Возвращение: Возвращение в свою страну происхождения и/или общину. В контексте работы по противодействию торговле людьми, возвращение включает в себя не только транспортировку жертвы, но и механизмы обеспечения безопасного и достойного возвращения.

Поставщики услуг: Организации или отдельные лица, которые предоставляют одну или более услуг из комплекса услуг и помощи, предоставляемых жертвам торговли людьми. В их число могут входить социальные работники, психологи, персонал приютов, медперсонал или юристы из НПО, международных организаций или государственных структур.

Приют/объекты для обеспечения кровом: Объекты, предоставляющие временный кров или более долговременное жилье жертвам торговли людьми. Приюты могут быть как открытого, так и закрытого типов; предоставлять возможность кратковременного или долговременного пребывания; и/или быть адаптированы к потребности оказания экстренной помощи или помощи в реинтеграции.

Транснациональный механизм адресации: Этим термином обозначаются механизмы и системы для оказания жертвам торговли людьми всеобъемлющей помощи и поддержки в транснациональном контексте. Транснациональные механизмы адресации охватывают весь процесс поэтапной адресации от первоначальной идентификации до возвращения и оказания помощи жертвам, осуществляемый между странами транзита, назначения и происхождения, и предполагают сотрудничество и взаимодействие между различными государственными структурами и неправительственными организациями. Транснациональный механизм адресации может обеспечивать какой-либо один или все из указанных этапов процесса.

Защита свидетелей: Комплекс мер безопасности, необходимых для обеспечения безопасности свидетелей в судебном процессе. Меры по защите свидетелей могут обеспечиваться до, в ходе и/или после судебного процесса и могут включать в себя какую-либо одну меру или сочетание мер, направленных на обеспечение безопасности свидетеля и членов его/ее семьи.

3. Торговля людьми и противодействие торговле людьми в Юго-Восточной Европе

В данном разделе представлен краткий обзор того, как в настоящее время осуществляется торговля людьми в Юго-Восточной Европе, а также в направлении на и через территорию данного региона. Кроме того, в нем в общем плане рассматриваются характеристики категорий жертв, а также вопросы, касающиеся их уязвимости и связанного с торговлей людьми опыта. Важно отметить, что в данном разделе также рассматривается нынешнее состояние осуществляемых в регионе усилий по противодействию торговле людьми, причем основное внимание уделено схемам идентификации, возвращения и оказания помощи, а также национальным системам адресации жертв торговли людьми.

3.1. Кто является жертвами торговли людьми?

Юго-Восточная Европа представляет собой регион происхождения, транзита и назначения жертв торговли людьми. Жертвы торговли людьми продаются в направлении на, через и с территории региона в большом количестве, и, начиная с конца 1990-х годов¹¹, в регионе были идентифицированы и получили помощь

¹¹ Общее число жертв торговли людьми, идентифицированных и получивших помощь в странах Юго-Восточной Европы в период с 1 января 2000 г. по 31 декабря 2004 г. составило 6255 человек (Surtees 2005: 12).

буквально тысячи жертв торговли людьми. Некоторые страны – в частности, Албания, Румыния, Болгария и Молдова – в основном являются странами происхождения, и из каждой из этих стран ежегодно вывозится большое количество жертв. Однако следует отметить, что имеются предварительные признаки того, что такие страны как Румыния и Болгария все в большей степени выступают в качестве стран транзита и назначения, причем эти тенденции с большой степенью вероятности еще более усилятся в связи с недавним вступлением этих стран в Европейский Союз. Другие страны/единицы в регионе – Хорватия, Босния-Герцеговина, бывшая югославская республика Македония, Сербия, Черногория и находящаяся под административным управлением ООН территория Косово – традиционно являются странами транзита и назначения, но в последнее время стали также и странами происхождения, граждане которых продаются как внутри стран, в пределах их границ, так и за их пределами.

Сам жертвы представляют собой широкую категорию людей с самым различным опытом в связи с торговлей людьми, включающую в себя мужчин, женщин и детей всех возрастов. Конечно, большинство идентифицированных и получивших помощь жертв торговли людьми составляют женщины, которых, как правило, продают с целью сексуальной эксплуатации, хотя в некоторых случаях также для принудительного труда или работы по дому. Кроме того, в 2004 г. Программой Регионального документационного центра (RCP)¹² среди жертв торговли людьми, которым была оказана помощь в странах Юго-Восточной Европы в 2004 г., было зафиксировано значительное число мужчин. Заслуживающей особого внимания была ситуация в Албании, где 70 процентов жертв торговли людьми, проданных для принудительного труда, попрошайничества и участия в детской преступности в 2003 и 2004 гг. составляли несовершеннолетние мужского пола. Подобным же образом, в Сербии в 2004 г. 47,8 процентов иностранных жертв торговли людьми для принудительного труда составляли мужчины, как взрослые, так и несовершеннолетние. Жертвы торговли людьми из числа лиц мужского пола продавались для трудовой эксплуатации, попрошайничества, совершения правонарушений и усыновления. В исследовании Регионального документационного центра (RCP) случаев сексуальной эксплуатации зафиксировано не было, хотя в 2003 г. двое молдаван – мужчины, возраст которых составлял 48 лет и 23 года – сообщили о своем деле в полицию Молдовы и были идентифицированы как жертвы торговли людьми. Этим двоим мужчин завлекли обещаниями о трудоустройстве в Македонии, но на самом деле их принуждали в дневное время работать на стройке, а по ночам оказывать сексуальные услуги (Surtees

¹² Региональный документационный центр (RCP) был создан в 2002 г. под эгидой Специальной рабочей группы по противодействию торговле людьми в рамках Пакта о стабильности для обеспечения стандартизированных региональных данных о торговле людьми и помощи жертвам, а также для дальнейшего развертывания систем оказания помощи жертвам в масштабах Юго-Восточной Европы. В июне 2005 г. программа RCP была переведена в Институт NEXUS в Вене.

2005: 302-303). Кроме того, представительство МОМ в Скопье провело опрос среди мужчин по вопросам секса, в ходе которого выяснилось, что шесть процентов опрошенных гомосексуалистов пользовались услугами мужчины-иностранца, проданного для сексуальной эксплуатации, а 16 процентов знали кого-нибудь из среды гомосексуалистов, кто пользовался услугами мужчины-иностранца, проданного для сексуальной эксплуатации (Handziska and Schinina, 2004: 10-14). Следует отметить, что среди мужчин, опрошенных в рамках настоящего исследования, несколько человек подверглись сексуальной эксплуатации.

Также заслуживает внимания и то, что среди жертв торговли людьми, получивших помощь в тех или иных странах, значительное число составляют дети. В 2003 и 2004 гг. дети составляли 20 процентов и 65 процентов получивших помощь сербских жертв торговли людьми, 100 процентов албанских жертв, проданных для принудительного труда, попрошайничества и вовлечения в преступность; и 58,6 процентов получивших помощь жертв торговли людьми из Боснии-Герцеговины (Surtees 2005: 13).

Опыт в связи с торговлей людьми также был многообразным и включал случаи сексуальной эксплуатации, подневольного труда, попрошайничества, вовлечения в совершение преступлений и усыновления, как это показано в таблице ниже. Важно отметить, что многие из жертв подвергались эксплуатации более чем одного вида. Чаще всего встречалась комбинация сексуальной и трудовой эксплуатации, однако, были отмечены и другие комбинации различных форм эксплуатации.

Таблица 1: Формы торговли людьми, которым подверглись граждане стран Юго-Восточной Европы, которым была оказана помощь – 2003-2004 гг.

Формы торговли людьми	2003	2004
Сексуальная эксплуатация	824 (65.2%)	864 (74.2%)
Принудительный труд	91 (7.2%)	48 (4.1%)
Попрошайничество и преступность	51 (4%)	75 (6.4%)
Усыновление/удочерение	0 (0%)	9 (0.8%)
Сексуальная эксплуатация и принудительный труд	245 (19.4%)	97 (8.3%)
Сексуальная эксплуатация, попрошайничество и преступность	10 (0.8%)	27 (2.3%)
Принудительный труд, попрошайничество и преступность	11 (0.9%)	2 (0.2%)
Сексуальная эксплуатация, принудительный труд, попрошайничество и преступность	1 (0.1%)	0 (0%)
Потенциальные жертвы ¹³	31 (2.5%)	43 (3.7%)
Всего	1264 (100%)	1165 (100%)

Источник: Surtees, R. (2005), *Второй годовой отчет о жертвах торговли людьми в Юго-Восточной Европе*. Женева: МОМ и Региональный документационный центр.

¹³ Это термин применялся в исследовании RCP в отношении лиц, которым помощь оказывалась в течение времени, недостаточном для того, чтобы с необходимой долей уверенности форму торговли

На степень незащищенности конкретного человека перед угрозой стать объектом торговли людьми влияет огромное множество факторов и переменных, и нередко риск стать жертвой торговли людьми формируется из комбинации таких факторов. Основными моментами, – в сочетании и с другими – являются: возраст, отношения в семье, уровень образования, экономические возможности и возможности трудоустройства в своей стране, а также этническое происхождение. В то же самое время, будучи потенциально способствующими уязвимости, эти факторы не означают, что человек неизбежно станет жертвой торговли людьми, и существует множество исключений, которые следует иметь в виду при разработке и реализации программ. Например, несмотря на то, что многие из жертв являлись выходцами из «малоимущих» или «очень бедных» семей, достаточно большое количество жертв были из семей «среднего достатка» или даже из «состоятельных» семей. Подобным же образом, хотя многие из жертв торговли людьми имеют низкий уровень образования, он нередко соотносится с общим уровнем образования среди населения в целом, и при этом небольшое количество жертв из таких стран, как Украина, Молдова, Румыния и Болгария, имели университетское или высшее образование. И хотя проблематичные отношения в семье во многих случаях служили катализатором в решении человека уехать за границу, многие из жертв тем не менее отмечали, что у них исключительно позитивные, основанные на взаимной поддержке, отношения в семье и в сообществе. В некоторых случаях именно эти позитивные отношения (а именно, обусловленное ими желание поддержать и помочь своей семье) послужили причиной решения выехать за границу (Surtees 2005).

В ряде исследований действительно рассматриваются комплексные, зачастую, многоуровневые факторы, которые обуславливают незащищенность лица и могут потенциально сыграть роль пускового механизма к тому, чтобы человек оказался в сетях торговли людьми. Одним из таких факторов являются жизненные устремления. Результаты исследования, проведенного в Румынии, показали, что находящиеся в «группе риска» девушки, как правило, имели сильное желание найти работу за границей и для этого нередко были нарушить официальные и неформальные правила. Уязвимые девушки, как правило, были независимыми и готовыми идти на риск, не боящимися неопределенности (Alexandru & Lazaroiu 2003; ср. Bjerkan 2005; Brunovskis & Tyldum 2004). В других исследованиях указывается, что многие из жертв попали в капкан торговцев людьми в силу некоего кризиса, например, болезни члена семьи или острой необходимости в деньгах (Brunovskis & Tyldum 2004; Surtees 2005; Bjerkan 2005). В ряде исследований также высказывается

людьми, либо лиц, идентифицированных до того, как они подверглись эксплуатации, и демонстрирующих убедительные признаки того, что они находятся в ситуации торговли людьми.

точка зрения о том, что торговля людьми может иметь место там, где человек решает выехать для того, чтобы реализовать свои обязанности социально-культурного плана – чтобы помочь семье и достойно исполнить свою социально предписанную роль – жены/матери, исполненных сознания своего долга дочери или сына и т.д. (Surtees 2005; 2003; 2000), что соотносится также и с теми результатами, которые были получены в ходе данного исследования. Еще одним фактором является то, что многие из жертв выросли в обществе, где миграция является социальной нормой (Brunovskis & Tyldum 2004; Surtees 2005 & 2003). Отмечается также, что в контексте развернувшихся социально-культурных дискурсов связь между тем или иным фактором с одной стороны, и незащищенностью перед торговлей людьми с другой, не является ни прямой, ни неизбежно обусловленной, и процесс идентификации рисков является процессом непрерывным.

3.2. Усилия, направленные на противодействие торговле людьми

Необходимость оказания помощи жертвам торговли людьми подчеркнута в целом ряде международных документов и конвенций и, очевидно, наиболее явственно – в *«Протоколе ООН о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее»*. В этом документе, известном также как *«Палермский протокол»*, в статьях 6, 7 и 8 подробно указываются общие права и услуги, которые следует обеспечить в контексте помощи и защиты жертвы. Рядом документов помощь также гарантируется на региональном и национальном уровнях. Например, в ЕС, куда попадает все возрастающее число жертв торговли людьми из Юго-Восточной Европы, утвержден *«План действий ЕС»*, призывающий государства-члены Европейского Союза обеспечивать защиту и помощь жертвам торговли людьми в качестве элемента сбалансированного и эффективного преследования в соответствии с национальными условиями и практикой (4, vii). В Главе III *«Конвенции Совета Европы о борьбе с торговлей людьми»* указаны меры, направленные на защиту и обеспечение прав жертв. Дополнительные международные принципы и стандарты, имеющие отношение к процессу идентификации и адресации за помощью содержатся в *«Плане действий ОБСЕ»*, *«Рекомендуемых принципах и руководящих положениях ООН по вопросу о правах человека и торговле людьми»* и *«Руководящих положениях ЮНИСЕФ по вопросу защиты прав детей-жертв торговли людьми»*.

Идентификация, возвращение и оказание помощи лицам, пострадавшим в результате торговли людьми требует рассмотрения большого множества факторов, проблем и ситуаций. Учитывая различные формы торговли людьми,

выявленные в регионе, а также различие в характеристиках жертв, механизмы идентификации и помощи должны быть многообразными и достаточно сложными. В данном процессе следует также учитывать многообразие связанного с торговлей людьми опыта, а также сложное взаимодействие таких факторов как собственный выбор и принуждение.

3.2.1. Процедуры идентификации

В Юго-Восточной Европе механизмы идентификации жертв торговли людьми первоначально были созданы с ориентацией на некий прототип – то, что тогда считалось более или менее типичным образом жертвы, – а именно, молодая женщина, проданная с целью сексуальной эксплуатации. И существующие критерии идентификации в основном ориентированы именно в этом направлении и, как правило, не включают более широких критериев для идентификации других категорий жертв. Это означает, что многие из служб противодействия торговле людьми не стараются последовательно и инициативно заниматься идентификацией альтернативных форм торговли людьми и/или таких категорий жертв, которые имеют иной набор характеристик. В ряде случаев правоохранительные органы с одной стороны успешно идентифицировали «потенциальных» жертв торговли людьми для сексуальной эксплуатации¹⁴, однако оказались неспособными идентифицировать жертв трудовой эксплуатации (как мужчин, так и женщин), и вместо этого обращались с ними как с нелегальными мигрантами (Surtees 2005a: 497, 513). Факт основного упора на жертвы из числа женщин означает также, что службы, занимающиеся идентификацией, не имеют необходимых навыков и подготовки для того, чтобы соответствующим образом отбирать и опрашивать детей.

Специальное законодательство по идентификации и скринингу жертв торговли людьми встречается нечасто, хотя некоторые из стран включили положения об идентификации в свои национальные планы действий, а «План действий ЕС» призывает государства-члены Европейского Союза создать соответствующую государственную координационную структуру для ранней идентификации и адресации лиц, пострадавших в результате торговли людьми. Столь же редкое явление представляют собой методологии и руководящие положения по отбору и идентификации жертв торговли людьми. В некоторых странах разработаны перечни индикаторов или анкеты для опроса лиц, в отношении которых имеется подозрение на то, что они являются жертвами торговли людьми. Однако такие случаи являются скорее исключением, нежели правилом (IOM 2005a: 12-13).

¹⁴ В контексте данного примера термин «потенциальная жертва» относится к любым лицам, которые демонстрируют убедительные признаки того, что они находятся в ситуации торговли людьми, но которые еще не подверглись эксплуатации.

Немаловажным вопросом является то, какие шаги осуществляются в рамках идентификации жертвы торговли людьми или же лица, в отношении которого имеются подозрения на то, что оно является жертвой торговли людьми. В некоторых странах имеются четкие процедуры адресации на случай таких обстоятельств, в то время как в других системного подхода нет. Даже в тех случаях, когда системы существуют, не всегда бывает ясно, в равной ли степени все потенциально участвующие в идентификации службы обладают соответствующими знаниями и информацией о процессах идентификации и адресации. Как выяснилось по ходу бесед с жертвами торговли людьми, потенциально идентификация могла бы иметь место в большем количестве случаев, если бы большее число государственных служб или частных лиц владели этой информацией и были обучены применению механизмов идентификации и адресации. Важно также обеспечить, чтобы процедуры идентификации были бы построены таким образом, чтобы обеспечивать соответствующее реагирование на все формы торговли людьми и все категории жертв и, кроме того, на современные тенденции и схемы, такие как торговля людьми внутри государства или изменение маршрутов торговли (ICMPD 2006: 46; Surtees 2005).

Хотя оценка рисков для потенциальных или идентифицированных жертв торговли людьми важна на всех этапах процесса идентификации и адресации, она не всегда проводится. Имеется необходимость проведения стандартизированных оценок рисков сразу же после идентификации. Риск также может изменяться – возрастать или снижаться – в зависимости от ситуации, времени, местоположения и от того, сделало ли пострадавшее лицо заявление или согласилось ли оно (на самом деле либо предположительно) сотрудничать с полицией, что подчеркивает важность предвидеть возможные риски в будущем по мере того, как осуществляются различные действия. Оценка риска не является статичной категорией; это непрерывный процесс и постоянная обязанность.

Обычно предполагается, что идентификация происходит в стране назначения. Однако из бесед с пострадавшими в результате торговли людьми выяснилось, что многие из них были идентифицированы в своей стране происхождения. В ряде случаев это было сделано после их возвращения (вследствие депортации или по собственному желанию), когда они встретились с правоохранительными органами или предоставляющими помощь агентствами в пунктах пограничного контроля или точках транзита. В других случаях происходила самоидентификация жертв, которые обращались за помощью после самостоятельного возвращения либо же после того, как они не были идентифицированы в процессе возвращения/депортации. Это указывает на недостатки системы идентификации в странах назначения и транзита и в то же время свидетельствует о важности разнообразных механизмов идентификации на местах в странах происхождения.

3.2.2. Процедуры возвращения и адресации

Важнейшим принципом является то, что возвращение должно быть безопасным и достойным для всех лиц, пострадавших в результате торговли людьми, и жертвы не должны быть возвращены в те страны, в отношении которых имеются веские причины предполагать, что жертвам будет причинен вред, что они станут мишенью для возмездия, объектом стигматизации или дискриминации. В тех случаях, когда происходит возвращение жертвы торговли людьми, в транснациональном процессе возвращения и адресации предусмотрен ряд важных шагов, которые перечислены ниже:

- Подготовка к возвращению (предоставление информации о существующих возможностях помощи);
- Оформление документов и организация транспортировки;
- Коммуникация и координация между странами назначения/транзита и происхождения;
- Оценки рисков (оценка уровня безопасности и оценка ситуации в семье);
- Помощь в транспортировке и проезде (в том числе, в случае необходимости – возвращение в сопровождении представителей соответствующих организаций, а также помощь во время транзита);
- Прием и адресация в своей стране.¹⁵

В настоящее время в Юго-Восточной Европе национальные механизмы возвращения и адресации не развиты должным образом, хотя некоторые организации демонстрируют более высокий стандарт в организации процесса возвращения, обеспечивая в том числе и сопровождение при возвращении, а также проведение оценки уровня безопасности до возвращения жертвы. В настоящее время схемы возвращения и адресации основываются на связях между организациями, на сетевом взаимодействии, что, как правило, означает, что жертвам не всегда предоставляется весь спектр услуг, имеющихся в стране, но лишь те, которые может предложить конкретная организация и ее партнеры. Хотя уровень сотрудничества и взаимодействия между организациями в Юго-Восточной Европе

¹⁵ Кроме того, особо следует рассмотреть то, как обеспечивается возвращение в случае с несовершеннолетними жертвами. Сюда входит, но не ограничивается этим, следующее: сопровождение несовершеннолетнего при его возвращении, до возвращения – оценка ситуации в семье и оценка уровня безопасности, центр по приему/безопасный кров, где могут быть учтены особые потребности несовершеннолетних, а также назначение законного представителя как в стране назначения, так и в стране происхождения.

возрос, некоторые организации в странах транзита и назначения не располагают полной и точной информацией относительно наличия и масштабов деятельности служб реинтеграции в странах происхождения. Такая нехватка информации не дает возможности предоставить иностранным жертвам торговли людьми информацию о тех возможностях и вариантах помощи, которыми они могли бы воспользоваться по возвращении в свою страну, и мешает осуществить планирование мероприятий в отношении конкретной жертвы. Далее, к поставщикам услуг в странах происхождения нередко направляют жертв, о которых они располагают лишь самыми скудными сведениями, что приводит к необходимости повторного опроса, а также мешает обеспечить последовательность в предоставлении услуг. Проблематичным является также взаимодействие и адресация за пределами Юго-Восточной Европы, а поскольку все большее число жертв оказывается в странах ЕС, Турции, странах бывшего Советского Союза и Ближнего Востока, существует необходимость налаживания связей с организациями в этих странах назначения и расширения сотрудничества между правительствами стран (Surtees 2005, 2006a, cf. Bjerkan 2005).

Важным вопросом является то, что многим из жертв пришлось возвращаться без сопровождения. Многие из них вернулись сами, добирались домой самостоятельно (и без защиты), на свои собственные средства. Кроме того, значительное число жертв по-прежнему депортируют из стран назначения в ЕС, из Турции и стран Ближнего Востока, и идентификация их как жертв торговли людьми происходит дома, в своей стране.¹⁶ Мало, кто из жертв торговли людьми из стран Юго-Восточной Европы, депортированных из ЕС и других стран назначения, сказал, что им до их возвращения была предоставлена информация относительно имеющихся в их стране происхождения возможностей помощи, защиты и реинтеграции, что идет вразрез с международными стандартами и обязательствами (Surtees 2006a).

3.2.3. Помощь и защита

Предоставление помощи и защита – будь то в стране происхождения, транзита или назначения – должно следовать принципу конфиденциальности и осуществляться таким образом, чтобы лица, которым оказывается помощь, не отождествлялись бы с «живым товаром» и не стали бы объектом социальной

¹⁶ Например, из стран ЕС в 2003 г. было депортировано 2978 болгарских женщин, а в 2004 г. – 2908, определенное число которых, по всей вероятности, составляли жертвы торговли людьми. Согласно данным национальной пограничной полиции, приблизительно 10 процентов женщин могли быть жертвами торговли людьми, но они не были идентифицированы как таковые до экстрадиции. Точно также из 291 жертвы, которым оказывала помощь одна албанская организация, 221 жертвы были ранее депортированы в Албанию и лишь по возвращении домой идентифицированы как жертвы торговли людьми, чаще всего правоохранительными органами (Surtees 2005).

стигматизации и дискриминации и/или оказались бы перед риском возмездия со стороны торговцев людьми. Помощь должна носить добровольный характер, не быть дискриминационной, не содержать оценочных суждений и осуществляться в соответствии с принципами прав человека (ICMPD 2006). Предоставляемые услуги должны быть в достаточной степени гибкими для того, чтобы они могли бы удовлетворить специфические потребности и интересы самых различных категорий жертв (в том числе, мужчин, детей, жертв, ставших объектом торговли в пределах страны) и жертв различных форм торговли людьми (для трудовой эксплуатации, сексуальной эксплуатации, попрошайничества, правонарушений). Они должны с течением времени адаптироваться и корректироваться с учетом новых тенденций и факторов (Surtees 2006a: 15). Особое внимание следует уделять детям с точки зрения учета их потребностей, а также в плане оказания им помощи и обеспечения защиты.

В странах транзита и назначения

Краткосрочные услуги и неотложная помощь для иностранных жертв является основной сферой деятельности соответствующих служб в большинстве стран транзита и назначения, однако, как правило, такие услуги ориентированы на взрослых гораздо в большей степени, чем на детей. Иностранных граждан помещают в приюты (как правило, закрытого типа), предоставляют неотложную помощь – в частности, медицинскую помощь, помощь для удовлетворения элементарных потребностей (одежда и пища), психологическую помощь, возможность отдыха и правовую помощь (как правило, оформление документов, хотя в некоторых случаях и юридическое представительство) – до возвращения домой. В зависимости от наличия соответствующих контактов у предоставляющей помощи организации, жертвы также могут быть переадресованы для получения помощи в своей стране.

В некоторых странах, где иностранным гражданам предоставляются временные или постоянные виды на жительство¹⁷, они имеют возможность получать более

¹⁷ В декабре 2002 г. страны Балканского региона подписали Тиранскую декларацию об обязательствах, касающихся легализации статуса жертв торговли людьми, в том числе и обязательство о предоставлении временных видов на жительство иностранным жертвам торговли людьми. В августе 2003 г. по инициативе Специальной рабочей группы Пакта Стабильности по противодействию торговле людьми (SPTF) и при финансовой помощи Фонда короля Бодуина (KBF) МОМ начала осуществление проекта «Создание механизмов выдачи временных видов на жительство жертвам торговли людьми и свидетелям в странах Балканского региона» с тем, чтобы укрепить организационно-кадровый потенциал соответствующих структур в Балканском регионе для выполнения ими своих обязательств по защите и оказанию помощи жертвам торговли людьми. После введения в силу соответствующих законов в рамках программы TRP было выдано 36 видов на жительство (переписка по электронной почте с Джованой Скмыюг, МОМ Белград, декабрь 2006 г.)

долговременную помощь (в идеальном случае – ориентированную на реинтеграцию). В таких случаях услуги предоставляются им наравне с национальными жертвами.¹⁸ Там, где такая возможность не предусмотрена, требуемая долгосрочная помощь может быть обеспечена через социальный сектор.

В странах происхождения

Жертвы могут возвращаться домой как получив помощь (через НПО и программы помощи в возвращении, реализуемые международными организациями), так и не получив помощи (в случае депортации или самостоятельного возвращения). Таким образом, возвращаясь в свою страну, некоторые жертвы возможно уже воспользовались помощью за рубежом (как правило, краткосрочной/экстренной), в то время как у других жертв такой возможности не было. Помощь в странах происхождения в первую очередь направлена на реинтеграцию, хотя жертвы могут получить кратковременную помощь непосредственно по возвращении и/или обратиться за услугами и на более позднем этапе. Стандартные формы помощи, имеющиеся в странах происхождения, включают предоставление безопасного крова (на короткий, средний или длительный период времени), удовлетворение основных потребностей (одежда, пища), медицинское обслуживание, правовую помощь, психологическую помощь, трудоустройство, помощь в получении образования, работу с семьей, обеспечение отдыха, помощь в получении жилья, материальную помощь и т.д. Объем и качество услуг различается по странам, и даже по организациям. В целом, критически важным вопросом остается отсутствие стандартов, протоколов и моделей для развития и внедрения услуг по оказанию помощи жертвам. Даже если в каких-то случаях и разрабатываются руководства и пособия, они нередко представляют собой документы для внутреннего пользования или же носят слишком обобщенный характер для того, чтобы быть достаточно полезными для работы.¹⁹

Помощь – как краткосрочная, так и ориентированная на реинтеграцию в Юго-Восточной Европе – как правило, предоставляется в приюте, во всяком случае,

¹⁸ Для более подробной информации и защите и помощи, предоставляемой в некоторых странах ЕС, см. IOM 2005A, Pearson 2002, van der Kleij 2003. Для более подробной информации и защите и помощи, предоставляемой в странах Юго-Восточной Европы, см. Andreani & Raviv 2004; Dottridge 2004 & 2006; Hunzinger & Sumner-Coffey 2003; ICCO 2004; Kvinna til Kvinna & Kvinnoforum 2003; Kvinnoforum 2003; Bjerkan 2005; Bjerkan & Dyrliid 2006a and 2006b; Brunovskis & Surtees 2007; La Strada Moldova 2005; Limanowska 2002 and 2003; Pearson 2002; Reiter 2005; Rosenberg 2006; Somach and Surtees 2005; Surtees 2005, 2006a, 2006b; Tdh & ARSIS 2006; Tdh 2005; Tozaj 2006; UNICEF 2004; UNICEF & STC 2004; van der Kleij 2003.

¹⁹ Исключением является пособие MOM «Direct Assistance Handbook», предназначенное для пользования НПО и правительств при предоставлении услуг жертвам торговли людьми и доступное для широкого круга на сайте: http://www.iom.int/jahia/webdav/site/myjahiasite/shared/shared/mainsite/published_docs/books/CT%20handbook.pdf.

на начальной этапе, расположенном в столице страны. Кроме того, различные службы, как правило, расположены в городских центрах, и поэтому некоторые виды услуг являются практически недоступными для тех, кто живет за пределами больших городов – например, психологическая и психиатрическая помощь, специализированные медицинские услуги, программы детоксикации, услуги для инвалидов и т.д. Однако следует отметить, что нерезидентные услуги становятся все более доступными, равно как и службы, работающие за пределами столицы. Среди услуг, предоставляемых в рамках реинтеграции, следует отметить возможности образования и профессионального обучения, трудоустройство, помощь в деятельности, приносящей доход, консультации/медиация в семье. Такие услуги наиболее часто встречаются в странах, которые традиционно являются странами происхождения, как, например, Молдова, Болгария, Румыния и Албания. Однако в связи с недавним появлением национальных жертв торговли людьми в странах, которые традиционно являются странами назначения и транзита – как, например, Босния-Герцеговина, Хорватия, находящаяся под административным управлением ООН территория Косово, Македония, Черногория и Сербия – все более нужными становятся услуги по реинтеграции. Получателями услуг по реинтеграции в первую очередь являются граждане страны, хотя в связи с недавним учреждением временных видов на жительство для жертв торговли людьми в шести странах Юго-Восточной Европы помощь в интеграции предоставляется также и иностранным гражданам.

3.2.4. Национальные механизмы и системы адресации

Национальные механизмы и системы адресации, существующие в странах Юго-Восточной Европы, значительно отличаются друг от друга и с точки зрения используемых подходов, и с точки зрения этапа развития. Говоря в общем плане, они представляют собой определенные схемы сотрудничества и взаимодействия, в рамках которых государственные структуры выполняют свои обязательства по защите прав лиц, пострадавших в результате торговли людьми, в стратегическом партнерстве с гражданским обществом и другими группами и службами на местах (OSCE/ODIHR; Reiter 2005: 20). Целью данного механизма является обеспечение для всех жертв торговли людьми (как граждан страны, так и иностранцев, ставших объектом торговли внутри страны или за ее пределами) доступа к адекватной помощи и защите, согласно положений Палермского протокола и соответствующего национального законодательства. Помощь и защита должны предоставляться начиная с момента первоначальной идентификации и в течение всего процесса возвращения и адресации, вплоть до реабилитации и реинтеграции. Говоря о национальных механизмах адресации, следует отметить, что они не обязательно

должны строго следовать схемам, предложенным в руководстве ОБСЕ/БДИПЧ. Некоторые страны – как, например, Сербия и Македония – создали национальные механизмы адресации по этой модели, с созданием в рамках Министерства труда, занятости и социальной политики агентства, отвечающего за координацию помощи и услуг жертвам торговли людьми, а также контакты и координацию работы с центрами социальной работы по всей стране и с НПО. Однако другие страны создали свои собственные системы. Например, в Молдове Министерство здравоохранения и социальной политики отвечает за координацию работы многопрофильных групп на уровне районов, которым поручено предоставлять услуги от различных организаций и агентств из числа как государственных структур, так и структур гражданского общества. В Румынии контроль, координацию и мониторинг помощи жертвам торговли людьми осуществляет Национальное агентство по противодействию торговле людьми, которое имеет шесть региональных центров и которое адресует жертв к поставщикам услуг по оказанию помощи и осуществляет мониторинг помощи. В Албании Ответственный орган (в который входят представители Пограничной службы, Службы по противодействию торговле людьми, Управления консульской службы и Управления социального обслуживания) отвечает за координацию процесса адресации для получения начальной помощи и защиты и долгосрочной реабилитации всех жертв торговли людьми в тесном сотрудничестве со всеми министерствами, учреждениями и программами помощи жертвам торговли людьми. Таким образом, модели национальной системы адресации в каждой стране/территории региона значительно различаются, равно как и их этапы развития и объем предоставляемых услуг.

4. Опыт идентификации лиц, ставших жертвами торговли людьми

По ходу исследования одной из наших главных задач было получение от жертв информации о том, как именно их идентифицировали, что они переживали во время идентификации и какие, по их мнению, возникали проблемы, вопросы и положительные практические методы их решения. Данный раздел посвящен целевому рассмотрению этих трёх направлений исследования с тем, чтобы попытаться сконцентрировать обсуждение на анализе опыта и мнений лиц, оказавшихся жертвами торговли людьми.

4.1. Как идентифицировались жертвы торговли людьми

Жертвы, с которыми проводились собеседования, были идентифицированы многочисленными службами по противодействию торговле людьми, использовавшими различные механизмы. В этом направлении работали специалисты по работе с населением, работники правоохранительных органов, различные «горячие линии», НПО, штатные сотрудники международных организаций и посольств, социальные работники, клиенты и сами жертвы. Кроме того, в процессе идентификации принимали участие также лица, напрямую не связанные с борьбой против торговли людьми, такие, например, как транспортники, частные лица и религиозные организации.

Обеспечение законности и правопорядка было ключевым фактором при идентификации жертв в Юго-Восточной Европе и за ее пределами. Правоприменительная деятельность осуществляется не только специализированными отрядами полиции по борьбе с торговлей людьми, но также и иммиграционными и пограничными властями, силами внутренних полицейских формирований, военной полицией и отрядами по борьбе с организованной преступностью. Многие из прошедших собеседование были идентифицированы как жертвы торговли людьми в результате проактивного вмешательства сотрудников правоохранительных органов. Были также случаи, когда семьи жертв подавали жалобы в полицию и добивались выявления и возвращения пропавших под семейный кров даже уже из-за границы. Одна женщина сообщила, как она добилась возвращения домой: она позвонила своему мужу из места, где она подвергалась эксплуатации в качестве секс рабыни, и попросила его выволить её оттуда:

«Как только меня начали использовать в качестве секс рабыни, я сразу же начала искать возможность связаться с мужем и всё ему рассказать. Прошло несколько недель сплошного унижения и насилия, прежде чем один из моих клиентов позволил мне позвонить домой. Мне удалось сообщить мужу, что меня продал сюда мой двоюродный брат, и я попросила мужа, чтобы он выволил меня из этого города, название которого мне также удалось ему сообщить. Муж заявил в полицию: так информация о моём местонахождении стала началом поисков [силами полиции]. Когда я находилась у хозяина, [сотрудники местной полиции] пришли в квартиру и сказали ему, что у него будет много проблем [из-за того, что он удерживает меня силой]. Он дал мне денег на билет и на взятки пограничникам для благополучного перехода через границы. Он был заинтересован в том, чтобы я покинула его страну».

Подобным же образом были выявлены и другие жертвы:

«Мне удалось позвонить сестре с мобильного телефона одного из моих клиентов. Я попросила её помочь мне вырваться и избавиться от рабства, в котором я находилась... Я дала ей точный адрес своего местонахождения. Сестра связалась с одним из наших знакомых [в полиции], и он собрал эту информацию и дал ей ход. Я надеялась на освобождение на следующий же день после звонка. Однако на деле вышло иначе... Одна из девушек сообщила о моём звонке хозяину, и тот избил меня... Через день мне снова удалось позвонить домой. Сквозь слёзы я сказала им, что меня продадут в другое место и умоляла немедленно спасти меня. До этого меня уже эксплуатировали [в другой стране]... Насколько я понимала, моя сестра, видя,

что действия [полиции] займут много времени], отправилась в [некую организацию] и оставила там всю информацию. [Эта организация] переслала её в [другую организацию, находящуюся в стране назначения]. Тут же через день к нам явилась полиция и начала нас допрашивать. Я смогла позвонить родственникам и сообщить им свой адрес. Моя мать обратилась в полицию нашего города. Через несколько недель сотрудники центрального управления полиции ... пришли на рынок, где я работала, и забрали меня».

В некоторых странах, как только жертва этого преступления, будь то он или она, осознавала, что стала объектом торговли людьми или даже эксплуатации²⁰, она добровольно являлась в правоохранительные органы, что стало наиболее распространенным методом выявления случаев торговли людьми. Иногда такое решение принималось вопреки крайне большому риску. Одна женщина, которую продал её собственный любовник, подверглась жестокому избиению, когда ей удалось сбежать из рабства и вернуться в родной город. Она рассказала, что её били и пытали до тех пор, пока она не потеряла сознание: «Раньше он тоже бил и пытал меня. Но на этот раз он почти прикончил меня. Боль была ужасная. Я кричала. Несколько раз теряла сознание». Несмотря на это, как только ей удалось бежать, она немедленно пошла прямо в полицию:

«Я очень боялась. Прежде всего, боялась избиений. А потом он изнасиловал меня и начал угрожать, что если я донесу на него, то он искалечит меня на всю жизнь. Он сказал, что если его посадят, эту угрозу выполнит некто другой. Я молчала. Всё это продолжалось около 24 часов. Утром он снова избил меня. В тот момент я еще не была уверена, что действительно донесу на него в полицию... Я говорила ему, что не пойду в полицию, просила, чтобы отпустил меня к моей сестре для выздоровления. Я боялась оставаться у него, так как была уверена, что он только и ждет возможности, чтобы снова продать меня... Я была в полнейшем отчаянии. Колебалась, заявить на него или нет. Хотела сначала поехать к сестре, а потом уже

²⁰ В Боснии-Герцеговине в 2003 и 2004 годах многие жертвы торговли людьми сами находили, куда обратиться за помощью, или следовали советам семьи. Это особенно относилось к тем жертвам, которые являлись гражданами этой страны, 69,2 % которых сами вышли на организации, которые стали в 2003 году оказывать им помощь. Хотя число таких самоопределяющихся жертв сократилось в 2004 году до 33,3 %, это остаётся значительным средством идентификации и дальнейшего рассмотрения их дел. Дела жертв-иностранцев в Боснии-Герцеговине также часто направлялись для дальнейшего рассмотрения: 27,1% случаев в 2003 году и 21,4% случаев в 2004 году. Подобным же образом, жертвы сами находили себе заступников в Албании (особенно несовершеннолетние, используемые на работах, и нищие), Болгарии, Косово, Молдове, Румынии и Сербии (Surtees 2005: 152).

подумать обо всем этом хорошенько. Он поверил мне и отпустил к сестре. . . Я пришла на остановку, села в автобус, чтобы ехать к сестре. Но тут решила все же заявить на него в полицию. Сошла с автобуса на последней остановке [на окраине города]. Идти боялась. Поймала такси и сказала шоферу, чтобы вёз меня в полицейский участок».

Что касается добровольной явки жертв торговли людьми в правоохранительные органы, то здесь важную роль играют так называемые «горячие линии»²¹:

«Я работала в гостинице, где также работали и другие женщины. Они промышляли проституцией, но это был их собственный выбор. Одна из них увидела, что я плачу, и спросила, что случилось. Я сказала, что занимаюсь этим против своего желания. Она дала мне листок бумаги с номером телефона «горячей линии» [в моей стране] и посоветовала позвонить. В тот же вечер я попросила одного из моих клиентов позволить мне воспользоваться его мобильным телефоном. Я позвонила по этому номеру и рассказала им, где я и что со мной происходит. Консультант на том конце линии успокоил меня и сказал, что всё будет хорошо, что за мной приедет полиция, и что я должна рассказать им всю правду. Они велели мне еще раз позвонить по «горячей линии», [но уже в той стране, где я находилась] и просто попросить о помощи. Мне ничего не нужно было им объяснять, так как вся информация была уже направлена им соответствующими органами [из моей родной страны]. Я так и сделала. На следующий вечер прибыла полиция».

В поразительном количестве случаев продажи женщин для принуждения заниматься проституцией именно клиенты этих женщин помогали им бежать из сексуального рабства, либо предоставляя в их распоряжение свои мобильные телефоны, либо более проактивным способом, как это видно из нижеприводимого примера²²:

²¹ В этом регионе имеется много «горячих линий», занимающихся проблемами борьбы с насилием и торговлей людьми. Хотя авторы многих звонков просят о защите от торговли людьми, многие другие дают хорошее подспорье идентификации его жертв. Анонимность звонков важна для жертв, которые боятся полиции и не доверяют всем остальным. Однако идентификация с помощью этого метода зависит от доступа к «горячей линии» – т.е. где она имеется, как ей пользоваться, бесплатные звонки, или нет, в какие часы можно звонить и какой квалификацией обладают её сотрудники.

²² В Боснии-Герцеговине 2003 году 12,9 процентам жертв торговли людьми, используемым на секс рынке в качестве проституток, помогли бежать от хозяев сами клиенты; в 2004 году эта цифра составила 17,9 процента. Подобным же образом, в 2004 году 4,8 процента таких жертв в Боснии-Герцеговине было идентифицировано их же клиентами. Такая же тенденция наблюдалась в Румынии. Однако следует отметить, что некоторые из женщин, которым помогли «бежать» их клиенты, потом удерживались ими же в качестве персональной служанки или «жены» (Andreani & Raviv 2004; Surtees 2005).

«В наш ресторан ходил один мужчина. Он говорил [на моём языке] очень хорошо. Я попросила его помочь мне, потому что меня удерживали в этом ресторане силой. Сначала он боялся, но, в конце концов, согласился помочь. Сказал, что будет ждать меня в машине на улице».

«Один из клиентов решил помочь мне. Он отвёз меня в гостиницу и заплатил её хозяину вперед за тот день, который намеревался провести там со мной. Спустя несколько часов, он позволил мне уйти. Вот так я и сбежала».

В идентификации жертв торговли людьми в странах Европейского Союза определенную роль сыграли специалисты по работе с населением, но обычное отсутствие таких программ в Юго-Восточной Европе, Турции, в странах Ближнего и Среднего Востока и бывшего Советского Союза указывает на то, что эти страны упустили возможность организовать выявление этих жертв. Одна женщина, которую продали и вывезли в Италию, рассказала, что когда ей, в конце концов, удалось бежать от хозяина, единственно, к кому она могла обратиться за помощью, были штатные специалисты по работе с населением:

«Когда я сбежала от человека, на которого работала, то пошла к тому парню, который очень хотел помочь мне всем, чем мог. Он решил помочь мне вернуться домой... Сначала он взял телефонную книгу и нашел там какие-то номера... Потом я вспомнила врачей, что приезжали на нашу улицу в автофургоне и раздавали презервативы, листовки и всё такое... Так что первой я вспомнила именно их организацию. И вместе с этим парнем я пошла на то место [на улице], куда они приезжали, и подошла к тем девочкам, с которыми у меня были хорошие отношения... Одна из них дала мне листовку, которая, к счастью, была при ней. Мы позвонили туда тем же утром».

В некоторых случаях жертв торговли людьми выявляли государственные социальные работники. Для Юго-Восточной Европы, где эти служащие редко привлекались к такой работе²³, данный факт указывает на улучшение ситуации по сравнению с результатами нескольких прошлых лет. Им вместе с представителями местной полиции удалось выявить одну несовершеннолетнюю девушку в баре, где она работала, и выволить её из этой тяжкой доли. Подобным же образом, еще одна несовершеннолетняя рассказала, что когда её допрашивали в полицейском участке,

²³ Очень мало жертв торговли людьми, которым оказывалась помощь в Юго-Восточной Европе в 2003 и 2004 годах, были идентифицированы государственными социальными работниками, хотя некоторые такие случаи отмечались в Хорватии, в Косово (области, находящейся под управлением ООН) и в Сербии (Surtees 2005). Недавно это же отмечалось в таких странах Юго-Восточной Европы, как Македония, Босния и Герцеговина и Румыния.

то лишь только после приезда туда государственных социальных работников удалось убедить полицейских, что её случай подпадает под определение «торговли людьми».

По ходу работы и собеседований с жертвами торговли людьми были выявлены также и более редкие механизмы и приёмы их выявления, когда в этом принимали участие транспортные служащие, частные лица и религиозные организации. Некая женщина, которую против её воли вывезли в бывший Советский Союз, после побега обратилась за помощью к поезднему проводнику. Её паспорт находился в руках похитителя, и у неё не было денег, чтобы заплатить за билет:

«В отчаянии я обратилась к проводнику и все ему рассказала. Он сказал, что постарается помочь мне пройти через все таможни... У меня не было другого выхода. Это был единственный и, может быть, последний шанс на спасение. Если бы он отказался помочь мне, я не знаю, что бы могло со мной случиться. Я могла бы броситься под поезд... Мне было очень трудно с психологической точки зрения... Он оказался очень отзывчивым; рассказал, что у него есть дочь, и она моя ровесница, и что он с ужасом представляет себе, что она могла бы оказаться на моём месте... Ему было жаль меня. Он понял меня и обращался со мной хорошо. Никаких денег не требовал».

Целый ряд тех, кто бежал из зарубежного рабства домой по собственной воле, рассказывают, что их выявили и оказали помощь частные лица – простые люди, с которыми их столкнула судьба во время скитаний. Некий мужчина рассказал, как он встретился с таким человеком, когда шел домой пешком, а путь составлял буквально тысячи километров:

«Он просто сказал, что мне нужно хорошенько отдохнуть, потому что я очень устал и ослабел. Он позволил мне оставаться до тех пор, пока в посольстве не будет готов мой паспорт; разрешил позвонить [домой]. Я позвонил некоторым знакомым, которые связались с мамой, так как у нас дома нет телефона. Мама позвонила по «горячей линии»... и попросила помощи. Как мама теперь рассказывает, [эта организация] у нас в стране связалась [с другой организацией, находящейся в стране моего тогдашнего пребывания]. На следующий день мне позвонил сотрудник этой «горячей линии» и предложил свою помощь».

Также небезынтересен небольшой ряд случаев, когда в деле выявления жертв торговли людьми определенную роль сыграли религиозные организации, хотя они в большинстве случаев смотрели на этих людей как на нуждающихся в помощи, а не как на жертвы торговли людьми. Некая девушка, которой во время собеседования

было семнадцать лет, и которую вынуждали заниматься проституцией, обратилась за помощью к монахине – её единственному источнику и шансу на спасение:

«Я часто ходила в церковь и рассказывала [этой монахине] о наших семейных делах и проблемах; она всегда была готова выслушать меня и помочь. Когда положение . . ., в котором я оказалась, стало крайне серьёзным, я встретила с ней и всё ей рассказала. Она сообщила мне, где я могу найти укрытие, и уверила, что там я буду в безопасности и под защитой».

А вот в случае, когда некоего мужчину незаконно переправили в бывший Советский Союз, его также выявила группа прихожан из церковной общины. Дело в том, что этот мужчина был задержан органами правопорядка, потому что не имел при себе документов, но не вызывал подозрения, что является жертвой торговли людьми:

«Мне было крайне трудно просидеть в отделении милиции эти четыре месяца. У меня появились проблемы с ногами, которые отнялись вследствие плохого питания и депрессии. Мне еще повезло в том, что тогда [правительство] объявило всеобщую амнистию, и меня освободили. Я едва ходил. Находясь в таком ужасном состоянии, я встретил нескольких верующих христиан, которые отвели меня к себе на квартиру, где они совершали моления. Я прожил там три месяца. Они кормили и лечили меня. Обещали помочь в получении паспорта».

А вот что рассказала женщина, которую вывезли за рубеж и продали с тем, чтобы заставлять её заниматься попрошайничеством:

«Однажды ко мне подошла христианка и начала расспрашивать о жизни. Я ей всё рассказала. Она пожалела меня и помогла получить проездные документы. Потом взяла мою фотографию и отнесла в наше посольство. И вот через некоторое время она пришла с билетами и даже сопровождала меня [на родину]. Сказала, что отведет меня в некую организацию, которая помогает эксплуатируемым. Вот так я и очутилась здесь».

Не менее важны случаи, рассказанные жертвами торговли людьми, когда возможность их идентификации была упущена. Такая возможность в отношении некоего мужчины, незаконно вывезенного за рубеж и проданного в качестве рабочей силы, была упущена целым рядом сторон: – и медицинскими работниками (он одно время находился в больнице по поводу увечий, полученных вследствие профессиональной деятельности), сотрудниками пограничной службы (когда он пытался перейти границу по пути на родину) и полицейскими и тюремными властями (когда он был арестован за незаконный переход границы). Он

рассказывал свою историю во всех трех случаях, и никто не прислушался к нему серьезно и не сделал никаких попыток помочь ему. Единственно, от кого он получал помощь, были простые люди, которые кормили его и давали ему деньги, когда он шел на родину пешком. Все это дает повод для беспокойства, так как жертвы торговли людьми обычно имеют очень мало возможностей заявить о своем положении. Давайте рассмотрим пример молодой девушки, которую продали в её собственной стране для занятия проституцией:

«Мне не к кому было обратиться, [кроме той монахини]. Моя семья относилась ко мне равнодушно, и я всё время чувствовала себя одинокой и незащищенной. . . Брат обращался со мной плохо. . . , бил меня; отец пил; мать умерла. Люди пользовались этим. Единственным человеком, к которому я могла обратиться за поддержкой и утешением, была [эта монахиня]».

В целом ряде случаев жертвы торговли людьми не были выявлены, несмотря на их контакты и даже прямые просьбы о помощи, обращенные к различным властным структурам. Некая женщина, проданная и незаконно вывезенная в одну из стран Европейского Союза с целью сексуальной эксплуатации, была подвергнута аресту и тюремному заключению за проживание по недействительным документам, а когда она обратилась за помощью в посольство своей страны, то получила отказ²⁴:

«Затем меня освободили [из тюрьмы] и дали немного денег на билет до [столицы], где я надеялась выправить себе паспорт в [нашем] посольстве. Но возникла ещё одна проблема: в базе данных информации обо мне не оказалось, как будто у меня до этого никогда не было паспорта. . . Посол сказал, что не выдаст мне паспорт, пока я ему не заплачу. Я ответила, что денег у меня нет, а он на это: «Тогда убирайся! Можешь отсюда позвонить своим родителям, чтобы продали дом или всё что угодно и выслали деньги сюда». . . Я рассказала ему всё [о том, как приходится тем, кто стал жертвой торговли людьми], но по его виду было понятно, что это ему не интересно».

Подобным же образом, одна из жертв торговли людьми неоднократно обращалась за помощью в полицию и рассказывала сотрудникам свою историю, но в её положении ничего не менялось:

²⁴ Сказав это, необходимо отметить, что посольства и консульства некоторых стран были задействованы в процессе идентификации жертв торговли людьми, когда те обращались к ним за помощью, за получением проездных документов, помощи в возвращении домой и так далее. Некоторые страны провели специальную подготовку своих консульских работников за границей по процедуре идентификации жертв торговли людьми и последующего рассмотрения их дел, хотя степень их вовлеченности и вмешательства в эти дела остаётся пока неясной (Surtees 2005).

«Потому что большинство полицейских коррумпировано. Не все, но в большинстве случаев это так. Я обращалась к ним несколько раз и даже [в стране назначения], но они всё поворачивали против меня. И мне пришлось всё делать самой, чтобы отвязаться от них и добраться до посольства».

Важным результатом проведенных собеседований было выявление фактов упущенной возможности помочь жертвам торговли людьми, что продлевало их неволю в чужой стране. Для некоторых из них это означало арест (часто под предлогом задержания за занятие проституцией или за нелегальное проживание в стране), оскорбления и избиения, и даже дальнейшую перепродажу в другую страну.

4.2. Что жертвы торговли людьми ощущали во время идентификации

Для многих жертв торговли людьми процесс идентификации оборачивался тяжёлым эмоциональным стрессом, переживаниями и связанными с ними реакциями. Их расспрашивали о том, что они ощущают во время идентификации как в негативном, так и в позитивном плане с целью выяснить, как ведут себя индивидуальные жертвы и как они относятся к своему положению в качестве эксплуатируемых. Респонденты сообщили о широком диапазоне как положительных, так и отрицательных реакций и о своём отношении к сотрудникам, проводящим собеседование. Весьма часто наблюдалась смена настроений и отношения к происходящему со стороны жертв, когда отрицательные чувства (страх и подозрительность) уступали место облегчению, когда жертва торговли людьми чувствовала себя теперь под защитой и начинала постепенно доверять опрашивающему или опрашиваемым. Эмоциональные реакции жертв часто бывали многослойными и разноречивыми. Вот как они рассказывают об этом своими собственными словами.

Страх и подозрение

Вряд ли следует удивляться, что многие жертвы торговли людьми говорили, что при идентификации они испытывают страх и подозрение. Это чаще всего связано со страхом быть снова возвращёнными к своему прежнему образу жизни под игмом эксплуатации, так как хозяева говорили им, что при попытке к бегству официальные органы просто-напросто вернут их обратно.

«Я просила его позволить мне работать внизу в ресторане, просила относиться ко мне так же хорошо, как я относилась к нему. Он обещал, он при условии, что я не буду пытаться бежать и ничего никому не буду

рассказывать. Он предупреждал меня, что это бесполезно, так как полиция на его стороне, и мне будет очень плохо, так как я не смогу ничего доказать».

«Уже находясь там [за рубежом], я не осмеливалась донести [на своего хозяина] в полицию, так как верила, что он действительно с ними связан: они часто приходили в наш ресторан».

Вдобавок преступники, нелегально вывозившие людей за рубеж, говорили своим жертвам, что полиция сотрудничает с ними, и если они попытаются бежать, полиция их выловит и вернёт хозяевам, которые жестоко их накажут:

«Я боялась, что полицейские отправят меня обратно к хозяину, и что тот, который следил за мной, может сделать то же самое».

В тех случаях, когда жертвы ощущали присутствие хозяина где-то рядом, их страхи и подозрения от этого часто обострялись. Одна из них, женщина, которую хозяин удерживал против её воли семь лет, заставляя её работать в баре, а потом выступать в качестве «жены», рассказала нам, как ей было страшно, когда она была вызвана на собеседование в органы правопорядка, хотя рядом находились полицейские и социальные работники:

[О социальной работнице, проводившей собеседование]. «Она сказала мне, что если я чувствую какое-либо неудобство или смущение, то я должна немедленно ей об этом сообщить. И что если я хочу о чем-то её спросить, то я могу это сделать. У меня в этот момент так всё перепуталось в голове, что я сказала, что сейчас никаких вопросов у меня нет, но они могут возникнуть позже. Я была очень испугана тогда, потому что мой «муж» находился прямо за стенами здания».

Некоторые жертвы торговли людьми также боялись, что хозяин узнает, что они заявили на него в полицию:

«Ко мне пришли социальный работник и психолог, чтобы поговорить со мной, но я не хотела ни с кем разговаривать, потому что боялась... Я боялась говорить, потому что выданная мной информация могла дойти до ушей моих хозяев, а я знала их слишком хорошо. Они способны были причинить вред моей семье [на родине]. Я никому не доверяла».

Сами поставщики подобного рода услуг говорят по этому поводу: «Если хозяин узнаёт, что его рабыня пользуется чьей-то помощью, у него возникает страх, что она может подать на него в суд. Иногда сами жертвы торговли людьми заявляют, что нелегально выехали в чужую страну сами и по собственной воле, так как боятся «треффикеров», этих торговцев живым товаром» (Brunovskis & Surtees, 2007).

Многие жертвы боялись мести хозяев, направленной на них и на их семьи:

«Девушки боятся... Я знаю, что они боятся, потому что мы часто говорили между собой о побегах от хозяина, и они всегда говорили, что боятся бежать. Говорили, что боятся за свою семью на родине, так как кроме тех, что насильно удерживают и эксплуатируют их здесь, за границей, есть еще и другие там, на родине, которые могут причинить вред их семье.

«Я боялась возвратиться к себе в деревню, так как там живёт и его семья... За себя мне не страшно – если он хочет убить меня, то пусть убивает. Но я боюсь за моих двоюродных братьев и сестер: он может спалить их дом, наделать им неприятностей, не говоря уже о том, что он может убить моих братьев – младшего или старшего».

Многие торговцы живым товаром запугивают своих жертв, что если те попадут в руки полиции, то их арестуют, посадят и депортируют обратно по месту жительства как нелегальных иммигрантов. Это очень сильно воздействует на людей, так как они идут на контакт с торговцами людьми в надежде вырваться из дома за рубеж и заработать там деньги. Иными словами, жертвы сами боятся идентификации:

[О попытках жертв обратиться за помощью и пройти идентификацию]. «Я никого не просила о помощи, так как просто не знала, к кому обратиться... «Мы находились далеко от цивилизации. Ближайший полицейский участок был от нас на расстоянии в семьдесят километров. Я боялась обратиться в полицию, потому что опасалась, что меня сразу же арестуют, так как у меня нет документов. А других организаций там не было. Поэтому я решила остаться у хозяина до весны, а затем попытаться пробраться [в недалеко расположенный город]».

«Будучи рабочими-нелегалами и надеясь на заработки, мы боялись полиции, которая нас депортирует. Поэтому наши паспорта были у хозяина, чтобы в случае полицейского рейда, нас бы не опознали как нелегальных рабочих-иммигрантов».

Одна из жертв рассказала, что полиция несколько раз приезжала в бар, где она работала, и что полицейские дали ей номера контактных телефонов организаций, которые оказывают помощь, но она порвала эту бумажку:

«Мы рвали эти бумажки на мелкие кусочки, так как хозяин велел нам ничего от полицейских не брать. Мы рвали и сжигали эти бумажки. Хозяин говорил:

«Они всё врут. Они всучат вам [ордер] на депортацию». Когда полиция уехала, мы выбросили [эти бумажки]».

Многие жертвы также боялись дурного обращения со стороны властей, и страх этот был хорошо обоснован, так как они прекрасно знали о зверствах коррумпированных полицейских (как дома, так и за рубежом); эти страхи еще больше усиливались рассказами самих торговцев людьми:

«Меня поймали вместе с группой других людей [моих соотечественников], когда мы шли пешком к границе в надежде перейти её [и попасть в соседнюю страну]. Когда нас остановили, я страшно испугалась. Кто знает, что они с нами сделают? Мы слышали, что когда заграничные власти ловят таких, как мы, они их избивают и убивают. Но, слава Богу, с нами ничего подобного не случилось. Нас отправили в небольшой полицейский участок, находившийся неподалёку, спросили наши имена, и на этом всё закончилось».

[Относительно того, куда обращаться за помощью]. «Можно пойти в полицию, но некоторые полицейские связаны с ними [с торговцами людьми]».

«Я ужасно боялась полиции. Если бы не тот факт, что у меня не было паспорта, я никогда бы не обратилась за помощью к полиции... Не знаю почему, но я думала, что там меня сразу же избьют... Так мне сказал хозяин, у которого я работала... Хозяин также сказал мне, что все полицейские коррумпированы».

«Прошло около пяти лет, [прежде чем я обратилась в полицию]. Сперва я боялась полиции. Знала, что многие полицейские тесно связаны с торговцам людьми. Я боялась, что меня вышлют из страны».

«В тот момент я не знала, к кому обратиться. Я бы никогда не обратилась к полицейскому, если бы он первым не подошёл ко мне. Я знала, что полиция коррумпирована, что [торговцы людьми] дают взятки полицейским, которые патрулируют тот район, где хозяин меня эксплуатировал».

Из собственного опыта общения с полицейскими и из рассказов других женщин становилось известно, что некоторые из сотрудников полиции сами являются клиентами] зарубежных проституток. Как это ни парадоксально, но идентификация нелегальных иммигрантов проводилась теми же организациями и теми же сотрудниками, которые издевались над ними, эксплуатировали их, но одновременно также пользовались их услугами.

«Я боюсь полиции. Так как я работала на улице, полицейские часто подходили ко мне, чтобы я их обслужила. Боюсь я их. Не доверяю им ни на грош. . . [Боюсь], как бы они снова не заставили меня работать на панели».

«Я их боялась. Боялась потому, что слишком хорошо их знала: некоторые из них были моими клиентами».

Для некоторых жертв сам процесс идентификации и дальнейшего хода их судьбы очень походил на то, что происходило с ними во время нелегального вывоза за границу торговцами людьми: те же обещания помочь и обеспечить хорошую жизнь за рубежом, передвижения под командой незнакомых людей, вывоз в неизвестное место, «где все будет отлично» и «где о вас позаботятся». При этих обстоятельствах сам процесс идентификации вызывал у них подозрения, особенно если учитывать, что они были напуганы, подавлены и находились в стрессовом состоянии. Одна из женщин рассказывала, как она дрожала от страха, когда её переводили из одного полицейского участка в другой для того, чтобы добиться от неё формального заявления, и как она боялась, что её вернут обратно к хозяину:

«Он повёз меня в другой полицейский участок, где я раньше никогда не бывала, поэтому я ему не поверила. . . Но когда я вошла в здание, я увидела, что опасности здесь для меня нет, и мои страхи немного улеглись».

Подобные же сведения были получены нами, когда мы работали с жертвами торговли людьми в Албании, Сербии и Молдове. В ходе этой работы действия правоохранительных органов подпадали под подозрение именно потому, что они мало чем отличались от приёмов торговцев людьми. Различные стадии идентификации и дальнейшей адресации напоминали некоторым жертвам всё то, что они уже пережили во время нелегального перехода границы под прикрытием торговцев людьми, что непосредственно влияло на отношение жертв к правоохранительным органам и их представителям (Brunovskis & Surtees, 2007).

Хотя страх и подозрительность охватывали многих жертв торговли людьми, с течением времени интенсивность этих эмоций ослабевала по мере того, как они осознавали, что всё делается, как положено, и никакого обмана здесь нет. Однако у разных людей эти чувства ослабевали в течение значительно отличающихся друг от друга отрезков времени и были тесно связаны с различными аспектами процесса идентификации и личного общения с сотрудниками, проводящими собеседование.

Шок, полная неразбериха и дезориентация

Многие жертвы торговли людьми рассказывали, что в ходе идентификации они ощущали в себе полную неразбериху и дезориентацию. Причиной этого, в

основном, может быть тот факт, что чаще всего идентификация проводилась сразу же после побега жертвы из неволи, и эти люди чаще всего находились в состоянии шока и дезориентации. Многие жертвы сообщили, что во время проведения идентификации было очень много путаницы, и они не всегда понимали, что с ними происходит: то ли их спасают, то ли арестовывают, то ли еще раз перепродают кому-то другому (Brunovskis & Surtees, 2007). Вот как они описывают свое состояние в тот момент:

«Я говорила совершенно без всякой связи, я была полностью дезориентирована... Мне казалось, что это никогда не кончится. Может это длилось полчаса, может час, я не упомню. Во всяком случае, все это длилось слишком долго».

«Я не соображала, что происходит. Мне не терпелось вернуться домой. Я просто не могла этому поверить. Чтобы поверить, я должна была увидеть свой родной дом своими собственными глазами».

«Я просто-напросто замкнулась в себе и не совсем понимала, что происходит вокруг. Очень боялась полиции. Когда я должна была рассказать обо всем, что со мной случилось, язык у меня буквально прилип к гортани, и я не могла вымолвить ни слова. А когда полицейский начал орать на меня, я еще глубже ушла в свою скорлупу».

В других случаях такое же состояние наступает у жертв торговли людьми скорее всего потому, что они не до конца понимают, что из себя представляет сам процесс идентификации. Одна из женщин сказала, что она не понимала, что означает «сделать заявление»: – «Они не объяснили мне, что такое заявление. Я вообще ничего не знала об этом». Чаще всего мы сталкиваемся с фактом, что обстоятельства, при которых происходит идентификация во многих странах – как правило, после полицейских облав на бордели и бары – лишь усугубляют тяжесть обстановки.

«Они говорили правду, говорили, как обстоят дела, но я им не верила. Ведь это было 50/50, может быть, когда ты уже там. Но когда тебе говорят о некой организации, о которой ты никогда не слышала, то верится с трудом, да еще учтите, что все это происходит не дома, а на чужбине, за рубежом».

В некоторых случаях неспособность нелегального иммигранта понять, какие услуги предлагаются ему или ей, зависит от его или ее индивидуальных личностных качеств и характеристик. Сюда входят: способность человека адекватно понимать происходящее, языковой барьер, незнание о существовании службы спасения

нелегальных иммигрантов и состояние их психики. В результате, во время своей первой встречи с сотрудниками органов борьбы с торговлей людьми, они не всегда осознавали происходящее. Более того, все то, что происходит сразу после задержания, очень сильно осложняет дальнейшую работу этих сотрудников (Brunovskis & Surtees, 2007). Например, в одном исследовании в области нелегального вывоза женщин в Европу было выявлено, что у 56% тех из них, которые обратились за помощью, обнаружались симптомы посттравматических стрессовых расстройств (Zimmermann et al., 2006:3).

Для многих жертв состояние шока и полного замешательства продолжалось довольно долго, и многие рассказывали, что им требовалось длительное время для того, чтобы прийти в себя и осознать происходящее вокруг:

«Я думаю, что они должны были оставить дней нас на несколько наедине с самими собой и тем самым дать нам время немного прийти в себя... Я была в полном шоке... Я даже не помню, о чём сотрудник полиции меня спрашивал».

Чувства облегчения, защищенности и ощущение комфорта

Идентификация не всегда оказывалась для жертв торговли людьми источником неприятных переживаний и стресса. Для многих из них это было впервые, когда они ощущали себя в полной безопасности столь длительное время. Вот что рассказала одна из таких жертв после побега от хозяина:

«Да, только в полицейском участке я почувствовала себя в безопасности... Больше всего меня страшило, что со мной станет, если меня насильно выпроводят из участка».

Об этом же говорили и другие жертвы:

«...Когда я вошла помещение участка, я почувствовала, что здесь я нахожусь в безопасности, и мои страхи прошли... А потом на стенах я увидела плакаты с изображением сцен домашнего насилия и эпизоды, имевшие место в процессе торговли людьми. Вот тогда я поняла, что нахожусь не где-нибудь, а именно в полиции. Тут я полностью успокоилась».

«Сотрудники полиции обращались со мной очень хорошо. Там была одна психолог, которая сначала поговорила со мной, а потом с моей матерью. Они также сказали мне, что тот торговец людьми, который вывез меня, вывез также многих мальчиков, и чтобы довести это дело до конца, им нужна была

дополнительная информация. Они пообещали, что эта информация и её источник останутся в тайне. Говорить с психологом мне было очень легко».

«...Я была очень рада и преисполнилась к ним чувством благодарности. Мне очень понравилось, как проводник поезда выслушал меня и как он всё понял. Мне было стыдно, но так или иначе, я была рада, есть кто-то, кто хочет помочь мне».

В некоторых других случаях жертве потребовалось определенное время, чтобы почувствовать себя в безопасности, и зачастую это ощущение приходило уже после воссоединения жертвы с семьёй или после охвата её одной из программ оказания помощи:

«На какой-то момент я испугалась, потому что не знала, куда меня направляют. Когда я прибыла сюда (под кровлю приюта), я была скована таким страхом, что не могла описать своих чувств. Но со временем, я привыкла тут».

Когда жертв спрашивали, как можно облегчить им процедуру идентификации, многие ответили, что им было бы значительно легче, если бы рядом с ними в это время находился кто-либо, кому они доверяют: это дало бы им возможность почувствовать себя более комфортно и успокоиться. Например, одной девушке (которая во время идентификации еще не достигла совершеннолетия) было отказано в том, чтобы её сопровождала её мать на то время, когда она делала заявление в полицию. Хотя она признала, что присутствие матери в этот момент сделало бы всю ситуацию еще более трудной для неё, – «может мне было бы еще труднее, если бы мама была рядом в этот момент и услышала бы весь тот стыд, через который мне пришлось пройти» – , она тут же добавила, что присутствие какой-нибудь женщины облегчило бы её состояние:

«Я бы предпочла, чтобы моё заявление приняла женщина, но если бы я всё же должна была говорить с мужчиной, всё-таки присутствие в этот момент женщины было бы для меня чрезвычайно важно».

Во многих случаях создание для жертвы комфортной обстановки зависело от её личностных характеристик и очень часто необходимо было учитывать, что с ней произошло во время нелегального вывоза с родины, и в каком плане её эксплуатируют в стране назначения. Наиболее важным представляется тот факт, что у жертвы есть возможность выбора с кем именно говорить, а также право требовать разрешения на присутствие в момент заявления кого-нибудь из тех, кто оказывает ей поддержку – например, социального работника. Жертвы также

говорили и о других способах создания для них комфортной обстановки на начальных этапах процесса идентификации

«Да, я им доверилась, Кроме того, они хорошо меня приняли, принесли еды, спрашивали, не нужно ли мне чего-нибудь».

«Мне повезло, что удалось поговорить с кем-то из неправительственной организации. Не знаю, смогла бы я рассказать в полиции всю правду, если бы не эта женщина. Прежде всего, я ни на грош не доверяю полицейским; во-первых, я боялась рассказывать о торговцах людьми, а во-вторых, я просто-напросто не знала местного языка».

Ободрение со стороны властей было для многих жертв важным моментом создания атмосферы безопасности и комфорта. Многие рассказывали, как приятно им было слышать слова поддержки от официальных лиц, которые говорили, что теперь вы-мол в безопасности, с вами ничего плохого больше не случится и всё будет хорошо.

Отчаяние и смятение души

Некоторые жертвы торговли людьми называли своё состояние во время идентификации не меньше, чем отчаянием. Как и все жертвы этого преступления, они относились к работающим с ними официальным лицам с большим подозрением и просто боялись их, так как ничего хорошего в происходящем не усматривали. Во многих случаях идентификация этих людей проводилась тогда, когда они находились в полном отчаянии:

«Для меня важнее всего была безопасность. Мне было всё равно, получу я помощь, или нет. Главное – защищенность».

Другие избегали или пытались избежать идентификации, и единственным их желанием было вернуться домой и постараться забыть весь этот кошмар:

[О прибытии домой] «Я просто не желала, чтобы меня донимали вопросами... Я не хотела ни с кем разговаривать. Была в полном отчаянии. Не к кому было обратиться... Но я не хотела говорить о том, что происходило со мной [за границей]».

«Я была вместе с другой девушкой. Её эксплуатировали так же, как и меня. Они сначала начали допрашивать её, и она всё им рассказала. Сказала также, что всё это произошло также и со мной. Вот тогда я в первый раз и услышала, что я, оказывается, жертва торговли людьми ... Я так устала, что мне уже было всё равно... Я хотела вернуться домой как можно скорее».

При других обстоятельствах именно чувство отчаяния заставляет жертв идти на идентификацию и принимать помощь. Думается, что во многих случаях это принятие помощи связано с тем, что жертве некуда было деваться, в то время как при наличии каких-либо других вариантов выбора многие из них не часто прибегали к услугам службы спасения (Brunovskis & Surtees, 2007).

Многие жертвы объясняли своё грубое, дерзкое и вызывающее поведение во время собеседования тем, что находились в состоянии возбуждения и отчаяния. Одна из них рассказала, что она чувствовала и почему так грубо себя вела во время собеседования: «Я чувствовала себя очень плохо. Грубила, хамила и материлась. У меня всё перепуталось в голове, и я очень ослабла».

Как и прочие негативные состояния, чувство отчаяния со временем ослабевает, и при правильном подходе к работе с жертвой торговли людьми с этим чувством в ней можно совладать. Однако при этом важно отметить, что поскольку отчаяние может проявляться в виде агрессии, то работники правоохранительных органов и служб спасения могут истолковать это поведение жертвы как вызов лично себе, что приведёт к отсутствию взаимопонимания, к созданию напряжённости и даже к конфликту.

Чувство пристыженности и вины

Некоторые жертвы торговли людьми рассказывают, что при первом контакте с представителями служб спасения и борьбы с торговцами живым товаром они испытывали чувства вины и стыда. Некоторые стыдились того, через что им пришлось пройти на чужбине, а некоторые чувствуют также свою собственную ответственность за это. Одна женщина рассказывала, как хорошо её приняли а полиции, куда она обратилась, и как её было стыдно:

«Мне было так тяжело и стыдно, потому что я впервые обратилась в полицию. Это с одной стороны, а с другой – я ощущала определённую поддержку».

В некоторых случаях жертвы торговли людьми испытывали стыд от присутствия при всём этом своих близких:

«Это мой муж настоял на том, что надо идти в полицию. Пошли туда вместе. Когда обратились к этому полицейскому, он отнёсся к нам по-доброму... Я рассказала ему обо всём, что со мной случилось. При этом не могла сдержать слёз. И главное, мне было очень стыдно говорить обо всём этом в присутствии мужа. Но он не захотел выйти из кабинета и сказал, что я ничего не должна от него скрывать».

А иногда им было стыдно от отношения присутствующих близких им людей к тому, что те слышали, и от их комментариев по этому поводу:

«Мне казалось, что весь мир вокруг меня рухнул... Я была подавлена. Выходило, что во всём виновата я сама, потому что потом мой отец и многие другие говорили: «Ты сама напросилась, сама нашла себе эти приключения на свою голову»... Там были и другие женщины, которые спрашивали: «Что ты там делала? Зачем поехала туда? Ты сама во всём виновата».

Чувства стыда и самообвинения не всегда и не обязательно были связаны с сексуальной эксплуатацией. Один мужчина рассказал, что у многих молодых людей неудачи в поисках работы и невозможность зарабатывать деньги для семьи вызывали такой стыд и отчаяние, что они готовы были согласиться на любую работу:

«От ребят, с которыми работал, я также слышал, что после побега от хозяина они не захотели возвращаться домой. И не потому что они были на исходе сил и нуждались в отдыхе, а потому, что стыдно им было возвращаться домой с пустыми руками, без денег. Им стыдно было, что оказались в такой ситуации... Некоторые вообще никому ничего не рассказывали. Мужики считают, что раз уж они оказались за границей, они просто обязаны искать всё новые и новые возможности найти работу и вернуться домой только с деньгами.»

В некоторых случаях жертвы торговли людьми рассказывали, что именно отношение к ним сотрудников полиции и служб спасения нелегальных иммигрантов вызывало у них чувство стыда:

«Они допрашивали меня, а я сидела перед этим инспектором, [сложив руки на груди]. И еще несколько полицейских, шесть или семь, стояли в дверях, а двери были открыты. Я знала этих полицейских только в лицо, но они знали и моего брата, и отца. Так как же мне было говорить при них?.. А инспектор говорит мне: «Как же не стыдно тебе так позорить отца?» А что я могла сказать им на это?»

«Наших пограничников не сравнить с заграничными... Они только и знали, что насмеяться надо мной. Спрашивали, что я везу [из-за границы], чтобы и с ними тоже поделилась».

Для многих жертв торговли людьми справиться с чувством стыда было основной задачей самостабилизации и началом длительного процесса духовной реабилитации. Когда одну женщину спросили, что самое важное она могла бы посоветовать тем, кто прошёл через то, через что прошла она сама, то она ответила очень просто:

«Я бы посоветовала им ни в чём себя не винить», и продолжила: «потому что здесь, в этой стране, в таких ситуациях тебя никто не поддержит. Здесь женщине надо быть готовой справляться со всем самой, не надеясь и не рассчитывая ни на кого другого. А потом собраться с силами и пойти в полицию и рассказать там обо всём».

Многие жертвы торговли людьми при идентификации выдавали позитивную непредвзятую информацию, что, по их мнению, было очень важно для принятия решения обратиться в органы спасения. Многие из них считали, что утверждение, что они ни в чём не виноваты, сыграет положительную роль в их деле, и чем чаще повторять это утверждение, тем лучше.

Гнев, ощущения беспокойства и разочарования

Для некоторых жертв торговли людьми идентификация сама по себе не является решением проблем, которые еще на родине вынудили их согласиться на предложение торговцев людьми нелегально пробраться за границу. Более того, за рубежом эти проблемы еще более усугублялись. Для тех из жертв, которые подвергались не столь жестокой эксплуатации или сумели, несмотря на эксплуатацию, сделать определённые сбережения, обращение за помощью в органы спасения можно рассматривать, как желание закончить скитания и с деньгами воротиться домой. Однако одна женщина, которую вначале торговцы людьми нелегально вывезли за границу и которой со временем удалось устроиться лучше, была недовольна идентификацией, так как это означало для неё прекращение возможности посылать деньги домой своему ребенку.

Ощущения беспокойства и разочарования могут особенно обостряться, когда нелегалов идентифицируют в пути, когда они еще не вкусили тяжести эксплуатации и полны надежды на хорошую жизнь за рубежом. Для тех из них, кто еще лелеет надежды на хорошее будущее и не знает, какие опасности подстерегают их во время торговли людьми, идентификация, но крайней мере, на ранней стадии этого процесса, может восприниматься ими как крушение этих надежд: «Лучше всего было, когда мы переходили через первую границу. Шли пешком, и было тяжело, но здорово, и мы говорили, что готовы так идти через все остальные границы». Молодые парни, перехваченные в пути, говорили, что хуже всего для них было то, что теперь они не смогут добраться до места назначения, устроиться там на работу и начать высылать деньги домой:

«Для нас тогда самым главным было поскорей вырваться из дома. Но когда нас поймали и забрали в полицию, мы поняли, что нашему путешествию настал конец, и мы никогда уже не проберёмся [ни в одну страну Евросоюза]».

«Нас поймали, и всё это было нелегко: мы же прошли такой длинный путь, и вот в конце его все-таки попались».

Обращение с жертвами или потенциальными жертвами торговли людьми со стороны правоохранительных органов тоже играет определенную роль в том как эти люди воспринимают то, что с ними происходит. Некоторые говорили, что над ними издевались и насмеялись, что усугубляло их разочарование и вызывало гнев:

«Мы вылезли из автофургона [иностранной полиции] и пересели в фургон нашей, подождали около получаса, пока полицейские уладят свои дела между собой, и потом нас повезли [в город]... Они начали насмехаться и дразнить ребят: «На этот раз у вас ничего не вышло». А мне они сказали: «Как вам удалось проскочить [до того места, где мы вас сцапали?...] и прочее в таком же роде».

В зависимости от условий, в которых проходит процесс идентификации, а также от квалификации сотрудников, жертв торговли людьми не всегда удаётся идентифицировать при первой попытке, и приходилось подвергать их допросам как нелегальных мигрантов, проституток и/или преступников. В этих случаях их забрасывали вопросами, и вместо процедуры идентификации получался допрос преступников. Такого рода искажения процедуры идентификации и соответствующее ужесточение обращения с этими людьми как с преступниками, не могли не вызвать у многих из них чувств гнева и ожесточения. Описывая, как с ней обращались на родине и за границей, одна из женщин сказала, что за границей было лучше:

«В заграничном [полицейском участке] нам было легче. Они записали наши имена и фамилии и дали нам возможность успокоиться. А затем насели на меня: «Как вы выехали из своей страны?» «С кем выехали?», «Что вы собирались делать за рубежом?» и не знаю, что еще... Они угрожали, что посадят меня, если я не признаюсь, что выехала с родины именно с тем человеком, на которого они мне указывали».

Доверие и недоверие

Для многих жертв торговли людьми отсутствие доверия к организациям и отдельным лицам явилось непосредственным результатом их печальной истории. Это, в свою очередь, повлияло на их желание проходить идентификацию, идти на повторный контакт с представителями правоохранительных органов и принимать помощь от организаций спасения. Одна женщина рассказала, что местный социальный работник дал ей телефон «горячей линии» для жертв насилия, но она побоялась позвонить туда из-за отсутствия доверия: «Тогда я впервые

услыхала об этой организации, впервые узнала, что такие организации существуют и функционируют. Я пережила столько ужасов, что не доверяла никому и ничему».

Многие жертвы тоже не верили властям и поэтому не шли на идентификацию даже тогда, когда была возможность сделать это.

«Я могла бы обратиться в полицию, но [в той стране] полиция была вся коррумпирована. Я могла бы обратиться за помощью и в какую-нибудь неправительственную организацию, но я не знала ни адреса, ни телефона, да у меня и денег-то не было ни поехать туда, ни даже позвонить».

«Тогда я никому не верила и представить себе не могла, что где-то существуют люди, от которых можно ожидать чего-нибудь хорошего».

«Я думала, что полицейские продадут меня обратно моему сутенёру. Среди моих клиентов были также и полицейские. Я полиции не доверяла вообще».

Еще один вопрос, связанный с доверием, заключается в том, что жертвы торговли людьми считали, что сотрудники органов правопорядка или организаций по спасению нелегалов не верят ни им, ни рассказываемым ими историям. Это оказывало на них негативное влияние. Для одной из жертв это был самый негативный фактор при её идентификации:

«Дело в том, что те, кто принимают твоё заявление – полицейские или спецработники – тебе не верят. Это недоверие прямо читается в их глазах, которые как бы говорят: «Врёшь ты всё ...». Они как бы говорят: «А пошла ты...»

Доверие некоторых жертв торговли людьми индивидуальному лицу или организации играет определенную роль в решении некоторых из них обратиться за помощью или согласиться на идентификацию. Оно обрело особую значимость в плане дальнейшего хода дела в оказании им помощи. Во многих случаях некий элемент доверия занимал центральное место в процессе идентификации. В некоторых случаях жертвы торговли людьми отказывались проходить идентификацию у официальных сотрудников, которым они не доверяли, но соглашались на неё с другими, к которым испытывали доверие.

Для некоторых доверие вообще ассоциировалось с таким солидным институтом, как церковь. Так было с одним мужчиной, который в течение нескольких лет подвергался эксплуатации в качестве рабочей силы. На вопрос, почему он доверяет церкви, он ответил:

«Прежде всего, я считал, что те, кто верит в Бога, не могут подвести и предать меня... Я был очень им благодарен... Они были так добры ко мне.

Все, что они делали для меня, они делали совершенно бескорыстно, от чистого сердца... Они обратились [в наше посольство], и я должен был вскоре получить паспорт. Они были нормальные люди, не пили, не курили и относились ко мне хорошо».

Жертвы торговли людьми различали разные способы определить, кому стоит доверять, а кому нет. В целом ряде случаев они чувствовали себя в большей безопасности, если та или иная властная структура или организация была прозрачна или имела четкие контуры. Например, для некоторых жертв было важно, чтобы полицейские, имеющие с ними дело, были в форме, а когда с ними работали люди в штатском, это вызывало замешательство и насторожённость:

«Когда я немного успокоилась, они вызвали каких-то инспекторов. Пришёл один. Я боялась ехать с ним, сесть с ним в его машину, потому что он был не в форме, а в штатском. Он сказал, что он инспектор полиции, и что мне не надо его бояться. Сказал, что отвезёт меня в другой полицейский участок... Да, мне было важно, чтобы они были в форме, а этот инспектор был в гражданском, и я боялась его. Я просила его, чтобы он не отдавал меня обратно хозяину. Он пояснил, что везет меня в другой полицейский участок, где толчется не так много народа и атмосфера поспокойнее. Пообещал, что там мы выпьем по чашечке кофе и поговорим в более спокойной обстановке. Он пояснил мне, что есть инспекторы, которые ходят не в форме, а в гражданской одежде. Потом привёз меня в тот другой полицейский участок. Всё там было мне незнакомо, поэтому я ему не поверила. Когда мы прибыли на место, я узнала, что он действительно начальник, но просто без формы, в гражданском костюме».

«Они дали мне всё, что могли. Но я всё же думала, что им нужно быть в форме, а не в гражданском. Я не поверила, что это действительно были полицейские».

Некоторые жертвы чувствовали себя более комфортно, когда во время идентификации в кабинете присутствовала женщина – либо сотрудница полиции, либо представительница социальной службы по работе с населением. Одна из жертв рассказывала, насколько увереннее и спокойнее она чувствовала себя в полицейском участке, где среди сотрудников были женщины: «Тут я успокоилась. Там также были и женщины. Одна варила кофе, а другая убирала помещение». И тем не менее, такое отношение к присутствию женщин во время идентификации характерно не для всех респондентов; здесь многое зависит от индивидуальной личности и частично от её социального положения и культурного уровня.

Мальчики-малолетки, например, не считали присутствие женщины во время идентификации успокаивающим фактором и придерживались того мнения, что лучше всего иметь дело с людьми более старшего возраста:

«Почему хуже, [когда при опросе не присутствуют женщины]? Мне-то это всё равно... Я предпочитаю иметь дело с людьми солидного возраста, потому что они знают больше, чем [молодые]».

Подобным же образом во многих случаях жертвы рассказывали, что в полиции с ними обращались совершенно холодно и бездушно как мужчины, так и женщины. Одна из жертв рассказала следующее:

«Ну, допрашивали меня две женщины, сотрудницы полиции. Ничего хуже этого у меня в жизни не было. Вот я женщина, и ты женщина, но когда тебя допрашивает женщина-полицейская – так это самое мерзкое, что с тобой может приключиться в жизни».

Весьма знаменательно, что жертвы торговли людьми не говорят о своём недоверии к организациям и отдельным лицам как о чём-то непреодолимым. Доверие можно создать и даже воссоздать. У одной женщины были особо неприятные инциденты общения с полицией, когда хозяин заставлял её заниматься проституцией: «Когда я выходила на улицу на работу, полицейские многократно избивали меня. Там было много и других девушек, но они всегда набрасывались с побоями именно на меня. Почему – не знаю». В этом случае преодоление страха и недоверия было делом нелёгким, хотя имело большое значение. Тем не менее, её недоверие к правоохранительным органам в конце концов было преодолено, и произошло это благодаря хорошему обращению с ней со стороны сотрудников полиции: «Да, я очень боялась полиции. Но не теперь, не после того, когда они мне так помогли».

4.3. Проблемы и препятствия, возникающие в процессе идентификации

Скрытый характер торговли людьми усложняет идентификацию его жертв. Туда, где они подвергаются эксплуатации в качестве проституток, рабочей силы, попрошаек и малолетних преступников, и где они работают под жёстким надзором контролёров, доступ крайне затруднён. По этим же причинам у самих жертв зачастую нет возможности обратиться в правоохранительные органы за помощью ни в срочных обстоятельствах, ни как к способу освобождения от рабства. Отсюда

весьма логичный вывод, что идентифицируется лишь малое число таких жертв, и лишь очень немногим из них удаётся связаться с программами оказания помощи (Brunovskis & Tyldum, 2005; Surtees 2005: 25).

Проблемы, связанные с идентификацией жертв торговли людьми, значительно глубже, чем сама торговля людьми, и тесно переплетаются с целым рядом других вопросов и переменных факторов. Опыт жертв торговли людьми выявляет много трудностей, которые возникают в ходе процесса идентификации, как в странах назначения, так и в странах транзита и на самой родине этих жертв.

Доступ к информации в ходе идентификации

Получение полной и исчерпывающей информации относительно идентификации и последующими за ней процедурами имеет для жертв торговли людьми большое значение: это успокаивает их, рассеивает страхи и создает ощущение защищенности и комфорта. Многие получили правильную и полную информацию об идентификации и последующих процедурах, и всё для них стало ясно, что в свою очередь сыграло важную роль в принятии ими решения принять предлагаемую помощь:

«Да, эта женщина всё мне объяснила и рассказала, какими из предлагаемых в приюте услуг я могу воспользоваться. Всё было совершенно ясно. Она дала мне брошюру [на моём языке], где также всё объяснялось».

Однако многие жертвы торговли людьми жаловались, что им была предоставлена неполная и/или неясная информация, когда они были идентифицированы в первый раз и принимали решение относительно того, какими видами предлагаемой помощи им воспользоваться в будущем. В некоторых случаях жертвы жаловались, что не получили от властей никакой информации относительно ассортимента предлагаемых услуг. Когда их спросили, что же именно им сказали после заявления в полицию и после встречи с представителями организаций, предлагающих помощь и прочие услуги, многие из этих жертв рассказали приблизительно одно и то же:

«Ничего особенного и конкретного они мне не сказали. Потом они явились утром и снова забрали меня в полицейский участок... Говорили вроде того, что «сегодня пойдешь туда-то, а завтра отправишься [в тот город]».

«Приехала полиция, забрала меня и привезла в участок. Они приняли моё заявление и привезли меня сюда... Они сказали, что если я хочу прийти к ним, то нужно прежде крепко подумать. Они сказали, что всё будет хорошо, и что они позаботятся обо мне».

«После этого он сказал, что мы поедem [в столицу]. И это вызвало у меня сильный шок. Ведь я же не знала, что́ меня там ждёт. Они ничего не говорили, только повторяли, что мы поедem [в столицу]... Что там мы встретимся с прокурором. Вот единственное, что он говорил».

В случаях, когда малолетних мальчиков идентифицировали в пути, их держали в полицейском участке, а затем переводили в приют для малолетних, не объяснив, ни почему их задержали, ни того, что с ними происходит сейчас и произойдёт в будущем:

«Проблема была в том, что мы не знали, что будет с нами, так что тогда мы не думали ни о еде, ни о питье... Мы находились в ожидании того, что они с нами сделают, что скажут».

В других случаях жертвы торговли людьми получали информацию, но многие думали, что им говорят не всё, что-то утаивают. Одна из жертв особо настаивала, что отсутствие информации её дезориентирует, и в ходе собеседования несколько раз повторяла, что её недостаточно полно информировали относительно процесса идентификации, а сообщили лишь основные сведения об условиях пребывания в приюте. Когда она в самом начале была идентифицирована, именно полицейские сообщили ей о возможности получения помощи:

«Они говорили, что это [будет] какой-то частный дом, или что я буду жить в гостинице... Я не знала, чего ожидать, не знала, куда я поеду. Им нужно было получше разъяснить мне, что со мною будет. Когда я явилась в полицию, я ничего не знала. Я не знала, что существуют такие дома».

Некоторая информация не вызывала ничего, кроме замешательства. Одну женщину везли в приют, даже не сказав ей, что её везут именно в приют:

«Я не знала, что это будет приют. Они просто сказали: «Поедешь в один дом»... Так и сказали, «один дом», может, публичный, может какой ещё. Я понятия не имела, что это за дом, и сказала им: «Я туда не поеду!»

Здесь следует отметить, что словосочетание “public house” в её языке имеет двойное значение и может быть неправильно интерпретировано как «дом терпимости» (по-русски дословно – «публичный дом» или «бордель»). Учитывая, что хозяин заставлял её заниматься проституцией, легко понять, почему эти слова подействовали на неё вышеописанным образом и вызвали такую реакцию.

Тот факт, что многие жертвы торговли людьми происходят из стран, где социальная помощь находится в зачаточном состоянии или не существует вообще,

означает, что для этих людей доступ к информации относительно оказания помощи жертвам торговли людьми так же в значительной степени ограничен. В результате одного из недавних исследований обнаружилось, что жертвы с удивлением (и подозрением) выслушивали информацию о возможности получить помощь именно потому, что просто не знали об этом варианте:

Одна из жертв торговли людьми после возвращения на родину рассказала: «На таможне один из полицейских спросил меня, почему у меня нет денег. Я объяснила ему моё положение; он отозвал меня в сторону и всё объяснил насчет организации по [оказанию помощи]». Когда её спросили о том, как она среагировала на эту новость, она ответила, что для неё «это было как подарок судьбы, ниспосланный Богом. В нашей стране ничего бесплатного не бывает». Её подруга, также жертва торговли людьми, сказала в тон ей: «А кто я такая, чтобы мне кто-то помогал? Особенно полицейский!» (Brunovskis & Surtees 2007).

И действительно, многие охваченные исследованием жертвы торговли людьми, получившие помощь удивлялись, что такие услуги и программы помощи существуют вообще, так как большинство из них никогда до этого не получали помощи ни от неправительственных организаций, ни от правительственных структур. Одна из жертв так описывает предложение ей помощи: «Мы все отнеслись к этому с подозрением, так как впервые услышали об этом и не верили, что нами кто-нибудь когда-нибудь будет заниматься». Другая заявила, что вместо предложенного ей места в приюте предпочла отправиться в тюрьму. Думала, что её посадят только на один месяц, а один месяц она сможет вытерпеть. В тюрьме она знала, чего ожидать, а приют был для неё чем-то совсем новым, неизведанным, неким «прыжком в неизвестность». Даже после разговоров с сотрудниками программы ясности не прибавилось, а подозрения и страхи возросли. Она так и сказала: «Я и представить себе не могла, что такое место существует (Brunovskis & Surtees 2007).

Подобным же образом, давайте рассмотрим, что говорят различные жертвы торговли людьми, с которыми мы проводили собеседование в ходе нашего исследования. Мы спрашивали их, знали ли они о существовании разных вариантов получения помощи во время торговли людьми и после прибытия в страну назначения. Вот что они отвечали:

«Нет, я ничего об этом не знала. Мне даже никогда не приходило в голову, что можно обратиться к кому-нибудь за помощью... Может быть, я бы и обратилась, если бы было больше времени. За мной следили... Я боялась... Я могла бы обратиться в какую-либо организацию, которая действительно может оказать помощь и которой можно доверять, например, к [НПО], Тогда я о таких организациях не знала».

«Нет, я абсолютно ничего не знала, к кому можно обратиться за помощью. Не знала даже, что такие организации вообще существуют».

«Я думаю, что тем жертвам торговли людьми, которые относятся к уязвимым слоям общества и не имеют ни радио, ни телевизора, очень трудно узнать какую-либо информацию или хотя бы номер телефона «горячей линии». Да у таких и телефона-то нет. Понятия не имею, как они могут узнать о вариантах получения помощи [в стране, куда они надеются попасть]».

«Нет, ничего я не знала [о помощи], потому что пересаживалась из машины в машину, а вообще я всё время сидела в машине моего мужа. Меня никуда не выпускали, не разрешали ни с кем разговаривать, ни о ком никого не спрашивать. Когда я была дома, то сидела в квартире. Я больше сидела в квартире, чем была на улице. А когда я иногда выходила на базар, там, или в магазин, то всё время боялась кого-либо о чем-либо спрашивать».

В дополнение нужно сказать, что такие понятия, как «приют», «безопасный кров» и «помощь» не всегда были известны жертвам торговли людьми, да и всему населению. Brunovskis & Surtees 2007 в своем исследовании выяснили, что при идентификации многие жертвы не чётко понимали значение этих понятий:

«Когда её спросили, как она представляет себе приют, одна из жертв сказала, что это дом, полный людей, детей и девушек, а также утыканный камерами. Другая жертва сказала: «На родине я понятия не имела об этом. Потом я поняла, что это нечто хорошее, но я не знала об этом, пока не попала туда. В моём [родном городе] нет ничего подобного, и я понятия не имела, что так может быть вообще». Другие говорили, что в их представлении это «подвал с решётками на окнах», «какой-то жульнический трюк» или «дом, полный людей» (Brunovskis & Surtees 2007).

Этим подчеркивается то обстоятельство, что термины и концепции часто связаны со специфическим контекстом и требуют особого разъяснения для тех, кому они адресованы. Кроме того, адекватному пониманию сути предлагаемых услуг препятствуют языковой и культурный барьеры. Это также подчёркивает необходимость наличия чёткой и исчерпывающей информации о вариантах выбора при идентификации, а также более популяризаторских сведений об оказываемой помощи для всего сообщества в целом.

При разработке средств донесения информации до адресата необходимо учитывать такие факторы, как язык, уровни грамотности и культуры респондентов, а также понятность и доходчивость сообщаемых сведений. В некоторых случаях адекватной информацией при идентификации считается не столько содержание

самих сообщаемых сведений, сколько её доходчивость и усвояемость. То обстоятельство, что при идентификации многие жертвы торговли людьми испытывают состояние шока, смятения, отчаяния и страха может указывать на то, что они не способны осознать и усвоить предлагаемую им информацию. Brunovskis & Surtees (2007) выявили, что многие жертвы торговли людьми проявляют ограниченную способность сделать выбор или принять решение вследствие, среди прочих причин, также травмирующего психологического шока при идентификации. Это подчеркивает важность рассмотрения процедуры обмена информацией через призму опыта самой жертвы с учётом того, когда и где была преподнесена эта информация, и как это соотносится с физическим и психическим состоянием каждой жертвы. Отсюда совершенно понятно, что от этих людей вряд ли можно ожидать принятия решения о своей будущей судьбе, пока они до конца не поймут сути выбора, стоящего перед ними.

Что касается донесения информации в вербальной форме, то здесь важно учитывать, что говорить, как повторять информацию и как закрепить её с тем, чтобы слушатели наконец поняли, что им объясняют и предлагают. Во время собеседований становилось видно, что некоторые жертвы торговли людьми как будто усвоили преподанную им информацию, но нужно было всё же повторить и особо выделить некоторые моменты при постепенном наращивании объёма сведений подходящими для этого способами. Преподнесение информации в письменном виде также очень важно, особенно учитывая тот факт, что многим её получателям требуется некоторое время для её усвоения и переработки, для взвешивания вариантов имеющегося выбора и для принятия решения о согласии на помощь. Письменные материалы позволяют их получателям при случае ссылаться на них, а также иметь перед собой полное меню предлагаемых для выбора вариантов. Далее, жертвы торговли людьми могут получить сведения о предлагаемых услугах на разных стадиях своей жизни, то есть во время торговли людьми и после нее, уже за рубежом. Важно мобилизовать пункты доступа жертв к информации с учётом конкретных условий их жизни за рубежом.

В равной степени важно и то, кто именно преподносит данную информацию, и подбирать для этого социальных работников, ориентированных на работу с населением, медицинский персонал, сотрудников правоохранительных структур, штатных сотрудников туристической индустрии, транспортных учреждений и сотрудников посольств и консульств. Здесь вопросами первостепенной важности являются соответствующая подготовка этих работников, их обучение и снабжение материалами, чётко и ясно информирующими жертв торговли людьми об их правах и имеющихся у них возможностях сделать свой выбор. В идеале, жертв торговли людьми необходимо привлекать к разработке не только самой информации, но также и методики, обеспечивающей её наилучшее донесение до остальных жертв.

Имеется ещё и связанный с этой темой вопрос, что многие жертвы торговли людьми вернулись домой, избежав идентификации, и в результате не знали, что они являются жертвами торговцев людьми, и поэтому информация о наличии организаций, оказывающих помощь таким людям, не имела для них большого значения, так как они себя таковыми не считали и не понимали, что такая форма помощи и поддержки положена и им. Более того, многие жертвы происходят из сельской местности, где не всегда имеется доступ к радио и телевидению, а это значит, что у многих из них нет доступа к информации относительно вариантов помощи. Это накладывает особую ответственность на социальных работников, действующих на селе, а также на руководителей различного звена, медиков, учителей, религиозных деятелей, в задачу которых входит выявление данной информации и донесение её до сведения жертвы торговли людьми.

Навыки и приемы проведения идентификации

Рассказывая о том, что им пришлось пережить во время идентификации, жертвы торговли людьми описывали ситуации, когда их не относили к нелегальным иммигрантам даже в тех случаях, когда они официально обращались за помощью. Это объясняется отсутствием адекватных механизмов идентификации таких лиц во многих странах, как Юго-Восточной Европы, так и за ее пределами. У многих стран нет разработанных процедур ни для идентификации, ни для отбора иммигрантов, и вследствие этого им попадаются случайные люди, отказники (которым было отказано в убежище) и депортированные, а не истинные жертвы преступников-торговцев людьми²⁵.

Это также может относиться и официальным лицам, в обязанности которых входит проведение идентификации. Некоторые иностранцы не были выявлены за рубежом как жертвы торговли людьми даже несмотря на то, что в это время находились в процессе процедуры предоставления им убежища. Это произошло вследствие того, что официальные лица не знали, как с ними поступить, и даже

²⁵ Это явление не является характерным исключительно для стран Юго-Восточной Европы; то же самое отмечалось и в странах Европейского Союза. Например, законодательство Ирландии не содержит положения относительно идентификации жертв торговли людьми. В этой стране нет полицейских подразделений, имеющих задание идентифицировать жертв торговли людьми, нет государственной ориентировки и руководства по идентификации, а индикаторы, которые существуют, касаются лишь детей, живущих в неполных семьях, и неприменимы к взрослым. Равным образом, в Великобритании нет национального руководства для иммиграционной службы об идентификации жертв торговли людьми при прибытии их в страну, хотя в недавнем времени были приняты некоторые шаги, чтобы поднять уровень осведомлённости пограничников, а в 2005 году правительство ввело временные директивы по идентификации несовершеннолетних. Подобные вопросы стоят и в других странах Европейского Союза (ИОМ 2005а: 68-88).

не знали, в каких случаях таким иностранцам полагается предоставлять помощь. Одну несовершеннолетнюю из Юго-Восточной Европы власти Евросоюза ошибочно отнесли к категории нелегальных иммигрантов и выслали на родину. И только по прибытии домой и после нескольких часов допроса выяснилось, что она является жертвой торговли людьми. В итоге девушку направили в соответствующую организацию для получения помощи. Подобным же образом, один молодой человек, также жертва торговли людьми, лично обратился за помощью в полицию и рассказал там свою одиссею, но полицейские жертвой торговли людьми его не признали:

«Я предъявил им паспорт, но когда они увидели, что у меня там нет визы, они сунули меня в свой полицейский автофургон. Потом они чего-то подождали так с полчаса и отвезли меня в участок... Нет, они ничего не спрашивали [о том, что произошло со мной]. Не спрашивали, ни кто еще был со мной, ни как я попал сюда, ни кто привёз меня сюда. Потом переводчик сказал, что если я хочу остаться здесь, чтобы попросить убежище, то они могут дать мне место, где я мог бы жить, но я сказал им, что хочу уехать домой на родину... [На следующий день] полицейские отвезли нас в аэропорт. Нас там было всего семь или восемь человек».

В других случаях жертвы торговли людьми не знали, что если они расскажут властям истинную историю своего прибытия за границу, то им, на крайней мере на некоторый срок полагается предоставление временного убежища именно как жертвам этого преступления. Поэтому они и не рассказывали всей правды. Одна молодая женщина в некоей стране Европейского Союза обратилась к властям с просьбой о предоставлении ей убежища, но при этом умолчала о своих приключениях как жертва торговли людьми. Она рассказала следующее:

«Да, я подала все документы и просидела [в спецлагере] четыре месяца в ожидании ответа. Затем мне пришёл отказ, но они боялись, как бы я не удрала из лагеря и не осталась [в Европе]. Поэтому они посадили меня в тюрьму, где я пробыла до самой своей высылки [домой на родину]... Нет, ни с кем я не хотела говорить о своих проблемах. Я только просила побыстрее оформить мои документы, и мне в голову не приходило рассказывать кому-то о том, что я пережила во время нелегального переезда в Европу; впрочем, меня и не спрашивали».

Думается, что в отделе борьбы с торговлей людьми имеются проблемы с [проведением и использованием] идентификации. Brunovskis & Surtees, 2007г. в ходе проведения своих исследований в Сербии обнаружили, что значительное количество проституток, промышляющих на улице, были привезены в страну

нелегально, но полицейские подразделения по борьбе с проституцией так и не идентифицировали их как жертв торговли людьми, потому что это, дескать, дело полицейских отрядов по борьбе с нелегальной иммиграцией. Более того, критерии проведения идентификации отстают от хитрости и изворотливости торговцев людьми, которые быстро приспосабливаются к новым законам и соответственно меняют свои методы, равно как тактику и стратегию. В Юго-Восточной Европе к числу стратегических изменений в работе торговцев людьми относятся выплата своим жертвам небольших денежных сумм (с тем, чтобы они не вздумали бежать от хозяев)²⁶; с этой же целью они используют то обстоятельство, что документы жертвы находятся в стадии рассмотрения на предмет предоставления им убежища, или же пытаются легализовать своих жертв в стране назначения, организуя их брак с гражданами этой страны²⁷. Все эти стратегические ходы и уловки компрометировали деятельность идентификаторов.

Одно из поразительных открытий данных исследователей заключалось в том, что многие жертвы торговли людьми остались неопознанными в этом качестве несмотря на то, что они обращались непосредственно к лицам, которые, по крайней мере, по долгу службы должны были направить их в соответствующие организации для получения хотя бы какой-нибудь помощи. Одна слепая старая женщина была нелегально переправлена в бывший Советский Союз для эксплуатации там на ниве попрошайничества. Её заставляли заниматься этим шестнадцать лет, но она так и не была идентифицирована как жертва торговли людьми, хотя и неоднократно имела прямые столкновения с полицией:

«Меня несколько раз забирала милиция и сажала за решетку... Я страшно боялась и думала, что меня посадят надолго... Раз меня задержали на

²⁶ В Косово в 2003 и 2004 годах жертвы торговли людьми – иностранцы получали по 200 или 300 евро ежемесячно от своих хозяев-эксплуататоров, и деньги выплачивались аккуратно. Во многих случаях это обстоятельство не только не побуждало жертв к побегу, но наоборот, удерживало их там. Подобным же образом, в Македонии в 2003 и 2004 годах жертвам торговли людьми выплачивали небольшие суммы денег, которых во многих случаях хватало, чтобы эти люди не искали путей к побегу. Эти суммы, хотя и гораздо меньшие, чем торговцы людьми обещали, когда соблазняли своих жертв райской жизнью за границей, являются важным фактором, учитывая, что большинство этих людей выехали за границу в надежде заработать (Surtees 2005: 247, 316, ср. Andreani & Raviv 2004, Hunzinger & Summar-Coffey 2003).

²⁷ В Боснии-Герцеговине в 2003 и 2004 годах жертвы торговли людьми сообщали о тактике насильно выдавать вывезенных женщин замуж за своих хозяев, чтобы дать им возможность обрести легальный статус в стране пребывания. Это обычно делалось по прошествии длительного периода времени, когда у жертвы могли появиться мысли искать пути спасения от хозяина и служило способом удержания её на месте. Еще одной стратегией стало заставлять женщин-нелегалок просить убежища в стране пребывания и продолжать их эксплуатировать в течение всего времени, пока их заявление находилось в процессе рассмотрения (Surtees 2005: 114, 131-2).

несколько дней, пока не пришёл их начальник. Я рассказала ему, что со мной произошло, у кого я жила и что у него же находится мой паспорт. Он сказал своим людям: «Отпустите старуху. Она не воровка и здесь ей делать нечего». Они велели мне идти на все четыре стороны. Я пыталась объяснить им, что идти мне некуда, да и не могу я никуда идти, так как не знаю, где я нахожусь. Тогда начальник приказал отвезти меня туда, откуда меня забрали. Там они меня и бросили на произвол судьбы. Я стояла и плакала. Куда мне было идти? Ни денег, ни паспорта. Вечером явились хозяева, и всё началось сначала. Бежать я тоже боялась, так как хозяева угрожали, что убьют меня... Я рассказывала эту историю много раз, даже когда моими хозяевами стали сами милиционеры. Но они в этом не признавались. И только здесь, в приюте, меня поняли и начали помогать».

Подобным же образом, один мужчина, вывезенный торговцами людьми за границу с целью эксплуатации в качестве рабочей силы, рассказал, как его задержала полиция в стране назначения и как сотрудники правоохранительных органов не проявили интереса к тому как, где и кто эксплуатирует этого человека:

[«Меня остановили полицейские] на автовокзале, [в столице страны назначения] куда я пришёл, чтобы купить билет [для поездки домой, в свою страну]. Нас остановила транспортная полиция, чтобы проверить наши регистрационные документы, но у нас их не было. Полицейских не интересовали подробности относительно [нашей эксплуатации]. Они просто требовали от нас ответа на вопрос, почему мы нарушили закон о регистрации... Хотели, чтобы мы заплатили штраф».

И не только сотрудники правоохранительных органов оставляли без внимания случаи, когда можно и нужно было провести идентификацию по желанию жертв торговли людьми. Вот как такую ситуацию описывает еще один мужчина, когда он попал в больницу, и лечащий врач не помог ему избавиться от рабства у хозяина:

«Знаете ли, когда я подвергался эксплуатации [в стране назначения], я как-то раз потерял сознание, и хозяин отвёз меня в больницу. Там доктор спросил, почему у меня нет регистрации. Я ответил, что хозяин не выпускает меня с территории, на которой я работаю. Мне показалось, что он понял, в какое положение я попал... В этот момент я почувствовал себя в безопасности и подумал, что пролежу в больнице подольше, а там смогу вернуться домой... Пролежал там три дня. На третий день доктор сказал мне, что лечение окончено, и что деньги за него заплатила какая-то благотворительная организация. Когда я вышел из больницы, у ворот меня ждал хозяин. И он отвёз меня обратно туда, где я работал раньше».

Еще один мужчина, которому также удалось бежать от хозяина, сел на автобус как можно дальше от того места, где его насильно удерживали, и только затем обратился за помощью к полиции.

«Но полицейские в том районе оказались ограниченными в своих действиях и сказали, что это не их район, и они не могут помочь мне, и чтобы я вернулся и обратился в тот участок, который находится в том районе, где меня эксплуатировал хозяин. Паспорта при мне не было... Я боялся, что меня поймут торговцы людьми... У меня не было ни документов, ни денег».

«Да, но они не захотели мне помочь. Я спросил их, как мне заполучить обратно свой паспорт. Они сказали, что мне нужно обратиться [в посольство моей страны, находящееся в столице]... Я совсем выбился из сил и был в отчаянии. У меня не было ни документов, ни денег. Есть тоже было нечего. Вот я и пошёл [в столицу] пешком, от деревни к деревне, побираясь по дороге».

В целом ряде случаев жертвы торговли людьми рассказывали свою историю пограничникам, которые пропускали их через границу, но не опознавали в них жертв преступления и не предлагали помощи. Одна из таких жертв, нелегально переправленная в бывший Советский Союз, рассказала о том, что можно было бы сделать в её положении:

«Если бы таможенники на границе отнеслись ко мне более серьёзно, опознали бы во мне жертву торговли людьми и сказали бы мне об этом, я по прибытии на место назначения тут же позвонила бы по телефону «горячей линии» и попросила бы о помощи. Я не потеряла бы столько времени в поисках человека, который понял бы меня и оказал мне помощь».

Вместо этого её с ребёнком сняли с поезда и подвергли допросу:

«Они держали нас в помещении таможни, допрашивали нас. Я расплакалась, всё им рассказала, всё, через что мне пришлось пройти... Я умоляла их дать мне возможность вернуться [домой]... Долго они меня там держали, пока не пришёл главный таможенник. Он приказал меня отпустить, и я ушла».

Хотя в конце концов её выпустили, она вернулась домой, не получив ни помощи, (ни защиты), и не зная, в течение долгого времени после возвращения, что такая помощь существует. И только после того, как она была арестована за

кражу – единственный способ выживания для неё и её троих детей – она была опознана и признана в качестве жертвы торговли людьми:

«Впервые я была опознана как жертва торговли людьми директором детского дома [у нас на родине]... Я совершила кражу, потому что другого выхода у меня не было. Я оказалась на улице. Когда меня арестовали, мои дети остались одни. Тогда их отправили в детский дом. Директор этого дома пришла ко мне в тюрьму поговорить. Я рассказала её о своей жизни, и почему я оказалась в тюрьме».

Вопрос, скорее всего, заключается в том, что некоторым жертвам торговли людьми не поверили, что они являются таковыми, вследствие чего они не были идентифицированы в этом качестве. Это прежде всего касалось женщин, но особенно в этом плане доставалось мужчинам. Неидентификация и вследствие этого неоказание помощи мужчинам жертвам торговли людьми в некоторых случаях продлили их страдания от рук преступников-торговцев или привели к аресту или задержанию органами правопорядка, что неизменно оказывало долговременное отрицательное воздействие на этих мужчин. Один из них рассказал нам, как, будучи жертвой торговли людьми в странах СНГ в течение четырёх лет, он всё же смог добраться до столицы соседней страны, где его арестовала милиция, но не опознала в нём жертву преступников:

«Я приехал [в столицу] на поезде. Через несколько недель меня задержала милиция, так как у меня не было документов. Я ночевал на вокзале. Однажды ночью милиция провела там облаву. Меня вместе с ещё одним [иностранцем], у которого был газовый пистолет, забрали в отделение. Тот сказал им, что пистолет он купил у меня. В результате мы оба были арестованы. Я, таким образом, просидел в отделении четыре месяца. Милиционеры избивали меня, заставляя признаться, что пистолет был мой. Положение моё было чрезвычайно трудным, так как у меня не было документов. Я рассказывал им свою историю несколько раз, но они мне не верили».

Подобным же образом, ещё один мужчина жертва торговли людьми рассказывал, как его и других вместе с ним, выслушав их истории и просьбы о помощи, не только не опознали как жертв торговцев людьми, но посадили в тюрьму как нелегальных иммигрантов:

«Некоторые полицейские прямо смеялись нам в лицо, называя нас идиотами, так как только дураки вроде нас могут попасть в такую ситуацию и стать жертвами эксплуатации... Некоторые полицейские отказывались

понимать, что нас силой удерживали и заставляли работать, угрожая смертью... не верили, что наши паспорта забрали хозяева... Многие полицейские принимали нас за воров и грабителей, пытавшихся скрыться за границей и поэтому скрывающих свою личность... Только один из них отнесся к нашим рассказам серьезно... Мне кажется, что полиция даже и не думала проводить расследование в том отдалённом районе, где нас держали и эксплуатировали, как рабов... Я считаю, что всё дело в том, что сами полицейские были связаны с торговцами людьми».

Интересно также заметить, что недавняя идентификация «потенциальных жертв торговли людьми» или «индивидуальных лиц и группы риска» (то есть тех, кого подозревают, что они находятся в руках торговцев людьми) в качестве примера проактивных действий правоохранительных органов, также осложнялась рядом проблем. Всё чаще и чаще девушек и молодых женщин, которые выказывают несомненные признаки, что находятся в руках торговцев людьми, идентифицируют в Юго-Восточной Европе во время пути на запад; им тут же предлагается помощь в рамках программы борьбы с торговлей людьми. Однако идентификация потенциальных жертв торговли людьми находится под большим влиянием гендерного подхода, поэтому особы мужского пола редко попадают под подозрение, что являются «потенциальными жертвами торговли людьми», даже в тех случаях, если они малолетние. В ходе исследования были перехвачены два несовершеннолетних мальчика, пытавшихся нелегально перейти границу и попасть на территорию Европейского Союза с целью устроиться там на работу. С ними было проведено собеседование. Хотя было совершенно ясно, что они находятся под реальной угрозой попасть в руки торговцев людьми, и сами они происходили из неблагополучных семей, их всё же сочли нелегальными иммигрантами (а не «потенциальными жертвами») и возвратили обратно по месту жительства. Такое отношение находится в контрасте с отношением к особам женского пола, которым, в основном девушкам и молодым женщинам, обычно предлагается помощь. Подобным же образом, много жертвы торговли людьми (прежде всего мужчины, нелегально вывезенные за рубеж для использования в качестве рабочей силы), перехваченные в пути в той же стране, не рассматривались её правоохранительными органами как жертвы или «потенциальные жертвы торговли людьми», а подвергались депортации как нелегальные иммигранты.

В некоторых случаях неидентификация жертв торговли людьми привела к тому, что этих людей либо снова продали торговцев людьми, либо они остались у прежних хозяев, которые продолжили их эксплуатацию. В целом ряде случаев жертвы торговли людьми бежали от своих хозяев только для того, чтобы попасть в рабство к другим... Без денег, без информации о том, где получить помощь, и без средств, необходимых для возвращения домой – все это оставляло им мало выбора:

«Я как-то встретила одного [местного] гражданина... Он привёл меня к себе на квартиру... Для него я представляла большое удобство: я делала всё по дому – стирала, гладила, убирала... Потом я забеременела... Была на четвёртом месяце, когда мой «муж» попал в тюрьму, и я была освобождена... Я обратилась в полицию, и они устроили меня в приют для матерей-одиночек».

В другом случае некоему нелегалу, эксплуатируемому в качестве рабочей силы, другой нелегал предложил «помочь бежать» от хозяина, но вместо этого отвёз его на свою ферму в страшной глухомани, где продолжил эксплуатировать его уже в свою пользу. Там никого не было на много километров вокруг, и бежать было некуда. Этого человека насильно удерживали на ферме, заставляли работать без отдыха и без оплаты труда.

Вместо идентификации – задержание и арест

Большую озабоченность вызывает тот факт, что в некоторых странах к жертвам торговли людьми продолжают относиться как к преступникам, а не как к жертвам преступления. В поразительном количестве случаев, как только узнают об их приключениях в руках торговцев людьми, их задерживают и даже сажают. Некоторых вместо того, чтобы их идентифицировать, рассматривают как преступников из-за их нелегального положения и деятельности в стране назначения, часто арестовывают или высылают за занятие проституцией, за нарушение местного трудового законодательства и законов об иммиграции. Некоторых сажают за проживание по фальшивым документам. Это имеет место не только в Юго-Восточной Европе, но всё чаще и чаще в странах Европейского Союза, в Турции и в странах бывшего Советского Союза. Одна женщина рассказывала, как она подверглась аресту в одной из стран Европейского Союза, куда была нелегально вывезена торговцами людьми:

«Меня привезли туда торговцы, которые должны были везти меня дальше, [в другую страну]. У меня был фальшивый паспорт. Полиция сняла меня с поезда. Со мной была наша «мамка», которая приказала мне молчать и не говорить ни слова. Но полицейский увёл меня в отдельную комнату и там велел мне сказать ему всю правду, потому что он знал о случаях, когда девочки ни в чём не сознавались и их отпускали вместе в «мамкой», а потом их находили мёртвыми в лесу... или которых потом сажали на иглу, и они становились наркоманками... Я была так напугана, что рассказала ему всё... Меня посадили на три месяца... Допрашивали. Обращались со мной вполне хорошо. Они добились оправдания меня как владелицы

фальшивого паспорта. На это потребовалось три месяца. Затем меня освободили, дали денег на билет, чтобы я могла на поезде добраться [до столицы] той страны, где мне можно было выправить настоящий паспорт [в нашем посольстве]».

Эта женщина чётко знала, что должно было с ней произойти в её ситуации:

«Они не должны были предъявлять мне обвинение в подделке паспорта... На выяснение всего этого ушло так много времени... Они должны были задержать сводню-«мамку» (а они выпустили её из поезда) и наказать её за незаконные действия. Они должны были отправить меня в специальный приют для жертв торговли людьми и помочь мне срочным образом получить настоящий паспорт и отправить обратно на родину по месту жительства».

В других случаях жертвы торговли людьми проходили идентификацию и признавались в качестве таковых, но несмотря на это подвергались задержанию, аресту и часто даже депортации. Иногда до направления в приют или высылке домой по месту жительства, их долгое время держали под арестом или в СИЗО. Одна женщина рассказывала, что несмотря на то, что её признали жертвой торговли людьми, она несколько дней просидела в КПЗ. Власти не только не передали её соответствующим организациям для оказания помощи, а наоборот держали её в СИЗО, а затем депортировали. Еще одна женщина рассказывала, что хозяйка насильно удерживала её в квартире, откуда она не могла выбраться до тех пор, пока не приехала полиция, которую вызвали из-за утечки газа в доме, и которая вызволила её из плена. И даже тогда полиция не идентифицировала её как жертву торговли людьми. «Нас посадили в тюрьму, а затем депортировали». Подобным же образом, целая группа женщин, нелегально вывезенная торговцами за рубеж с целью их эксплуатации в качестве проституток, была водворена в тюрьму, где они оставались в течение всего времени, пока с них снимали показания и принимали заявления, и только по окончании всех этих юридических процедур их направили в приют для жертв торговли людьми:

«Нас посадили в камеру. Там было маленькое оконце. Иногда полицейские открывали его снаружи, глазели на нас, показывали на нас пальцами со словами: «Только посмотрите на этих девочек... Какие они хорошенькие!». Я чувствовала, будто я в клетке в зверинце». Поэтому, когда нас возили на заседания суда, я не чувствовала себя в безопасности, потому что слышала о случаях похищения девушек даже из полицейских участков. У меня был страх, что меня похитят и убьют. Всё это было очень трудно пережить в психологическом плане».

В других случаях жертв торговли людьми, перехваченных в пути, обвиняли в том «преступлении», что они будто бы находятся в сговоре с торговцами людьми, и только потом признавали их жертвами этих преступников:

«Без паспортов... мы прошли через таможню ночью, нелегально. Мы сошли с поезда недалеко от границы и вышли наружу. Потом шли лесом. Когда подошли к запретной приграничной зоне, нас задержали пограничники, которые вернули нас обратно на таможню. Там нас держали три дня. Обращались с нами хорошо. Покупали нам еду. Сказали, что нам придётся подождать прибытия сотрудника правоохранительных органов... Мы доверяли майору, который понимал наше положение... Затем нас отвели к офицеру полиции в городе, и мы еще раз пересказали ему наши истории. Офицер отрядил небольшую команду своих людей в то место, где нас эксплуатировали. К сожалению, когда они прибыли на место, то никого там не обнаружили. Не обнаружили и наших паспортов... Они отвезли нас в «вытрезвитель». Там нас держали два дня. Кормили. Потом перевели в СИЗО. Там мы просидели три месяца... Нас этим так наказали... Они говорили, что, прежде всего, у них нет доказательств, что я жертва. И во-вторых, обвиняли меня в нарушении закона».

Как правило, жертвы торговли людьми показывали, что время пребывания их в тюрьме или в СИЗО было для них травмирующим в психологическом плане:

«В тюрьме нехорошо... Пребывание там воздействовало на меня отрицательно... Вся тюремная обстановка действовала на меня угнетающе. Я считаю, что жертв торговли людьми нужно сразу же помещать в специальный приют, в спокойную и безопасную обстановку, а не в тюрьму».

«Меня нужно было сразу же направить в приют. Очень важно дать жертве торговли людьми – будь то женщина или мужчина – два или три дня для того, чтобы прийти в себя в атмосфере безопасности. В полицейском участке это невозможно, так как от этого травматический характер переживаний задержанных лишь усилится. Что касается меня лично, то я боялась, что меня посадят в тюрьму за подделку паспорта. Я жутко нервничала».

«Я хочу успокоиться в психологическом плане. Пребывание в тюрьме психологически сломало меня. Это было так же тяжело, как работать под ярмом хозяина. Там я была фактически в рабстве, но когда попала за решетку, то моя душа была полностью травмирована. Я была в совершеннейшем отчаянии».

У некоторых жертв стрессовая ситуация и травмирующая обстановка усугублялись еще и плохими условиями содержания в заключении и дурным обращением при этом:

«Условия в полицейском участке были чудовищными. В одном помещении находились по семи девушек. Кормили нас, как собак. Нас запирали, как в тюрьме. Те девушки, у которых были деньги, давали их полицейским, и те приносили нам еду. Девочки жалели меня и давали мне поесть тоже. А когда не давали, то я буквально голодала».

«Как правило, нас не били. Били только когда находили у нас сигареты. Тогда они надевали на нас наручники и подвешивали за них, как на дыбе».

Языковой барьер

Языковой барьер является значительным препятствием для эффективной идентификации, что отмечалось многими жертвы торговли людьми во время собеседования:

«Полицейские что-то говорили мне, но я не понимала... Я не поняла даже того, что мне было приказано ждать здесь прибытия некой дамы из неправительственной организации... Я была испугана и подавлена, так как мне пришлось ждать почти два часа в полной неизвестности, что происходит».

«Тогда я не понимала [их языка]. Я понимала только, что нахожусь в каком-то центре по чрезвычайным ситуациям, и что мне сейчас скажут, что делать дальше».

«То, что полицейские говорили со мной [на своём языке], вызывало у меня большой стресс».

«Во время идентификации я хотела поговорить с кем-либо, кто знал мой язык... Хотела общаться с человеком, владевшим моим языком... Я не понимала, что происходит вокруг».

«Я думала, что меня опять перепродадут. Ничего не понимала на их языке... Не чувствовала себя в безопасности... Мне нужен был переводчик».

«Когда я слышала родную речь, страх мой проходил. Но когда я слышала язык [той страны, куда попала], меня всегда бросало в дрожь... Поэтому я так обрадовалась, когда узнала, что полицейские нашли людей, [говоривших на моём языке].»

Перевод сам по себе не являлся панацеей. Одна из причин заключалась в практической стороне вопроса – в наличии этих услуг и в их стоимости. Были еще и соображения касательно обеспечения комфортной атмосферы для жертв. Некоторые из них поясняли, что они стесняются общаться через переводчика, так как им стыдно, что он или она (то есть, кто-либо из их соотечественников) будут знать, в каком они оказались положении.

«Они хотели пообщаться со мной, но я этого не хотела. Всё ещё боялась. Не хотела никому рассказывать, через что мне пришлось пройти. Ни с кем не хотела делиться этим. Это моя жизнь. Тем более что переводчица была моей соотечественницей, и я подумала, что моя жизнь её не касается».

В других ситуациях жертвы торговли людьми чувствовали, что переводчица или переводчик плохо к ним относится и даже осуждает их. Одна девушка, которая походила идентификацию вместе с подругой, рассказала, как неправильно обошлись с этой подругой. Дело дошло до того, что та потребовала другую переводчицу:

«[Моя подруга] рассказала, что переводчица, которую предоставила полиция, плохо отнеслась к ней. Полицейский не понимал, что именно переводчица ей говорила, но всё это длилось недолго, так как подруга потребовала, чтобы с ней работала другая переводчица».

Такие же жалобы заявлялись и другими жертвами торговли людьми:

«[Полицейские предоставили переводчицу], но она не переводила нам, что они говорят. Когда я что-то говорила, она смеялась и говорила им что-то другое, и смеялась вместе с ними».

В некоторых случаях степень владения языком у лиц, проводящих идентификацию, не находится на должном уровне, что может привести к осложнениям и недоразумениям. Одна женщина, незаконно вывезенная торговцами людьми в Европейский Союз, рассказывала, как в самом начале, когда она не знала языка страны назначения, она не могла понять, что делают или намереваются делать с ней представители правоохранительных органов, которые проводили её идентификацию:

«Полиция регулярно приезжала к нам [в приют] и действительно помогала нам... Когда они давали нам деньги на еду, я сначала не хотела их брать, так как не понимала, для чего они предназначаются».

Подобным же образом, несовершеннолетний молодой человек, которого перехватили в дороге, так описал свою встречу с переводчиком, назначенным полицией:

«Этот человек был из полиции. Он был переводчиком. Он говорил [на моём языке], но не так уж хорошо. На письме делал много ошибок. Мне было с ним трудно».

Некоторые жертвы торговли людьми говорили, что им часто приходилось выступать в роли переводчика во время допросов других таких же жертв, вместе с которыми они были идентифицированы. Это неприятно воздействовало как на допрашиваемых, так и на переводчика, особенно пугающе и вызывая стрессовые нагрузки сказывалось на переводчике, так как он действовал под давлением силы:

«Затем они надели на нас и начали допрашивать. Так как та девушка не знала нашего языка, они всё время задавали ей свои вопросы через меня. Это было мне очень неприятно. Но ведь это была наша девушка, она понимала наш язык. Вот они и наседали на меня всё время. Было очень страшно».

При всём при этом имеется достаточно большой риск в плане правильности перевода: некачественный перевод приводит к неправильной идентификации и неправильному истолкованию многих ответов. Ещё одним возможным осложнением является то, что переводчица из числа жертв может быть необъективной в этой своей роли и неточно передавать содержание вопросов и ответов во время собеседований в ходе идентификации. Имеется несколько случаев, когда жертв торговли людьми задерживали и идентифицировали целыми группами, куда входили женщины, добровольно промышляющие проституцией, женщины, сожительствующие с хозяином и/или женщины, выступающие в роли «мамок» или надсмотрщиц над работающими проститутками. В этих случаях, если обращаться с просьбой о переводе к таким сообщницам хозяина-эксплуататора, жертвы будут опасаться говорить правду о своих приключениях, или же такие переводчицы будут неправильно переводить. В результате идентификация может провалиться.

Плохой перевод может иметь очень серьёзные последствия, вплоть до неправильного понимания или неправильного истолкования положения жертвы. Для самих жертв это может оказаться очень травмирующим переживанием, влияние которого на их психическое состояние останется надолго:

«Я всё им рассказала. Всё рассказала [на своём языке]. [Местного языка] я не знала. Потом подошёл этот их переводчик... Я рассказала ему всю свою историю. Я должна была выговориться перед кем-нибудь до конца, иначе сама жизнь моя была под угрозой риска... Тогда мне еще не было восемнадцати. Все эти допросы и прочие процедуры для [несовершеннолетних жертв

торговли людьми] проведены не были, потому что переводчик был плохой. Он переводил не всё, что я говорила, не каждое моё слово».

«Я целиком и полностью рассказала всё о нашем [торговце людьми], но переводчик не всё перевёл, что я сказала. Если бы он перевёл всё правильно, меня оставили бы в той стране [за границей]».

«У меня тоже были проблемы с переводчицей. Я говорю быстро, и переводчица нервничала и не понимала меня, поэтому переводила всё неправильно. Это страшно меня раздражало, но медленнее говорить я не могла. Когда я нервничаю, я говорю ещё быстрее».

Обстановка, не способствующая идентификации

Обстановка, в которой проводится идентификация, иногда способствует развитию у жертв торговли людьми страхов, что либо затрудняет идентификацию, либо приводит к её срыву.

В традиционной обстановке, в которой живут жертвы торговли людьми – бары, клубы, рестораны – идентификация иногда осложняется близким нахождением хозяина/торговца людьми. Например, сотрудникам правоохранительных органов, которым поручено держать под наблюдением такие значные заведения (как потенциальные места деятельности проституток и торговцев людьми) приходится проводить собеседования с женщинами в баре в присутствии их хозяев-эксплуататоров. В таких условиях жертвам трудно говорить, они едва могут вымолвить от страха несколько слов, боятся открыть рот в присутствии хозяина-эксплуататора. Организация “Amnesty International” в своём отчёте о ситуации в Косово – территории, находящейся под административным управлением ООН – указывает, что многие женщины говорили, что боятся полицейских из-за их «дружеских взаимоотношений с их «хозяевами». Вот что рассказала по этому поводу одна из женщин-жертв торговли людьми:

«Каждый день к нам в бар приезжало множество полицейских, и это всё были друзья хозяина бара. Дважды приезжала полиция ООН. В остальное время это были в основном люди из KPS [местная полиция]. Как-то их офицер отозвал меня в сторону и попросил выйти с ним из бара на улицу. Он задавал мне много вопросов, но я ничего не могла ему ответить, так как хозяин до этого угрожал нам, чтобы мы никому ничего не рассказывали. Девушка этого офицера знала наш язык, и хозяин заставил меня написать на бумаге всё, что я рассказывала полиции. Потом начался процесс регистрации. Хозяин, наши девочки и этот офицер сидели [все] вместе, так что нам было слышно всё, что говорил каждый из них» (AI 2004: 24).

В других случаях нелегальной переправки людей через границу присутствие хозяина-эксплуататора также оборачивалось проблемой. Одна женщина, которую нелегально вывезли за границу, рассказала, как её удалось позвонить домой, продиктовать свой адрес и попросить, чтобы её вызволили из неволи. Первый её допрос состоялся в присутствии хозяина-сутенёра, что значительно осложнило процесс её дальнейшей идентификации в качестве жертвы торговли людьми:

«На следующий вечер приехала полиция. Я увидела их с балкона и чуть-чуть приоткрыла свою дверь, чтобы первой их встретить лицом к лицу. Когда они прибыли, нас всех собрали в одной комнате – и девочек, и «мамку» – и допросили. Я боялась говорить и на все вопросы отвечала одно и то же: «Заберите меня с собой!». Они, наверное, поняли, в чём дело; более того, им была известна моя фамилия. Они забрали меня оттуда».

В другой ситуации метод, по которому полиция провела налёт на бордель, произвёл на всех угнетающее впечатление, что значительно усложнило последовавший за этим процесс идентификации. Одна из женщин рассказала, что действия полиции посеяли в ней недоверие к этим людям:

«Мы все испугались, когда увидели у них в руках пистолеты. Там было много их: федеральная полиция, наряд столичной полиции и ещё откуда-то, плюс инспекторы, плюс государственный прокурор. Мы с клиентами были в своих комнатах. Они поднялись к нам и начали барабанить в двери. Мы не открывали. Тогда они высадили дверь и застали нас во время полового акта. Они нас сфотографировали».

Подобным же образом, ещё одна молодая женщина, которую торговцы людьми нелегально вывезли за рубеж в качестве «жены»/прислуги для работы в семье, рассказала, как её забрала полиция и вместе с «мужем»/эксплуататором и его семьёй доставила в участок:

«Там были этот мужчина, его жена, его сестра, племянник, эта девушка и я... Я очень боялась... А эта женщина, что она ни наговорила мне в машине, наставляя в том, о чём я должна была врать. Я просто сказала «ладно» и больше не слушала её. Она хотела, чтобы я врала, но я так не поступила... Да, этот мужчина бросал на меня злые взгляды, потом схватил за руку и сказал: «Ну, придумай что-нибудь! Притворись!» Я была настолько испугана, что сказала «ладно».

В менее типичной ситуации торговли людьми, это также перерастало в проблему. Так, например, одна женщина, которую насильно удерживал торговец людьми/«муж», попала на допрос после того, как её на людях и с особой

жестокостью избил «муж». То обстоятельство, что этот допрос проводился у неё дома и в присутствии «мужа» не давало ей возможности говорить свободно ни о бытовом насилии в семье, ни о торговле людьми. В другой ситуации женщина детально описала своё возвращение домой из-за рубежа, включая идентификацию в качестве жертвы торговли людьми, укрытие в тихом и спокойном месте в транзитной стране и так далее, но тогда, в атмосфере допроса, она отказалась говорить о том, как именно её эксплуатировали и в каком качестве:

«В принципе, я боялась, что меня встретят торговцы людьми, но страх этот был не очень силён... Я просто не хотела ни с кем говорить... У меня была депрессия, мне не с кем было перемолвиться словом. Но я не хотела говорить о том, что произошло со мной за границей».

Другие жертвы говорили, что в присутствии большого количества людей им не хотелось рассказывать о том, что с ними случилось. Одна несовершеннолетняя девушка рассказала, как её заставляли сделать заявление в присутствии пяти сотрудников полиции, что было унижительно и создавало атмосферу неудобства и напряженности. В другом случае жертва рассказала, что её допрашивали при открытых дверях, где все полицейские и даже тюремные надзиратели могли всё слышать. К счастью, вмешательство государственных социальных работников положило этому конец. Они вошли и крикнули «Всем выйти отсюда! Что здесь происходит? Так работать нельзя!»

Некоторые жертвы торговли людьми рассказывали, как они лгали во время идентификации, потому что не понимали, что с ними происходит и не чувствовали себя в безопасности в ходе этого процесса:

«Ну, он всё допрашивал и допрашивал меня, и я начала врать. Нам приходилось врать. Вот я и сказала: «Всё это неправда. Почему я должна делать заявление?» Он сказал: «Я тебя депортирую». А я говорю: «Ну и депортируй, если хочешь. Я тебя не боюсь. Мне наплевать!» Я разозлилась. Всё началось с этого приступа ярости, со слёз. Не помню, что я тогда кричала. А потом – ничего. И опять он заставлял меня сделать заявление относительно того, чем мы здесь занимаемся. Не знаю... В конце концов я велела ему убираться из комнаты, в ответ на что он сказал, что мы вместе поедем [в столицу]. И это привело меня в состояние шока».

«В общем, они сказали, что нас будут допрашивать, и советовали подумать, как ответить на вопрос, занимались ли мы здесь проституцией, или нет. Мы всегда это отрицали: «Нет-нет, никакой проституцией мы не занимаемся!» Может, мы хотели этим прикрыть босса, не знаю... Мы прикрывали босса, да я не знаю, кого мы прикрывали вообще».

В этом плане многие жертвы торговли людьми важным фактором для проведения идентификации считали создание располагающей обстановки где-нибудь в тихом кабинете, подальше от хозяина; по их мнению, собеседование должно проходить в доверительном дружеском тоне, а не в стиле допроса. Для создания всего этого имеются также другие методы и средства, способствующие возникновению атмосферы сотрудничества и откровенности. Многие жертвы торговли людьми рассказывали, что присутствие при собеседовании человека, располагающего к себе и заслуживающего доверие, например, социального работника, значительно разрядило бы напряженность и облегчило бы решение многих вопросов. Для большинства из них уважительное обращение со стороны властей является основным фактором в создании обстановки спокойствия и раскованности. Один малолетний мальчик, которого эксплуатировали в сексуальном рабстве, рассказал, что процесс идентификации был для него не так тягостен, потому что представители властных структур (а это были специально подготовленные сотрудники по борьбе с торговлей людьми) создали при работе с ним обстановку спокойствия и доброжелательности. В этом конкретном случае

«Приехал на машине офицер полиции и отвёз меня в свой Центр. Там также была женщина-психолог [из какой-то неправительственной организации]. . . В Центре со мной обращались очень хорошо. Психолог сначала говорила со мной, а затем с моей мамой. Они рассказали, что мой хозяин-иностранец эксплуатировал в качестве секс рабов еще многих других мальчиков, и чтобы довести это дело до конца и наказать его, им нужно было получить от меня некоторую информацию. Они пообещали, что всё, что я им скажу, останется в тайне. Мне очень легко было говорить с этой женщиной-психологом. . . Те, кто меня допрашивал, относились ко мне очень вежливо и дружелюбно».

Когда этого мальчика спросили, насколько важно для него было присутствие во время этих процедур некоего человека, которому можно довериться, как, например, этой женщины-психолога, он ответил: «Да, [это очень важно], особенно, когда находишься в полиции. Тут всех боишься, ощущается такая тяжесть, опасаясь полиции, да, кроме того, о некоторых вещах стыдно говорить».

Жертвы торговли людьми ощущали, что в процессе идентификации их допрашивают, как преступников

Для многих жертв процесс идентификации оказался агрессивным и враждебным. Они называли его «допросом» и жаловались, что во время этого процесса с ними разговаривали и обращались не по-доброму:

«Меня так засыпали вопросами, что я пришла с бешенство. Они хотели знать всё, и напоминали, что я уехала из дома, когда была совсем молоденькой, и «что я там делала», и «кто был тот парень, который тебя вывез за рубеж», и «сколько я зарабатываю за ночь». Я так устала, что рассказала им всё, и заявила, что не хочу возвращаться домой».

«Сказать по правде, я чувствовала себя очень плохо. Мне было 22 года, когда я оказалась в руках эксплуататора, а что это эксплуататор, я догадалась сама. Но слышать это от других неприятно. В помещении было много полицейских, которые вели себя грубо... По правде говоря, они откровенно хамили. Всё эти вопросы и издёвки – «Кто был тот парень?». «Сколько ты заработала?» и всё такое прочее в этом же роде».

Многие жертвы торговли людьми говорили, что во время собеседования сотрудники правоохранительных органов вели себя чёрство и грубо:

«Было совершенно ясно, что им было напревать на моё самочувствие. Вряд ли есть кто-нибудь на свете, кто мог бы до конца понять и прочувствовать всё, через что нам пришлось пройти, и как мы себя чувствуем на самом деле. Только мы знаем, что значит страдать по-настоящему и пережить то, что пережили мы».

Ощущение, что находишься на допросе, начинает формироваться у жертвы торговли людьми, когда собеседования начинаются сразу же и второпях, как только выясняется, что дело идёт о торговле людьми и эксплуатации жертв. Сотрудники правоохранительных органов тут же засыпают жертвы массой вопросов. Этот поток сбивает их с толку, и они начинают чувствовать, что попали на форменный допрос. Более тонкий подход к этой важной стадии процедуры давал лучшие результаты, так как создавал располагающую к откровенности атмосферу доброжелательности и укреплял чувство безопасности, что сразу же открывало сердца:

«Я думаю, что девушками нашего профиля должна заниматься не полиция, а социальные работники, которые умеют подбирать к нам подход. Потому что когда нам удаётся избавиться от [торговцев людьми и хозяев], мы в духовном плане совершенно разбиты. Не доверяем даже собственной тени. Нужно, чтобы на нас не набрасывались [с вопросами] сразу же после побега и обращения в правоохранительные органы за защитой».

Жертвы торговли людьми неоднократно описывали случаи, когда процесс идентификации был менее болезненным и травмирующим благодаря позитивному отношению к этим людям со стороны правоохранительных органов и социальных

работников. Что тут наиболее поразительно, так это то, что такого рода человеческий подход осуществлять было довольно просто: достаточно было небольших проявлений сострадания и доброжелательности, чтобы тут же возникало чувство раскрепощённости, ощущение защищённости, безопасности и уверенности в себе. Во многих случаях достаточно было задать простой вопрос о самочувствии, чтобы дать им время расслабиться, или предложить еду или какой-нибудь напиток и тому подобное, после чего можно было приступить к более существенным вопросам. Для некоторых из жертв торговли людьми важным было почувствовать, что они кому-то небезразличны, что о них заботятся и понимают, через какие страдания им пришлось пройти.

С точки зрения практической перспективы стоит заметить, что создание стрессовой ситуации путём проведения допроса чаще всего даёт обратный эффект и не выявляет нужной информации. Одна из таких жертв пояснила, почему в её случае допрос оказался неэффективным:

«Он увидел, что не может справиться со мной, и начал форменный грубый допрос: «Как случилось, что твой парень покупал спиртное?», «Как это?», «Как то?» Я ему сказала: «Почему вы спрашиваете меня об одном и том же тысячу раз?» Потом он увидел, что я рассердилась. Я отшила его, на словах, конечно. Тут уж обозлился он, так как не мог ничего со мной сделать».

Обратите внимание, как она характеризует этого полицейского по прошествии времени. Она решила, что тот работает в интересах торговцев людьми – «Позже я узнала, что он неплохой человек, что он действительно хотел помочь тем женщинам. Видите ли, когда не знаешь человека, нельзя осуждать его поспешно». Однако его благие намерения были сведены на нет тем подходом, который он применил к нам. Этот пример также подчёркивает наличие определённой напряжённости между жертвами торговли людьми и правоохранительными органами, которые стремятся провести их идентификацию: некоторые жертвы в различных ситуациях не желают подвергаться этой процедуре. Привести эти отношения хотя бы в приблизительное равновесие дело чрезвычайно сложное.

Не знаю, кого просить о помощи!

В ходе беседований многие жертвы торговли людьми говорили, что не знают к кому обратиться за помощью. Такие заявления они делали независимо от пола, возраста, национальности, вида торговли людьми и страны назначения. Им нельзя было обращаться в полицию или другие правоохранительные органы, потому что, во-первых, они им не доверяли, а во-вторых, потому что являлись нелегалами и/или занимались незаконной деятельностью. Обо всем этом говорилось выше в данной

главе. А некоторые жертвы, которые обращаются к вышеуказанным органам за помощью и защитой, не получают ни того, ни другого, так как не проходят идентификацию. Об этом тоже говорилось выше:

«Я испугалась, так как не знала, для чего явились полицейские: сообщить хозяину, что меня разыскивают, или освободить меня».

«Я абсолютно не знала, к кому обратиться за помощью... Полиции я не доверяла... Я думала, что кроме полиции никто таким, как я, не помогает».

По рассказам респондентов, у этих людей было мало шансов пройти идентификацию и получить помощь:

«Я ничего не знала, что жертвам торговли людьми полагается помощь. В стране, где я оказалась, я не знала, к кому обратиться, если мне понадобится помощь. Думала, что единственная дорога – это в полицию. А идти в полицию у меня не хватало духа, потому что [торговцы людьми] говорили, что полиция ими куплена. Угрожали мне смертью, если пойду туда. Я боялась».

«Нет, я ничего не знала, что где-то для нас есть возможность получить помощь».

Доступ к получению помощи для нелегалов в странах назначения вообще был как бы «невидим». Многие жертвы торговли людьми звонили по телефонам «горячей линии» на родине, так как не знали, ни где эти организации находятся в стране назначения, ни их телефонов. В некоторых странах такие организации имеют ограниченный доступ к жертвам торговли людьми вследствие каких-то особых юридических или правительственных актов по борьбе с торговлей людьми. Например, в некоторых странах организациям, оказывающим помощь такого рода, запрещен допуск в тюрьмы и СИЗО для бесед с нелегальными иммигрантами, беспризорными детьми и проститутками как с возможными жертвами торговли людьми. Равным образом, там, где нет программ для работы с населением (т.е. с уличными детьми, проститутками и т.п.) возможность проведения идентификации значительно затруднена.

Наличие такого рода организаций, международных агентств и т.д. было приятной новостью для многих жертв торговли людьми во многих странах.

«В присутствии пограничников я совсем не боялась... Они сказали мне, что волноваться и беспокоиться нечего, что они организуют мою отправку домой на родину... Сказали, что я смогу провести несколько дней в

специальном приюте для жертв торговли людьми, расположенном [в транзитной стране] и принадлежащем одной неправительственной организации».

Не желают ни идентификации, ни помощи

Еще одним аспектом, заслуживающим рассмотрения, является то, как жертвы торговли людьми переживают и понимают процесс идентификации. Некоторые из них вовсе не воспринимают идентификацию как разрешение их жизненной ситуации, и не всегда воспринимают своё «спасение» в положительном плане. Это чаще всего бывает, когда жертвы приспособились к своему положению, то есть начали откладывать деньги и посылать их домой, или разработали план побега от хозяина, но так, чтобы остаться за рубежом, или завязали близкие отношения с одним из клиентов, надеясь выйти за него замуж и остаться в стране назначения, но уже в легализованном порядке и т.д. В таких случаях «спасение» и идентификация только повредят их планам. Одна женщина рассказала, что совершенно не желает идентификации. Когда её спросили, а что же она хочет, та ответила: «Не желаю никаких полицейских участков или приютов, и вообще ничего мне не нужно. Хочу вернуться к своей прежней работе здесь, или [в столице]. Я совсем не хочу проходить идентификацию, а они вот взяли и сами явились сюда».

Другая женщина, идентифицированная за границей, рассказала, что она намеревалась в скором времени вернуться домой, а идентификации разрушила все её планы. Дело в том, что она в своё время была нелегально вывезена за границу, но потом договорилась со своим хозяином-торговцем и должна была вскоре выехать домой на родину с некоторой суммой денег. После идентификации она не получила от хозяина-торговца ни гроша, а сам отъезд на родину задержался, так как ей пришлось провести в приюте долгое время. Когда с ней проводили данное собеседование, она всё ещё находилась в этом приюте, а прошло уже четыре месяца после намеченной ею даты отбытия на родину:

«Почему всё кончилось этим? Они всё время доставали меня. Я не хотела оставаться здесь так на долго. Но всё случилось так стремительно... Да, из-за этого рухнули все мои планы, так как я хотела лишь чуть-чуть задержаться здесь... Но полиция достала меня раньше».

В дополнение ко всему этому, не все жертвы торговли людьми считают, что условия их спасения от торговцев людьми лучше, чем нахождение у этих торговцев. Так бывает чаще всего тогда, когда жертв задерживают и подвергают допросам вместо того, чтобы мягко побеседовать с ними и не травмировать их при этом, или когда их помещают в приюты, программы которых, по их мнению, не

удовлетворяют их запросов и нужд. Жертвы могут критически взвесить всё за и против предлагаемой им идентификации и спасения, и если эти варианты их не удовлетворяют, они могут оказаться как от одного, так и от другого (Brunovskis and Surtees, 2007 год). Неопределённость в том плане, куда их потом отправят, и что с ними будет, играет большую роль в их умонастроении:

«Я боялась [во время идентификации], потому что обратно вернуться туда, где мы работали, мы уже не могли. И вообще, не знаешь, куда тебя направят, и в какое место ты попадёшь».

Тот факт, что идентификация иногда оборачивается вмешательством в личную жизнь и большими стрессовыми переживаниями также проливает свет на причину, заставляющую этих людей избегать этой процедуры:

«Когда портовая полиция спросила, что я делаю тут у них [за границей], я сказала, что занимаюсь проституцией и делаю это по собственной доброй воле... Я была страшно усталой, измученной, голодной, и мне на всё было наплевать. Я просто не хотела, чтобы они и дальше донимали меня своими вопросами».

Кроме того, не каждый нелегал, будь то мужчина или женщина, считает себя жертвой торговли людьми, предпочитая представляться эмигрантом, которому не повезло, и поэтому отвергает помощь, предлагаемую жертвам этого преступного промысла (Brunovskis and Surtees, 2007; Pearson 2002; Surtees 2005). В ходе одного собеседования стало ясно, что респондентка не рассматривала себя как жертву торговли людьми и даже пыталась убедить сотрудника, беседующего с ней, в том, что её просто трудно жить в семье. Один из представителей организации, предлагающей помощь и спасение жертвам торговли людьми, подтвердил, что такие ситуации не единичны:

«Более обычной бывает ситуация, когда прокурор считает, что женщина является жертвой торговли людьми, но не отдаёт себе в этом отчёта, или просто не знает, что это так. У нас недавно была именно такая женщина... Она пробыла у нас девять месяцев. Все данные её личного дела свидетельствовали о том, что её нелегально переправили за границу с целью эксплуатации в качестве проститутки. Она же утверждала, что её никто не эксплуатировал, а просто она иногда сама соглашалась на это, чтобы заработать деньги. Она никогда не ощущала себя жертвой торговли людьми – ни до конца своего назначения за границей, ни при отъезде на родину».

Другие женщины – те, например, которые удерживаются отдельными мужчинами в качестве «жены» – тоже могут не согласиться признать себя жертвами торговли людьми, испытывая чувство любви к своему «мужу»/эксплуататору и зависимости от него. Это подавляет у них желание избавиться от такого положения (Surtees 2005; Andriani & Raviv 2004).

Подобным же образом, при работе с мужчинами-жертвами торговли людьми это термин вызывал у них энергичные возражения, и они, в большинстве своём его отвергали:

«Что вы такое говорите? Какая я вам тут жертва? Мне даже смешно подумать, что я – и жертва!»

«Мне кажется, что ни одному мужчине не понравится, если его назовут чьей-то жертвой. Это звучит как насмешка, если не оскорбление. Все окружающие могут поднять его на смех, особенно если это молодые парни, не имеющие жизненного опыта и не знающие, что эксплуатация человека человеком вообще возможна в принципе».

По всем этим причинам некоторые жертвы торговли людьми не всегда считают, что идентификация – это панацея от всех зол. Они злятся, что от этого теряют свои доходы. Они страшатся неминуемого возвращения домой. Некоторые даже боятся, что их разлучат с хозяином-торговцем²⁸, особенно когда он является эксплуататором и мужем/любовником в одном лице. Поэтому жертвы торговли людьми могут вести себя не так, как от них ожидают сотрудники служб по борьбе с незаконным вывозом людей за рубеж. Вместо благодарности они могут оказаться исполненными враждебности и подозрительности, страха и недоверия, как об этом рассказывалось выше. Сотрудникам правоохранительных органов необходимо знать, что эти люди не всегда положительно реагируют на идентификацию, чтобы правильно строить свою работу с ними и быть готовыми к враждебному отношению и сопротивлению идентификации, что особенно часто проявляется на более поздних стадиях их жизни, когда связи с торговцами людьми становятся достоянием прошлого.

²⁸ Взаимоотношения между торговцами людьми и их жертвами крайне сложные и влияют не только на экономическое положение, но и на индивидуальное состояние жертвы. Недавно торговцы людьми начали крепче привязывать своих жертв к хозяину личными узами, делая их «женами» или «возлюбленными» своих хозяев-эксплуататоров и тем самым усложняя возможности побега из рабства. Например, в различных странах Юго-Восточной Европы, включая Албанию и Сербию, торговцы людьми набирали своих жертв из числа близких и родственников, например, любовниц, невест, женихов, жен и мужей. В других странах и территориях, как Косово, Босния и Герцеговина, Македония, женщины удерживались мужчинами как «жены», которые обязаны были выполнять всю работу по дому плюс оказывать сексуальные услуги «мужу»-хозяину (Surtees 2005).

Даже в тех случаях, когда жертвы торговли людьми не желают мириться со своим положением, это не всегда означает, что они стремятся быть идентифицированными и направленными на получение помощи. Одна женщина рассказала, как её и её подругу идентифицировали в полиции и направили в приют для получения помощи. Полицейские говорили, что им очень повезло:

«Они только сказали нам: «Это благословение свыше, что вас направили туда. Мы сами не прочь пожить там несколько дней, потому что это прекрасная вилла»... Но я не хотела никуда ехать. Я желала быть свободной и оставаться наедине с собой».

Учитывая всё вышесказанное, отказ некоторых жертв торговли людьми от идентификации может быть временным их решением. Brunovskis and Surtees, 2007, в своих исследованиях выяснили, что на разных стадиях и в ответ на воздействие различных факторов жертвы торговли людьми принимают разные решения относительно идентификации и обращения за помощью. То есть:

«Решения о том, принять помощь или отклонить её зависели от фактора времени, равно как и от сложившейся ситуации и степени вовлечённости жертв торговли людьми. На разных стадиях своей жизни после ухода от торговцев людьми они принимали разные решения в зависимости от сложившегося положения и в соответствии с обязательствами, которые они принимали на себя при получении различных видов и форм помощи. Это предполагает гораздо более сложный процесс принятия решения, нежели об этом принято думать. В принципе, когда мы говорим об «отказе от помощи», было бы правильнее говорить о целой цепочке решений, к которым жертвы приходят, двигаясь от одного к другому, а также о сложности самого процесса принятия решения, учитывая предлагаемые услуги и личную заинтересованность в каждом отдельном случае (Brunovskis and Surtees, 2007).

Отказ от идентификации сам по себе может быть неопределённым и не окончательным, и здесь мы можем говорить о возможности (при соблюдении этических норм и конфиденциальности) продолжать держать жертв торговли людьми в поле зрения и в конце концов предложить им пройти идентификацию либо за границей, либо дома, на родине.

Чёрствость, пристрастность и дурное обращение

Многие жертвы торговли людьми очень положительно отзывались о прохождении идентификации, так как во время этого процесса они не испытывали предвзятого

или пристрастного отношения к себе со стороны сотрудников правоохранительных органов. Как было сказано выше, многие из этих сотрудников играли центральную роль в создании чувства защищённости и комфорта, что весьма часто происходило благодаря проявляемому ими сочувствию к судьбе этих людей и беспристрастности при работе с ними.

Говоря об этом, следует упомянуть, что жертвы торговли людьми указывали на чувства предвзятости, предубежденности и необъективности, проявляемые по отношению к ним представителями правоохранительных органов, проводившими идентификацию. Как указывалось выше, многие представители этих органов являлись источником создания у жертв ощущения защищенности и комфорта, чего они добивались путём применения индивидуального и беспристрастного подхода к выполнению своей задачи.

При этом некоторые жертвы также говорили, что испытали на себе чувства предвзятости и негативного отношения со стороны проводящих идентификацию. В некоторых случаях жертвы объясняли такое отношение к себе тем, что занимались проституцией:

«Они посадили нас в тюремную камеру. Там было маленькое оконце... Полицейские были грубыми и бескультурными. Они считали нас проститутками».

«Полицейский, проводивший со мной идентификацию, был далеко не любезен... Нет-нет, я встретила его опять три недели тому назад, и сказала ему всё, что я о нём думаю... Со мной были сотрудники правоохранительных органов, и он не ожидал моего прихода... Так вот, я вошла к нему, напомнила ему о себе и при всех заявила, что он просто загнал меня в угол и поставил в безвыходное положение. Но теперь он разговаривал совсем по-другому...: тут ведь присутствовали представители организации, поэтому он сменил тон. Но потом уже он обращался с нами так, как будто мы не были людьми».

«В конце разговора и после моего заявления одна женщина-[полицейская] подошла ко мне, положила одну руку на маленький столик..., а другой уперлась в стул, на котором я сидела. Она приблизилась ко мне вплотную и уставилась мне прямо в лицо. Потом сказала: «Ты же знаешь ту другую девицу, которая тоже там была. Ведь знаешь, потому что вы все связаны между собой. Все вы одинаковы!..» Я почувствовала себя ужасно. А как же можно себя чувствовать, когда на тебя навешивают ярлык проститутки!»

«Они не употребляли ругательных слов, но говорили: «Все вы одинаковы. Вы покрываете друг друга. Вы защищаете своих боссов!» По-моему, всё ясно. Когда кто-то думает, что я во всём виновата, я не испытываю чувства вины

за то, что случилось, так как знаю, кого винить, Но когда тебе прямо в лицо бросают обвинение в том, что ты-де проститутка, то тебя охватывает ужас. Она говорит мне в лицо, что я – проститутка, или, как у нас говорят, уличная шалава, то это действительно ужасно».

Подобные наблюдения содержатся в исследовании внутренней торговли людьми в Боснии-Герцеговине, где несколько респондентов подтвердили, что в ходе мероприятий по противодействию торговле людьми особо подчёркивалось, что «жертв предупреждали, чтобы они больше не занимались проституцией», подразумевая при этом, что до контакта с правоохранительными органами они промышляли этим занятием по своей собственной доброй воле (Reiter 2005: 18). Предрассудки и черствость, а также предвзятость проявлялись в работе с жертвами торговли людьми не только представителями правоохранительных органов, но и другими профессиональными работниками. Одна из жертв рассказывала, как с ней работал некий социальный работник, первый вопрос которого к ней был, не «больна» ли она и не является ли носительницей инфекции. Под этим он подразумевал, не имеются ли у неё венерические заболевания вследствие занятия проституцией.

Важно отметить, что предвзятость и негативное отношение проявляются не только при работе с проститутками. Один мужчина, нелегально вывезенный торговцами людьми за границу и потом бежавший от своего хозяина, рассказывал, как над ним и его товарищами издевались представители правоохранительных органов, когда они об обратились к ним за помощью в возвращении домой на родину: полицейские насмехались над ними и всячески обзывали их идиотами и дураками за то, что они приняли решение вернуться домой. Они не проявили ни малейшего сострадания к ним и никак не сочувствовали им в том, что пришлось перетерпеть в лапах хозяина-эксплуататора.

Жертвы торговли людьми рассказывали, что кроме проявления чёрствости представители правоохранительных органов также запугивали их, угрожали и оскорбляли их:

«Ну, они отвезли нас туда, а с утра начали допрашивать. А потом тот полицейский начал угрожать нам... Он был прямо ужасен. Загнал нас в угол, где мы стояли с полшестого утра до самого вечера».

«[В тот момент] я прежде всего нуждалась хотя бы в капельке понимания, но они вели себя не по-человечески, как-то совсем уж странно... Как хорошо было бы, если бы они просто поговорили бы с нами, а не запугивали и не угрожали посадить нас на пять лет. Я знаю, что это невозможно. Правда, наше посольство может депортировать нас, но посадить нас они имели право не больше, чем на месяц».

[Полицейский] ударил мою подругу за то, что та сказала, что видит того человека в первый раз в тот день, когда мы должны были выехать [за рубеж]».

[Полицейский] орал: «Кто отправил вас [за границу?], «Что вы натворили?!», «Что вы делали на границе, где вас поймали?..» Он схватил меня за блузку и дёрнул так сильно, что я чуть не упала со стула: «Скажи, кто отправил тебя [за границу], или я тресну тебя этой рацией по башке!» А в руке у него было переговорное устройство, через которое полицейские поддерживают связь друг с другом».

«Они допрашивали нас... Да, очень долго [более двенадцати часов]. В участке нам не дали даже стакана воды. Они ужасные, страшные».

«Нас не били. Это они нас просто допрашивали. Они хотели знать во всех подробностях, что мы делали на той квартире. Отказаться отвечать мы не могли. Если мы и пытались, то они сразу же начинали на нас орать. Мы просто очень боялись... Я чувствовала себя совсем не комфортно. Потом нас разделили по одной и заперли. Они допрашивали нас порознь, одну за другой».

«[Полиция] обращалась со мной не очень хорошо. Они орал на меня. Я ничего не понимала. Я отвечала на своём языке, но они продолжали орать на меня, а я не понимала их [язык]. Я очень боялась».

В некоторых случаях дело было не столько в неправильном обращении с задержанными, сколько в халатности правоохранительных органов. Одна из жертв рассказала, что она активно требовала идентификации, но сотрудник её просто-напросто выгнал, так как был занят, и ему было не до неё:

«Однажды было так, что нас поймали прямо на улице, и я хотела всё рассказать, но жена нашего хозяина-сутенёра пригрозила перебить всю мою семью, если я скажу хоть слово. Но я всё же хотела рассказать им хоть что-то, однако полицейский быстро отослал нас. Я сказала ему, что хочу что-то рассказать, но он сказал, что теперь не время, и он торопится. Поэтому мне не удалось ничего ему сообщить».

Весьма разочаровывающим обстоятельством является тот факт, что встречи жертв торговли людьми с людьми, в обязанности которых входит борьба с этим явлением, носят столь негативный характер. Следует упомянуть, что пренебрежительное и/или силовое обращение с жертвами во время идентификации может вообще отвести их от желания участвовать в этом процессе и сотрудничать с правоохранительными

органами и в конце концов привести их к отказу от предлагаемой помощи (Brunovsksis and Surtees, 2007). В любом случае такое отношение к этим людям со стороны представителей правоохранительных органов может оказать на них долговременное угнетающее влияние.

Коррупция

Для многих жертв торговли людьми, с которыми нам пришлось проводить собеседования в ходе данного исследования, коррупция была одним из главнейших негативных факторов их жизни как во время нелегальной переправки за границу, так и дальнейшей жизни там. Это обстоятельство часто играло определенную роль и в том, как именно их вывозили за границу, и в принятии решения бежать от хозяина-эксплуататора, и в том, когда и как они были идентифицированы.

Многие жертвы торговли людьми рассказывали, каким образом их судьба в качестве нелегалов была постоянно завязана на коррупции, и что именно коррупция зачастую мешала им обратиться в правоохранительные органы, что продлевало их неустойчивое положение за границей. Одна из таких жертв, войдя в контакт с правоохранительными органами, так и не была идентифицирована в одной из стран Европейского Союза, где она подвергалась эксплуатации, несмотря на то, что еще не достигла совершеннолетия:

«Я работала на улице, и там были среди нас и другие девочки, которые обслуживали полицейских. И среди полицейских были такие, которые сами держали девочек как сутенёры и торговали ими от себя».

Один мужчина, который сидел за незаконный переход границы, так как решил всё сделать сам и отказался от услуг торговцев людьми, рассказал, как продажный чиновник требовал от него деньги, обещая за это выпустить его из тюрьмы:

«Представитель правоохранительных органов разрешил мне позвонить домой. Он сказал, что если каждый из нас заплатит ему по сто долларов, то он нас выпустит..., но у нас не было денег..., как не было их и у наших родителей... Так как мы не смогли заплатить эти деньги, нам пришлось просидеть три месяца в СИЗО».

Другие жертвы торговли людьми также ставили вопрос о коррупции²⁹:

²⁹ Это созвучно результатам исследований оценки помощи, оказываемой жертвам торговли людьми в странах Юго-Восточной Европы, где организации по борьбе с торговлей людьми также сообщали об этом как о проблеме. Один представитель такой организации заявил: «Наш прошлый опыт показывает, что из-за коррупции, которая пронизывает всю систему сверху донизу, до самых нижних звеньев правоохранительных органов, жертвы торговли людьми часто не получают

«Я думаю, что полиция должна работать лучше... Полицейские в той деревне [в стране назначения] были продажными. В идеале, они должны были забрать нас [от хозяина с места эксплуатации], вернуть нам документы и дать немного денег».

«Местные полицейские коррумпированы. [Торговцы людьми] платили полицейскому, работавшему на базаре. Полицейские требовали взятки от торговцев людьми, потому что я был несовершеннолетним, а малолеткам запрещалось работать на базаре. Когда моя мама связалась с полицией у нас [на родине], об этом узнали наши полицейские на базаре, и [торговцы людьми] держали меня у себя дома взаперти целую неделю. А потом меня снова заставили работать на базаре».

«Я бы не советовала [жертвам торговли людьми] обращаться в полицию, потому что помощи от них никакой. Они так поворачивают дело, что тебе самой приходится доказывать свою невиновность. Я натерпелась от них и за границей, и дома в своей деревне. Полиция работает на того, кто им платит. И если ты обратишься к ним, и они увидят, что у тебя нет денег и взять с тебя нечего, они просто повернутся к тебе спиной».

«Я была несовершеннолетней, когда без ведома родителей уехала [за границу]. Те, кто переправил меня, заплатили кому надо на границе. Вот так я и попала сюда».

Одна из жертв рассказала, что её «хозяин» был связан с полицией, и что она заранее знала, что какие бы заявления она не делала, это ни к чему не приведёт. Это сильно её расхолаживало в намерении обратиться к официальным властям и начинать какие-либо юридические процедуры:

«Я сделала несколько заявлений [в столице]. Они спрашивали, и я отвечала. Но я ничего не сказала насчёт хозяина-[торговца людьми], потому что у него в полиции друзья... Я знала: что бы я ни говорила там, ему ничего не будет, и всё на этом закончится. Я и им это сказала. У него связи, и этим всё сказано. Насколько я знаю, он и сейчас держит девочек, но не [нас, иностранок], а [своих, местных]».

В одном случае, где жертва, кстати, прошла идентификацию и была освобождена в результате вмешательства полиции, вопрос о коррупции также встал на

никакой помощи, с ними дурно обращаются, а иногда коррумпированные полицейские сами возвращают их обратно хозяевам» (Surtees 2006a: 25).

повестку дня. После того, как она сообщила о своем положении полиции на своей родине и попросила спасти её, полиция в стране назначения хотя и отреагировала, но вяло, и сделала очень мало в плане борьбы с торговлей людьми. Они приехали на квартиру, где хозяин держал эту девушку, и предупредили его, что ему грозит арест – «[местные полицейские] приехали к нам на квартиру и сказали хозяину, что у него будет много проблем». Тем не менее, этого торговца людьми не задержали, а просто он выпустил эту девушку и дал ей денег на возвращение на родину. Важным здесь представляется то, что коррупции были подвержены не только представители правоохранительных органов. Одна из жертв рассказала, что когда она обратилась за помощью в посольство своей страны, ей велели уходить и собрать достаточно денег для подкупа сотрудников посольства³⁰.

Оказалось, что коррупция в значительной степени влияет на идентификацию. Даже там, где факт коррупции не имел места, прошлый опыт жертв дома и за границей подсказывал им наличие такой возможности и останавливал их в принятии решения обратиться за идентификацией и принять предлагаемую помощь.

4.4. Резюме

Жертвы торговли людьми выявлялись различными ведомствами, занимающимися противодействием торговле людьми. Это правоохранительные органы, специалисты по работе с населением, социальные работники, сотрудники посольств, неправительственные организации, международные организации, клиенты и сами жертвы, а также люди и профессионалы, которые в своей обычной деятельности не имеют отношения к идентификации – работники транспорта, религиозные организации и частные лица. Но в то же время имелся целый ряд случаев, когда возможности идентифицировать людей как жертв торговли людьми использованы не были.

Для многих жертвы торговли людьми идентификация обернулась большим стрессом, переживаниями и отрицательным опытом. Жертвы говорили о своих как положительных, так и отрицательных реакциях на встречи с различными лицами, проводившими идентификацию, равно как и о различных стадиях процесса идентификации. Весьма часто бывало, что жертвы одновременно испытывали

³⁰ Для некоторых жертв торговли людьми коррупция сыграла определённую роль на более поздних стадиях оказания им помощи и защиты. Одна из жертв рассказала, как коррупция влияет на судебную систему страны, откуда она родом:

«С самого начала она хотела быть моим адвокатом, но говорила мне, чтобы я не очень надеялась на благоприятный исход дела, так как наша страна пронизана коррупцией и что даже судья, возможно, получил взятку, так как не хотел отправлять правосудие».

чувства облегчения, что идентификация окончена, и страха и подозрения в отношении лица или лиц, проводивших эту процедуру. Часто бывало и так, что негативные ощущения (страх и подозрение) уступали место чувству облегчения, когда всё было уже позади, и постепенно возникало чувство доверия к лицам, которые их идентифицировали.

В добавление к своим ощущениям и переживаниям жертвы также рассказывали о тех проблемах, с которыми им приходилось сталкиваться в процессе идентификации как за границей, так и на родине. Проблемы эти в основном касались доступа к полной и исчерпывающей информации относительно положения, в котором они оказались, и вариантов выбора при идентификации. Говорили также о не совсем высокой квалификации некоторых из служб, занимающихся противодействием торговле людьми, работающих с жертвами; о переживаниях, связанных как с гуманным, так и с чёрствым обращением с ними в процессе идентификации; о задержаниях и допросах вместо идентификации; о коррупции; о дурном обращении и халатности чиновников; о проблемах, связанных с языковым барьером, возникающим в процессе идентификации; о том, что идентификация зачастую проводилась в условиях, не способствующих благоприятному ходу этого процесса; о том, что многие жертвы торговли людьми не знали, к кому обратиться за помощью и спасением и, наконец, о тех их этих людей, кто не желал проходить идентификацию.

5. Возвращение жертв торговли людьми и адресация

Процесс возвращения жертвы торговли людьми на родину на постоянное место жительства – при правильном его проведении – включает в себя целый ряд стадий, призванных обеспечить его/её безопасное возвращение домой без ущемления человеческого достоинства. В идеале, этот процесс включает в себя подготовку необходимых документов; организацию проезда до места назначения; информирование жертв обо всех стадиях процесса возвращения и вариантах получения помощи дома, равно как и об элементе риска, связанного с переездом, как на зарубежной территории, так и на родине; связь и координация действий между страной происхождения и страной назначения, а также достижение соответствующей договорённости между страной/странами транзита; обеспечение нормальных условий проезда (включая, при необходимости, также проезд сопровождающего лица и оказание возвращаемому или возвращаемой нужной помощи в пути); приём на границе и дальнейшая переадресация его на родине. Несоблюдение правил безопасности при переезде представляет большой риск и может даже закончиться тем, что этот человек снова попадёт в руки торговцев людьми и будет опять перепродан за рубеж.

В ходе собеседований жертвам торговли людьми задавали вопросы относительно их личного опыта возврата на родину, то есть, что было в этом положительного и отрицательного; вопросы задавались с целью выяснить, какие на сегодняшний день имеются ошибки при возврате жертв торговли людьми как

из-за границы, так и при побеге из дома в пределах своей страны, и к каким организациям следует их адресовать. Из данного раздела мы узнаем не только, как проводился возврат, но также что эти люди испытывали в процессе возвращения и с какими проблемами они столкнулись.

5.1. Как жертв торговли людьми возвращали на родину

Жертвы торговли людьми возвращались домой несколькими способами: некоторым помогали в этом, но многие возвращались своими силами, без всякой помощи. В первом случае, когда они попадали в поле зрения специальных программ, то возвращение каждый раз проводилось по-разному, в зависимости от условий и положений той или иной программы. Разными при этом были степень помощи, информированность возвращавшихся, транспортные средства и варианты приёма на родине и дальнейшей адресации. В некоторых случаях весь этот процесс проводился при максимальном обеспечении безопасности жертвы и создании у неё ощущения защищённости. Для этого жертву сопровождал до самого дома специальный сотрудник организации, или встречал её по месту жительства, постоянно консультируясь с ней и держа её в курсе дела. Одна из таких жертв рассказала, как было организовано её возвращение домой, и что выбранная для этого тактика и практическое её осуществление оказались, по её мнению, наиболее правильными и безопасными:

«Там, в полицейском участке, я почувствовала себя в безопасности, как только взяла в руки своё свидетельство о рождении. Тут я поняла, что эти полицейские не коррумпированы... Они сказали, что мне нечего беспокоиться и что они перешлют по назначению информацию о том, что полиция спасла меня. Они также сказали, что я у них надолго не задержусь... Полицейский сопровождал меня до следующего крупного города, где доставил меня в полицейский участок и передал другому сотруднику. Затем мы оба сели в поезд, направляющийся [на родину]... Когда я пересекла границу [своей страны], меня в помещении таможни встретил представитель центра по борьбе с торговлей людьми, приехавший [из столицы]... Он сопровождал меня до самого дома и предупредил, что торговцы могут искать меня, и что мне некоторое время лучше пожить у кого-нибудь из дальних родственников. Он также сказал, что я могу жить в специализированном центре [в столице], который оказывает помощь жертвам торговли людьми, и что там помогут решить все мои проблемы. Он отвёз меня в этот центр. Нет, я не боялась, потому что меня всё время сопровождал сотрудник полиции. Я знала, что дома меня ждёт мама, и это согревало мне душу».

Однако в некоторых случаях пробелы в процедуре возвращения жертв торговли людьми домой заставляли их испытывать беспокойство и состояние незащищённости. Иногда эти пробелы выражались в том, что жертву дома никто не встречал, или они не были уверены в своей безопасности, или их не информировали обо всём процессе с начала до конца, или не проинструктировали, как действовать в случае возникновения трудностей:

[О поездке без сопровождения] «Я очень боялась, что кто-нибудь подойдёт ко мне и снимет с самолёта. По-английски я не говорила. Это создало недружелюбную обстановку».

«Когда я приехала домой, никто [из организации] меня там не встретил. А я надеялась, что кто-то меня там ждёт».

К этому следует добавить, что не всегда возвращение жертвы торговли людьми домой осуществлялось без ущемления её человеческого достоинства. Одна из таких жертв – несовершеннолетний молодой человек – был доставлен домой в сопровождении полицейского. Молодой человек был этим удовлетворён: «Я видел, что этот полицейский человек серьёзный, и доверял ему». Однако по прибытии на родину свои родные полицейские надели на него наручники:

«[В столице] нас опять повезли [в приёмный центр для несовершеннолетних], где мы пробыли приблизительно часа три. Потом пришёл полицейский... и надел на нас наручники... Всё это было так странно. Он сказал, что боится, как бы мы не сбежали. Я сказал, что бежать мне некуда и что наоборот я хотел добраться до своих родителей целым и невредимым. Я даже не знал, куда идти. И денег у меня не было».

Когда жертвы торговли людьми возвращались домой собственными силами, это осуществлялось разными способами, некоторые из которых представляли дополнительный риск. Иногда им помогали на родине – выправляли документы, покупали билеты на транспорт, чтобы добраться домой – но при этом не учитывались соображения безопасности, и ехали они без сопровождения. Некоторые жертвы добирались домой самостоятельно, без всякой поддержки. Многие говорили, что ехали на поезде или в автобусе зайцем, так как у них не было ни документов, ни денег на билет. Одна несовершеннолетняя так описывает своё возвращение из бывшего Советского Союза:

«[Границу я пересекла] без паспорта. [Тот мужчина, что помог мне] поговорил с кем-то из таможни и объяснил ему, что со мной произошло. Таможенник разрешил мне перейти границу без паспорта. Тот мужчина дал мне [немного денег], и я смогла доехать [до столицы] на автобусе».

В нескольких поистине драматических случаях жертвы торговли людьми возвратились домой при крайне трудных обстоятельствах. Некоторые мужчины, нелегально вывезенные торговцами людьми в страны бывшего Советского Союза, шли пешком сотни километров, потому что не прошли идентификацию, и им было отказано в помощи, когда они обратились за ней в стране назначения.

5.2. Как жертвы торговли людьми оценивают и как переживают процесс возвращения и адресации

Рассказывая о своём возвращении из-за границы, жертвы торговли людьми много говорили о своих переживаниях и реакциях. Многие испытываемые ими чувства носили негативный характер – стресс, волнения, разочарование, страх и отчаяние, нервозность и спутанность сознания – которые были результатом не только самого процесса отправки домой, но были также вызваны теми мерами и методами, которые применялись при этом. В то же время они говорили и о положительных эмоциях, связанных с возвращением домой, а именно о приятном волнении при встрече с родными и об ощущении безопасности и защищенности. И, как и во время идентификации, многие испытывали борьбу нахлынувших одновременно противоречивых чувств. Одна из жертв рассказывала: «Я переживала смешанные чувства. С одной стороны, я была рада, что приеду домой. Но с другой стороны – приеду с пустыми руками: денег-то я не заработала!» А еще одна женщина высказалась так: «Меня переполнили чувства радостного волнения и ощущение счастья». Многие после возвращения домой страдали от борьбы в себе чувств доверительности и недоверия к окружающим. В данном разделе нашего исследования мы будем более подробно говорить об основных переживаниях этих людей в связи с возвращением и дальнейшей адресацией.

Волнения и страхи

Некоторые жертвы торговли людьми описывали процесс возвращения домой как весьма пугающий. В некоторых случаях причиной этого был страх, что по пути их перехватят их же торговцы людьми, или же что они опять столкнутся с ними по приезде домой: «Я боялась встречи с ними [торговцами людьми] как по дороге домой, так и по приезде туда».

В других случаях жертвы объясняли своё состояние страхом быть арестованными властями. Одна женщина, нелегально переправленная торговцами в бывший Советский Союз, возвращалась домой без денег и документов. Она пересекла четыре границы, объясняя на каждой из них, что с ней случилось, и почему у неё нет ни денег,

ни документов: «Мне пришлось много раз рассказывать разным людям о том, что со мной произошло, и почему у меня не было паспорта. У меня просто не было другого выхода». А другая сказала: «Я сильно волновалась и переживала, так как боялась, что полиция снимет меня с автобуса, а денег на другой билет у меня не было».

Многие жертвы торговли людьми боялись самого процесса возвращения, так как особенного выбора дома у них не было, равно как не было и перспектив безопасности. Многих волновали проблемы, связанные с возвращением домой, а именно: приезд без заработанных денег, отсутствие какой-либо приличной перспективы дома, страх мести со стороны торговцев людьми и возможный отказ семьи и общества принять их обратно.

«Впервые это случилось со мной, когда я узнала, что вида на жительство мне не дадут, и мне нужно будет вернуться [из-за границы] домой. От этого известия я упала в обморок, а когда пришла в себя, то начала кричать, ругаться и крушить всё вокруг. Я не хотела уезжать из центра [помощи нелегальным иммигрантам]. Мне некуда было ни ехать, ни идти».

«Нет, я же говорила вам, что не хочу возвращаться домой. Дома мне плохо. А потом она сообщила мне, что есть какая-то организация для женщин и девушек и что мне предстоит жить там. По правде говоря, я ей не поверила».

«Я боялась... Не знала, как встретит меня мама. Просила их не отсылать меня домой. Не хотела жить с матерью».

«Я не знала, что со мной дальше будет; просто сидела и ждала, кто за мной приедет, куда заберёт, будет ли там полиция, и что будет вообще. Вот так мы и сидели, не зная, что будет с нами, когда нас привезут туда, и что прибудем мы туда через девяносто минут, так я сидела в самолёте и плакала».

«Я плакала в самолёте, потому что не знала, что со мной будет, и не знала, собирается ли полиция устроить показное представление, когда нас будут выводить из самолёта в аэропорту».

Ощущение безопасности и чувства уверенности в себе

Некоторые жертвы торговли людьми очень позитивно оценивали своё возвращение домой и направление в последующие инстанции. Говорили, что это вызывает у них ощущение защищённости и придает им уверенность в себе. Важным аспектом в этом плане было то, что они всё знали о самом процессе возвращения и чётко знали, из чего они смогут выбирать на родине. Например, в беседах с

несовершеннолетними мальчиками, подлежащими отправке домой на следующий день выяснилось, что им ничего не рассказали о самом процессе возвращения домой, ни с чем им придётся столкнуться в ходе этого процесса, ни о виде транспорта. Тогда исследователь, работавший с этими подростками, рассказал им, как интересно летать на настоящем самолёте (ибо их отправляли домой воздушным путём), что на самолёте им подадут еду и напитки, и что если они боятся высоты, то там на иллюминаторе есть такая маленькая специальная шторка, которую можно закрыть. Сказав им такие общеизвестные вещи, которые как бы сами собой разумеются, он вселил в этих мальчиков уверенность в себе на весь процесс возвращения.

Тот факт, что процесс возвращения домой осуществляется в присутствии сопровождающего, вызывал у многих жертв торговли людьми чувство защищённости и уверенности в себе:

«Домой меня сопровождал сотрудник полиции... Он специально приехал за мной, чтобы отвезти меня домой... Мы ехали на поезде... В его присутствии я чувствовала, то мне ничто не грозит».

Это обстоятельство было особенно важным для тех жертв, которые боялись своих торговцев, а также для тех, кто не имел опыта передвижения на транспортных средствах и поэтому нервничал.

Разочарование, стресс и крушение планов и надежд

Для некоторых жертв торговли людьми процесс возвращения был очень стрессовым, потому что они были психологически угнетены именно тем фактом, что им приходится возвращаться. Многие из них вообще не хотели возвращаться обратно в свою страну:

«Если бы мне был предоставлен выбор, то, по правде говоря, не могу сказать, что мне здесь не нравится. Но если бы у меня были документы, выданные в Западной Европе, было бы гораздо лучше. Потому что здесь, даже если работаешь, то на одну зарплату никак не проживёшь, Работаешь, работаешь, а зарплаты всё равно не хватает».

Одна из жертв, которую нелегально переправили из Юго-Восточной Европы в одну из стран Европейского Союза, очень активно сопротивлялась возвращению домой, и даже после приезда туда всё время тосковала по той жизни, которую вела на Западе, откуда её выслали. Во время данного собеседования с ней на родине она только что получила приглашение посетить эту страну вновь на короткое время в рамках какой-то программы. Она была так взволнована и

возбуждена этой перспективой, что не могла ни думать, ни говорить в чем-либо другом. Другая женщина, которая прожила в Западной Европе почти год и уже начала устраиваться там на постоянную жизнь, была страшно недовольна и разочарована необходимостью вернуться на родину:

«Это были не люди, они не позволили мне остаться за границей, хотя и знали, что мне некуда возвращаться... Хотя и мой лечащий врач сказала им, что ехать куда-либо мне противопоказано. Врач была страшно возмущена. Она сказала, что я не готова к возвращению ни психологически, ни физически, что мне необходима профессиональная медицинская помощь, и что она очень сильно опасается за моё здоровье... Она заявила это ассистенту, который занимался моим делом... Но всё было впустую, так как они оказались глухи к моим проблемам, и это было так тяжело...».

Насильственное возвращение домой затруднялось еще и по другим причинам. Те жертвы торговли людьми, которые долго оставались за границей, сомневались в том, что дома их ждёт что-либо хорошее, не были уверены, что их хорошо встретят и примут семья и общество, равно как и не надеялись наладить там себе стабильную и здоровую жизнь. Те, кого в детском возрасте вывезли за границу и которые пережили там подростковый период и стали взрослыми людьми, оказались дезориентированными, очутившись в стране своего происхождения, которая, как и её общество, оказались совершенно чуждыми для них. Для многих страна назначения, где они выросли, была гораздо ближе и понятнее, чем фактическая страна их происхождения. В стране назначения они уже наладили свою жизнь и имели доступ к помощи и поддержке.

Нервные переживания и смятение чувств по поводу транспортировки на родину

Для некоторых жертв торговли людьми, которые были полностью проинформированы о процессе возвращения, или которые ехали домой с сопровождающим, сам проезд не был слишком уж стрессовым фактором. Однако для других сам процесс переезда на транспорте из страны назначения или транзита в свою страну сопровождался сильными переживаниями. Некоторые нервничали даже когда они ехали легально и у них имелись соответствующие документы:

«Меня никто не сопровождал... Но я немного волновалась. Боялась, что полиция может снять меня с поезда. Боялась, что пограничники сочтут документ, выданный мне в посольстве, подозрительным. Мне казалось, что меня снимают с поезда и полиция пытается меня... Путь домой был долог, и

я проделала его без сна... Проводник поезда сказал, что если у меня потребуют настоящий паспорт, мне нужно всё им рассказать. Он также успокоил меня, сказав, что у пограничников нет права снимать меня с поезда. Эти его слова принесли мне настоящее облегчение».

«Я прилетела домой одна, без всякого сопровождения... Социальные работники сказали, чтобы я не нервничала насчёт перехода границы со своими временными проездными документами. И они также сказали, что пограничная полиция не имеет права задерживать меня из-за этого... Всё это они объясняли мне, видя, как я нервничаю. Я думала, что временные проездные документы – это не солидный документ, а так: – бумажка».

Для многих жертв торговли людьми процесс переезда был чем-то новым и незнакомым, что объясняет их нервозность. Многие до нелегальной переправки торговцами людьми вообще никуда не ездили ни в своей стране, ни тем более за границу. Их нелегальная переброска за рубеж осуществлялась по сговору между торговцами и будущими хозяевами прибывающих рабов, так что у этих последних весь процесс переезда оставлял путаное впечатление и только дезориентировал их. Так как многие до этого ездили нелегально или по поддельным паспортам и визам, они имели смутное представление, что такое переход границы, какие при этом задействуются транспортные процедуры, что такое транзитный пассажир и регистрация билетов, и что во время полёта самолёт иногда попадает в зону турбулентности, и его начинает болтать в воздухе и трясти:

«Они не отпустили меня одну без сопровождающего прежде всего потому, что мне предстояло лететь на самолёте в первый раз. Сопровождающий очень помог мне».

[Относительно инструктажа перед поездкой] «Они не сказали мне ничего особенного. Дали мне одежду, обувь. Дали мне триста долларов и отвезли в аэропорт. Маршрут полёта предполагал пересадку [в другой стране]. Там меня встретил соответствующий сотрудник, который посадил меня в другой самолёт. Но до конца меня он не сопровождал».

[Волнения и заботы во время возвращения] «Да, я боялась немного, так как никогда раньше не летала... Меня беспокоила процедура посадки в самолёт».

«Я немного испугалась, когда самолёт начало болтать в воздухе. Но я прибыла [на родину] на удивление быстро».

Волнение и чувство избавления

Многие жертвы торговли людьми рассказывали, что когда дело доходило до возвращения домой, они испытывали ощущение счастья и избавления – избавления от хозяина-эксплуататора, торговцев людьми, были счастливы уехать из страны, где их держали в рабстве, радовались скорой встрече с семьёй и были рады, что отправляются домой. У многих чувство избавления превалировало над всеми остальными эмоциями:

«Мне ничего не говорили ни о каких рисках... Я так радовалась, что просто не могла думать о каких-то рисках».

«Я была неопишимо счастлива. Просто не могла поверить... Вспоминала, как сидела в тюрьме, как смотрела на небо через прутья решетки и на птиц, летавших в вышине».

«Я как-то не могу точно описать свои чувства. Конечно, я была счастлива, что еду домой, счастлива выбраться из всего того, что, как я узнала, могло произойти и со мной».

«Ну, тогда я просто с большим нетерпением ждала, как приеду домой [к себе на родину]».

Несмотря на то, что многие, если не большинство, жертв торговли людьми были довольны ходом событий и радовались предстоящему возвращению домой, зачастую эти чувства омрачались такими негативными ощущениями, как страх и нервозность.

Доверие и недоверие

Для многих жертв торговли людьми основным чувством при организации возвращения домой было чувство недоверия. Некоторые боялись путешествия домой, а многие опасались, что их снова продадут торговцы людьми. Даже когда им предоставлялась полная информация, они не всегда верили ей:

«Они выдали мне всю информацию, но я не верила, пока не села в самолёт».

Одну женщину, идентифицированную в качестве жертвы торговли людьми в своей собственной стране, социальные работники должны были перевезти в автомобиле в приют для нелегальных мигрантов. Несмотря на то, что ей была предоставлена полная информация, и предоставлена на её языке, а также что перевозку осуществляли её соотечественники, она все же властям не доверяла.

С одной стороны, она рассказала, как она не упустила возможности и приняла предлагаемую помощь. С другой стороны, описывала свои страхи и общее недоверие к процессу транспортировки. В её случае возвращение домой по месту жительства было осуществлено очень быстро после идентификации, но она всё же боялась, что официальные лица из организации, предложившей помощь, не доставят её на по-настоящему безопасное место:

«Но я опять-таки сомневалась насчёт того, куда они меня отвезут. Я боялась, что они привезут меня на какую-то квартиру, и мне опять придётся заниматься всем этим снова».

И все же многие жертвы торговли людьми доверяли организациям, помогавшим им возвратиться домой, и не особенно переживали по поводу возможных рисков. Чувства доверия (или недоверия) проявлялись лишь у индивидуальных лиц.

5.3. Вопросы, возникавшие в процессе возвращения жертв торговли людьми домой, и их адресации

Процесс возвращения жертв торговли людьми домой и адресации требует принятия целого ряда мер для обеспечения их безопасного возвращения домой без ущемления их человеческого достоинства. Опыт многих жертв свидетельствует, что они столкнулись с рядом проблем как во время подготовки к возвращению домой, так и во время проезда через территорию транзитных стран и часто своей собственной; проблемы возникали и по прибытии домой.

Информация о процессе возвращения жертв торговли людьми и адресации

Получение исчерпывающей и полезной информации относительно возвращения домой и последующей за этим их адресации к соответствующим организациям имело для жертв торговли людьми большое значение. Одной молодой женщине некая организация, базирующаяся в стране её происхождения, предложила помощь в возвращении домой в то время, когда та находилась в приюте за границей. Она согласилась, хоть и с некоторой долей недоверия, так как была полностью осведомлена относительно процедуры возвращения и адресации. Эти знания придали ей силы и уверенности в себе:

«Перед отъездом я сообщила [сотруднице этой организации на родине] дату вылета, и она ждала меня в аэропорту. Тут она более подробно

рассказала мне, [какой у меня был выбор], и я всё поняла... Сотрудники приюта купили нам билеты и посадили в самолёт.»

Другие жертвы торговли людьми также не волновались относительно возвращения именно потому, что были полностью осведомлены обо всех стадиях этого процесса:

«Меня никто не сопровождал. Социальные работники привезли меня в аэропорт, где я прошла регистрацию, села в самолёт и прилетела домой... Социальные работники предупредили, чтобы я была осторожна по прибытии в аэропорт назначения [на родине] и что при возникновении опасности тут же обращалась в полицию. В аэропорту никаких проблем не было... Да, я, конечно, волновалась, но страха у меня не было».

Многие жертвы торговли людьми рассказывали, что у них не было полной информации относительно самого процесса возвращения: – как он будет организован, и что их ждёт на родине в смысле возможности получения помощи и последующего хода их дела:

[Относительно агентств по оказанию помощи жертвам торговли людьми в стране их происхождения] «Нет, я абсолютно ничего не знала ни о каких агентствах.»

«Нет, я ничего не знала относительно помощи. Они упомянули о помощи только тогда, когда возвращали меня [на родину]».

Для многих отсутствие вышеупомянутой информации превратило возвращение в процесс, исполненный стрессовых ситуаций, дезориентации и даже страха. Это имело место не только в Юго-Восточной Европе, но и в странах Европейского Союза.

Несколько несовершеннолетних подростков из стран Юго-Восточной Европы, перехваченных в пути, получили минимум информации относительно возвращения домой (включая возможности дальнейшего направления их в соответствующие учреждения), и когда с ними провели собеседование, то выяснилось, что единственное, что они знают, так это что они должны вылететь домой вечером следующего дня. Их возвращение уже один раз откладывалось без всяких объяснений со стороны сотрудников центра, где их разместили.

Также достойно удивления, что никто не нашёл времени сообщить им, как будет организовано возвращение, и что им придётся лететь домой на самолёте. Для этих мальчиков предстоящее путешествие весьма вероятно будет стрессовым и дезориентирующим.

Хотя многих жертв торговли людьми информировали, какие имеются услуги и какую помощь им можно получить у себя на родине, информация это часто была не полной:

«Я ничего не знала о наличии таких услуг. Сотрудники [организации в стране назначения] сказали мне, что такие организации имеются и [на родине]... , но не дали ни адресов, ни телефонов. Но я их не просила ни об одном, ни о другом, потому что о будущем не думала. Я молила Бога, чтобы попасть обратно [домой]».

[Относительно её возвращения] «Пришёл представитель [той организации] и забрал меня. [Сотрудница, работавшая со мной в стране назначения] сказала мне только лишь, что я поеду вместе с их с сотрудником в машине, и там мне предоставят помощь. Больше никаких подробностей она мне не сообщила».

«Да, они говорили о возвращении. Они сказали, что меня встретят в аэропорту две женщины из некой [организации], с которыми я должна поехать куда-то, где меня устроят... Они вообще-то сами не много знали. Не знали, например, что существуют дома безопасности или приюты. Они ничего об этом не знали».

Минимальным требованием для сотрудников организаций, работающих с жертвами торговли людьми, является предоставление этим людям информации относительно их прав и вариантов выбора на родине, включая адреса и телефоны контактных лиц или агентств, которые помогают жертвам при возвращении на родину (Kvinnoforum 2003: 15). Облегчение и организация последующей адресации их дел (там, где об этом просит сама жертва) должны вменяться в обязанности тем структурам, которые проводят идентификацию, будь то правоохранительные органы или агентства, оказывающие услуги. Предложения организовать прием жертвы на родине, исходящие от неправительственной организации или от организации, работающей с иммигрантами, также является важным моментом.

Имеются сведения, что организации, занимающиеся оказанием услуг жертвам торговли людьми, распространяют информацию об этом только через свою сеть, не задействуя при этом возможностей в этом плане всей страны, откуда эти жертвы родом. Отдельные такие люди часто получали информацию от той или иной организации, помогающей иммигрантам, с указанием только своих партнёров, которые встретят и помогут им, вместо полного списка таких агентств, с которыми можно связаться при возникновении трудностей или на предмет получения помощи. Более того, большинство распространяемой информации касается лишь агентств,

занимающихся оказанием помощи жертвам торговли людьми, и ничего не говорится об организациях более широкого профиля, таких как неправительственные или правительственные. Расширение сети таких агентств будет особенно полезным для жителей провинции, которые не имеют возможности ездить в столицу за получением помощи. Для данной целевой группы информация о государственных организациях и о неправительственных организациях, не обязательно связанных с борьбой против торговли людьми, будет в перспективе весьма полезна. Очень важно также, чтобы жертвы торговли людьми знали телефоны полиции и других властных структур на тот случай, если они опять столкнутся с торговцами людьми по возвращении домой. В ходе собеседований с жертвами стало ясно, что они нуждаются в психологической подготовке к возвращению домой в свою семью/общество с целью разобраться с теми проблемами, с которыми они по всей вероятности могут там столкнуться. Предоставление нужной информации в этом плане является жизненно необходимой мерой. Вот что рассказала одна из жертв о своих переживаниях накануне возвращения домой:

«Нет, никакой заботы о нас не проявлялось. Они просто потребовали наши документы, переписали наши имена и фамилии и сказали, что направляют нас [в одно место], потом отделили мужчин от женщин и всё. Три раза в день нам давали какую-то еду, но всё было холодным. Но кто тогда думал о еде? Я переживала о том, что буду делать дома, и куда мне идти. В семью я вернуться не могла, так как уехала от них, не сказав никому ни слова».

Следует отметить, что в некоторых случаях жертвы торговли людьми получали нужную информацию, но их стрессовое состояние не давало им возможности до конца понять, что им говорили относительно возвращения, какие варианты выбора имелись в их стране, и какие имелись возможности получения там помощи:

«Мне сказали, чтобы я не волновалась, подробно объяснили, как вести себя в аэропорту, и что в случае опасности я могу обратиться в полицию. Я не боялась натолкнуться на торговцев людьми в аэропорту. Не знала, как меня встретит муж... Мне сказали, что меня встретит социальный работник, и что эта организация предложит мне дальнейшую помощь. Они говорили, что это будет за помощь, но, по правде говоря, я не очень их слушала, так как волновалась и переживала. Молила Бога, чтобы попасть домой».

Из вышесказанного следует, что все эти материалы следует распространять также в письменном виде на родном языке жертв и в вариантах, понятных для разных возрастных групп, на которые эти люди могут ссылаться до и после возвращения домой.

В добавление к этому необходимо заметить, что информация должна быть точной и не содержать обещаний, которые окажутся невыполнимыми на родине жертв. Например, необходимо сообщать точное количество дней, которые потребуются для прохождения документов, чтобы жертвы не думали, что им солгали, и психологически более спокойно подготовились бы к возвращению на родину. В беседах с жертвами выявлялись факты, когда организации, базирующиеся на родине этих жертв и предлагающие там свои услуги, давали ложные обещания с целью успокоить жертв и убедить их вернуться домой. Однако, когда эти обещания оказывались на родине пустым звуком, это приводило к большим проблемам и подрывало доверие к обещаниям и посулам всякого рода (ср. Brunovskis and Surtees 2007).

Транспортировка жертв торговли людьми при возвращении на родину напоминает им то, что пришлось пережить, когда торговцы людьми нелегально переправляли их за границу

Некоторые жертвы торговли людьми рассказывали, что стадия проезда до границы своей страны напоминала им то, что пришлось пережить, когда торговцы нелегально переправляли их за границу. Как и при вербовке и нелегальном выезде, официальный процесс возвращения тоже включал в себя переезды с места на место, обещания помощи и хорошей жизни. В результате многие жертвы жаловались на стрессовое состояние во время проезда на родину, хотя предварительно получили полную информацию обо всём процессе.

Одна женщина, нелегально переправленная в Европейский Союз и впоследствии возвращенная на родину и получившая там помощь как жертва торговли людьми, сказала, что полностью доверяла помогшей ей организации. Тем не менее, она чувствовала определённые подозрения на различных стадиях этого процесса вплоть до его завершения на родине:

«Когда я приехала в другой аэропорт, меня там ждал некий человек с плакатиком (с моей фамилией), который спросил меня, не та ли я женщина, которая должна отправиться с ним в [столичный] центр. Я сказала «Да». И только после этого я успокоилась. Он сказал мне, где я должна сделать пересадку с одного самолёта на другой, потому что прямого рейса (до моего места назначения) не было, и только тут я почувствовала, что меня не обманывают, и всё идёт по-честному».

Подобным же образом, еще одна женщина, которую сопровождали в центр помощи жертвам торговли людьми, рассказывала, что всё это происходило (настолько грубо), что ей показалось, что она опять в руках торговцев людьми.

Она приняла предложенную помощь и была полностью информирована о том, что с ней должно произойти по прибытии в центр. Несмотря на это, она чувствовала, что происходит что-то не то:

«Я не была уверена, что они отвезут меня по месту назначения. Боялась, что завезут на какую-нибудь квартиру, и мне придётся снова делать то же самое. Перед моим умственным взором вставали эти сцены, и сердце у меня забилось от страха. Они сказали, что я могу спать в машине, если хочу. У меня разболелась голова, и они дали мне одну таблетку. Тогда мне начало казаться, что они дали мне снотворного, чтобы делать со мной что угодно... Я хотела бежать от них по дороге [в столицу]. Мы остановились на бензоколонке (для заправки машины). Хотя у меня были сигареты, я спросила, можно ли мне выйти и купить сигареты. Они разрешили. Я вышла и стала осторожно оглядываться, куда мне бежать. Но потом передумала, потому что меня с ними отправила полиция. Да и куда же мне было бы идти, если бы я сбежала?»

Еще одна жертва, которую торговцы людьми незаконно переправили за границу, страшно перепугалась, когда её перевозили из полицейского участка в приют, где она должна была получить помощь. Она подумала, что её хотят вернуть хозяину на прежнее место:

«Я очень боялась [в полицейском участке], сидела там тихо и молилась про себя. Спустя две недели полицейский сказал, что меня переводят в другое место. Я замерла от страха, что они вернут меня хозяину. Потом приехал социальный работник и сказал, что меня перевезут в специализированный приют для жертв торговли людьми».

Подобные же наблюдения были сделаны и в других исследованиях, что в некоторых случаях проливает свет на причины, по которым жертвы торговли людьми отказываются от предлагаемой помощи. То есть:

Как правило, потенциальных жертв торговли людьми, которых собираются использовать как секс рабынь, соблазняют ложными обещаниями, чтобы они согласились выехать за рубеж. Процесс переезда сам по себе уже может вызвать у девушек подозрения. Одна из них рассказывала, что полицейские перевозили её с одного участка на другой. На вопрос, как она себя при этом чувствовала, она ответила, что опасалась, что её могут продать кому-нибудь. «Потом они привезли меня в участок [в соседнем городе], и тогда моё недоверие к ним окрепло еще больше. Кто знает, куда они везут меня? И только когда я увидела вывеску полицейского участка,

страх немного меня отпустил. Они сказали, что отправят меня в участок, где мне дадут еды и воды и где я смогу расслабиться: они, дескать, найдут (моих похитителей) (Brunovskis and Surtees 2007).

Жертвы торговли людьми при возвращении не должны быть легко узнаваемы как таковые

Важно обеспечить, чтобы по внешнему виду жертв торговли людьми нельзя было бы отличить от обычных граждан в ходе процесса возвращения на родину. Уведомление соответствующих должностных лиц на родине, что к ним везут их соотечественников из-за границы как нелегальных иммигрантов или жертв торговли людьми, может вызвать отрицательное к ним отношение как к преступникам. О статусе этих людей как жертв торговли людьми власти страны их временного пребывания не должны сообщать своим коллегам на их родине без согласия на то самих жертв, особенно, когда имеются основания подозревать наличие коррупции. Несоблюдение этого условия может сильно травмировать этих людей и испортить им дальнейшую жизнь.

В ходе собеседований жертвы торговли людьми рассказывали, что в процессе возвращения имеются травмирующие элементы. Особенно это касалось дальнейшей адресации.

«Когда мы проходили полицейский контроль при пресечении границы, нас спрашивали: «Вы что, девицы из-за границы? С кем вы бежали туда?» Одна из девушек сказала, что это не их дело, а потом пришёл [наш директор], и они замолчали и ничего больше не спрашивали».

Что касается узнаваемости жертв торговли людьми по внешнему виду в процессе их возвращения на родину, то здесь наиболее явным признаком их положения являются сумки и пакеты с символикой МОМ (Международной организации по миграции), которыми их наделяют при отправке домой с тем, чтобы сотрудники МОМ могли их опознать в пути и на родине. Но при этом нельзя забывать, что по этим же сумкам их могут опознать и торговцы людьми (Kvinna til Kvinna & Kvinnoforum 2003: 16). В 2004 году МОМ изменила свою политику и запретила использование этих сумок, так как это действительно вызывало проблемы³¹. Однако жертвы торговли людьми сообщают, что некоторые неправительственные организации продолжают использовать такой механизм опознания жертв торговли людьми после возвращения домой, а именно, дарят им футболки и прочее

³¹ Переписка по электронной почте с Ричардом Данцигером, начальником службы по борьбе с торговлей людьми, МОМ, январь 2007 года.

со своей символикой. Так как общеизвестно, что многие НПО занимаются борьбой с торговлей людьми, такая практика потенциально делает этих людей легко узнаваемыми.

Имеются и другие признаки, по которым жертв торговли людьми можно узнать в процессе возвращения на родину: это различные отметки в их проездных документах. Для того, чтобы подвергнуться депортации из некоторых стран (и получить в паспорт соответствующий штамп), человек должен официально быть признан в качестве жертвы торговли людьми. Женщины, депортируемые из Италии в Нигерию, *a priori* считаются проститутками или жертвами торговли людьми и по прибытии в Нигерию подвергаются задержанию и принудительной проверке на ВИЧ-инфекцию, а их имена, фамилии и прочие личные данные вносятся в компьютер, чтобы они больше никогда не смогли выехать за границу (Pearson 2002: 60-61). В ходе исследования выяснилось, что жертвы зачастую знали, как важно для них не допустить, чтобы власти поставили такой штамп в их проездных документах:

«Я дала взятку пограничнику, который хотел шлёпнуть мне в документы штамп «ДЕПОРТИРОВАНА». Вытащила из кармана пятьдесят долларов, сказала “No deport”, и он мне этот штамп не поставил. Мой бывший хозяин предупреждал меня, что если меня депортируют, я никогда больше не смогу выехать из [своей страны] за границу. А я тогда всё ещё надеялась выехать в будущем в какую-нибудь нормальную страну и найти там нормальную работу».

Жертв торговли людьми также можно узнать по тому, как они одеты во время поездки домой. Когда женщины или девушки, которых эксплуатировали в качестве секс-рабынь, возвращались в своей «рабочей спецодежде», это немедленно бросалось в глаза каждому и при пересечении границы, и транспортному персоналу, и всем окружающим. Такой внешний вид может наложить несмываемое пятно на этих женщин и помешать им вновь найти своё место в обществе. Это особенно трудно, так как во многих странах имеется традиционное и стойкое неприязненное отношение к проституткам. Например, в Молдове тем, кого считают проститутками (или жертвами торговли людьми), вымазывают ворота дёгтем. Эта традиция тесно связана с отношением к проституткам как к «грязным женщинам», и многие возвращенки из-за границы подвергаются такому виду остракизма (Brunovskis and Surtees 2007). Поэтому возвращение женщин домой в «рабочей спецодежде» может вызвать именно такую реакцию сообщества.

В некоторых случаях этих людей опознают как жертв торговли людьми (или преступниц/ преступников), когда они идут в сопровождении полицейских (в форме). Многие жертвы считают, что такой эскорт компрометирует их, и что лучше,

если бы их сопровождали сотрудники полиции в штатском, как это имело место во время поездки домой:

«К самолёту меня эскортировали двое полицейских. Мы ехали в машине, и там был еще один мужик. Мне всё это не нравилось, потому что полицейские в форме вели меня через весь аэропорт, и все смотрели на меня как на преступницу. Я смотрела в пол. Мне было так противно, будто я кого-то убила».

Рассмотрение вопроса о том, как закамуфлировать процесс возвращения жертв торговли людьми может явиться первым шагом в деле реинтеграции этих людей в семью и общество. Кроме того, важно рассмотреть менее бросающийся в глаза, но тем не менее значительный аспект такой «идентификации». Возьмем, например, такой верный признак, выдающий возвращенку/возвращенца: они ничего не привозят из-за границы своей семье и близким. В этом плане было бы желательно купить несколько мелких подарков для членов семьи возвращающихся жертв торговли людьми. Это может хотя бы частично и на некоторое время смягчить неприятный осадок, который может остаться у родственников после возвращения их горе-путешественника из-за границы с пустыми руками.

Важность возвращения с сопровождающим

Многие жертвы торговли людьми считают, что возвращение домой в сопровождении официального лица придаёт им важность, особенно в тех случаях, когда они до этого не имели опыта дальних поездок и пересечения государственной границы. Присутствие такого сопровождающего укрепляло в них чувство защищенности в ходе этого процесса, который для некоторых может стать стрессовым и сбивающим с толку. В некоторых случаях такие сопровождающие назначались на какую-то часть пути, а иногда и на весь путь:

«Меня сопровождали [монахиня, которая узнала во мне жертву торговли людьми] и кто-то ещё. Мы ехали автобусом. В дороге [монахиня] рассказала, чем я смогу заняться в приюте, пройти какие-то курсы или школьные программы, а потом, может быть, найду работу».

«Полицейский сопровождал меня [на родину]. . . Не знаю, как бы я пересекла все эти границы, если бы он не помогал мне. Он объяснял пограничникам, что я жертва торговли людьми, и проблем на границах у нас нигде не было».

«Из [страны назначения] в аэропорт [находившийся в соседней стране] я ехала одна в сопровождении шофёра. Он был очень вежлив со мной и всё

время подбадривал меня, чтобы я не боялась. Он купил мне билет и ждал, пока я не сяду в самолет».

Даже при наличии сопровождающего жертвы торговли людьми иногда сталкивались с проблемами, что действовало на них очень угнетающе. Это имело место в тех случаях, когда им не оказывали поддержки ни в пути, ни на родине. Одна из таких жертв, возвращаясь из Европейского Союза в одну из стран Юго-Восточной Европы, должна была сделать пересадку в еще одном (промежуточном) аэропорту. Так как она летела без сопровождения, её должны были встретить в этой транзитной стране и оказать помощь».

«Меня никто не сопровождал. [В транзитной стране] меня никто не встретил, хотя я знала, что там будет ждать представитель организации, занимавшейся моими делами. Я впала в панику и не знала, куда идти... Я купила телефонную карточку и позвонила в филиал этой организации [у меня на родине]. Они успокоили меня и объяснили, как пройти регистрацию билета. Мне повезло, потому что одна из девочек там оказалась моей соотечественницей и объяснила мне, куда идти».

Хотя большая часть жертв торговли людьми, с которыми проводились собеседования, возвратились домой с сопровождающим лицом, всё же многим пришлось ехать самим. Они вернулись в одиночестве, самостоятельно и без помощи, что таит в себе большой риск и делает их крайне уязвимыми. Следует подчеркнуть, что таких примеров подавляющее большинство. Сам процесс путешествия из-за границы домой подразумевает покупку билетов, оформление различных проездных документов и контакты с официальными лицами: всё это может вызвать сильный стресс. Даже в тех случаях, когда у жертв торговли людьми были действительные законные документы, у них всё же возникали проблемы. Одна из таких жертв ехала домой на поезде и без сопровождающего. К ней так пристали какие-то мужчины на вокзале, что пришлось обратиться в полицию:

«Мне не понравилась одна вещь. [Директор] купил мне билет и оставил одну на вокзале. Потом какие-то мужики пристали ко мне и начали заставлять идти с ними в гостиницу. Я испугалась и начала кричать. Подошли полицейские и пригласили на беседу. Там я в первый раз дала некоторые показания... [Директор] сказал мне, чтобы я никого не боялась, и если что-нибудь случится, то сразу идти в полицию... Да, я опасалась возвращения. Боялась, что на меня выйдут те, кто занимается эксплуатацией девушек поездам».

В тех случаях, когда жертвам торговли людьми приходилось решать проблемы, связанные со своим статусом нелегального пребывания за границей, нелегальным

въездом/выездом в страну и из страны, или проездом в качестве несовершеннолетнего – всё это усиливало нервное напряжение и риск. Одна несовершеннолетняя девушка-жертва торговли людьми была отправлена социальными работниками без сопровождения через границу в соседнюю страну и очень нервничала при этом: «Я боялась уезжать одной, боялась границы, если там не окажется моего дяди. Это было для меня самое страшное». Другая жертва рассказала: «Да, я боялась, что меня снимут с поезда. Мне не объяснили, как отвечать на вопросы пограничников. Денег на еще один билет у меня не было».

И действительно некоторые жертвы торговли людьми сталкивались с такими проблемами. Дело в том, что некоторые из них ехали домой без сопровождения и их принимали за преступников и подвергали наказаниям:

«Я ехала одна, без помощи. При пересечении границы моей родины у меня была только справка, выданная зарубежной полицией, что у меня нет документов... На границе меня с ребёнком сняли с поезда. Нас держали в помещении таможни, где и допросили. Я начала плакать и рассказала им всё, через что мне пришлось пройти... умоляла их отпустить меня домой... Меня долго там держали, пока в помещение случайно не зашёл главный таможенник. Он приказал им отпустить меня, и я ушла. [Они обращались со мной] плохо. Некоторые насмеялись надо мной, издевались, ругали мою национальность. Я [принадлежу к национальному меньшинству]. Таможенники говорили мне: «Хватит рассказывать нам тут сказки. Оставайся здесь с нами на таможне, здесь же и заработаешь!»

«У регистрационной стойки аэропорта я сделала заявление... [После полиция] взялась за меня. За всё то, что мне пришлось пережить, они оштрафовали меня [на 300 евро] и конфисковали мой паспорт на один год».

Другие жертвы торговли людьми, которые попытались перейти международные границы, были арестованы и задержаны. Один мужчина рассказал, как после побега от хозяина его арестовали при попытке нелегально пересечь границу своей страны и вернуться домой. Его посадили на три месяца за попытку нелегального перехода границы. Несмотря на то, что он рассказывал свою историю многим представителям правоохранительных органов и государственных структур, ему не было сделано ни малейшего снисхождения. Однако некоторым всё же удавалось переходить границы, несмотря на отсутствие документов: их пропускали, выслушав историю пребывания в рабстве. Их пропускали через границу, но помощи никакой не оказывали. «Только какой-то [сердобольный незнакомец] поговорил с таможенниками и объяснил им, что со мной произошло. Таможенники пропустили меня через границу без паспорта. Этот незнакомец дал мне [немного денег], и я смог добраться [до столицы] на автобусе».

Возвращение жертв торговли людьми домой без помощи чревато опасностью. Многие из них рассказывали, что испугавшись своих торговцев людьми, решили тут же вернуться обратно домой. Возникла опасность, что торговцы людьми решат отомстить, поймают их и уже насильно продадут в рабство. Одной женщине, нелегально вывезенной торговцами в одну из стран Европейского Союза с целью эксплуатировать её там в качестве проститутки, помог избавиться от рабства некий её клиент:

«Итак, одним вечером я сбежала от хозяина к клиенту и провела одну неделю у него на квартире. [Торговцы людьми] узнали, что я живу с ним, но у меня нет паспорта. Однако я обратилась в наше посольство, получила проездные документы и вернулась домой на автобусе... Тот клиент заплатил за меня. Когда я бежала от хозяина, денег у меня не было. Клиент дал мне денег и купил мне одежду. В полицию обращаться я боялась, так как думала, что они причинят мне вред тем или иным способом. Если им станет известно, что я вернулась домой, они ухитрятся вывезти меня обратно и отомстить мне».

Некоторые виды возвращения жертв торговли людьми, а именно депортация, могут сделать их ещё более уязвимыми:

«Они натолкали нас, как животных, в полицейский фургон и привезли в участок».

«Никто нам [как жертвам торговли людьми] никакой помощи не оказывал. Это был не приют, а лагерь беженцев. Отсюда людей в сопровождении полиции отправляли в аэропорт, сажали в самолет и всё. Мои документы, мой паспорт они вручили пилотам, а мне сказали, что я получу свои бумаги [в аэропорту]».

Организации, помогающие жертвам торговли людьми, равно как и сами жертвы рассказывали о случаях депортации последних³². Имеется и такая сторона вопроса возвращения жертв торговли людьми домой – путём депортации или самостоятельно: они зачастую не знают о существовании организаций, оказывающих помощь людям в их положении, а если и знают, то не имеют к ним доступа. В странах Юго-Восточной Европы часто бывает так, что жертвы, вернувшись домой

³² Например, экстрадиции подверглось большое число болгарских женщин; в 2003 году из стран Европейского Союза было депортировано 2978 болгарок, а в 2004 году – 2908 болгарок, из которых жертвы торговли людьми несомненно составляли определённый процент. Пограничная полиция считает, что до десяти процентов депортированных женщин являются жертвами торговли людьми, но они не были идентифицированы в этом качестве до высылки из Европейского Союза (Surtees 2005: 167).

самостоятельно, только через некоторое время узнают, что, оказывается, есть такие организации и получают полагающуюся им помощь.

Создание и налаживание надёжно защищенного процесса возвращения жертв торговли людьми на родину требует пристального внимания к нуждам индивидуальных лиц, каждой отдельной жертвы с учётом её психологического состояния и способности перенести трудности пути. В случае несовершеннолетних жертв, их необходимо возвращать домой, оказав им помощь, и обязательно в сопровождении официального лица.

Допросы и дурное обращение

Для многих жертв торговли людьми переход границы при возвращении домой был самым тяжким испытанием. Некоторых из них задерживали и допрашивали на пограничных пунктах – очень тяжелое для них переживание. Следует заметить, что такие «собеседования-допросы» имели место даже тогда, когда эти возвращенцы уже прошли идентификацию как жертвы торговли людьми и направлялись домой официально с действительными проездными документами:

«Когда я приехала [домой], меня задержала полиция. Они начали задавать вопросы, заставили меня написать обо всём, что было со мной. Потом отвезли меня на военную базу и снова заставили всё это написать. Это продолжалось полдня. Мне предложили что-то поесть, но я ничего не хотела. Позвонила своему брату-военному и попросила приехать. Он приехал и забрал меня от них».

«Я не знала, что [в аэропорту] нужно проходить полицейский контроль. У женщин в самолёте я попросила свой паспорт, а они сказали, что все паспорта у полицейского. Я спросила насчёт своего паспорта у полицейского, стоявшего у трапа. Он спросил мою фамилию. Я ему сказала. Он велел мне идти с ним, так как надо заполнить какие-то дополнительные документа насчёт меня. Я пошла за ним, а он отправил меня в местный комиссариат полиции. Там меня начали спрашивать, «что с тобой случилось?» и миллион разных прочих вопросов, типа «Кто послал тебя [за границу?], «Чем ты там занималась?» Я не знала, что отвечать. Да и почему я должна была что-то отвечать? Что же, я должна была рассказывать им, что произошло со мной десять лет тому назад?... [Он] орал на меня: «Кто заслал тебя за границу?» «Чем ты там занималась?» «Что тебе надо было на границе, где тебя поймали?»

«Я вышла из самолёта, и этот полицейский... Он повёл меня другим путём, чем тот, которым шли все остальные пассажиры. Я гадала, куда он меня

ведёт. Полицейский передал мои документы какому-то другому человеку. Я была очень испугана. Потом... к нам подошёл другой полицейский. Он забрал мои документы и сказал мне: «Идём со мной!» Я спросила: «Куда вы меня ведёте?» Я сказала, что ничего такого не делала. «Это ошибка. Я ничего не сделала! Я не знаю, что вы обо мне думаете, но я действительно ничего не сделала». Он сказал: «Я знаю, как ты не хотела делать это! Так же, как и все остальные! Я знаю, где ты была и чего ты хотела!» У меня лицо распухло от слёз. Я не знала, что еще сказать ему. Как заставить его поверить мне? Как объяснить, что произошло? А он всё вёл меня вперёд, бормоча на ходу: «Вот увидишь!» Он подвёл меня к какому-то окошку. Меня стали о чём-то спрашивать и просить. Я подписала».

Другая жертва торговли людьми рассказала, как её задержала полиция на три дня, в течение которых её допрашивали о том, как торговцы людьми переправляли её за границу:

«Нас забрала полиция. Допрашивали. Не только меня, но и других девочек, вместе с которыми я была в самолете. Когда очередь дошла до меня, они спросили, как я прибыла [в страну назначения]. Я сказала, что на корабле. Они спросили, с кем. На этот вопрос я отвечать не хотела, о чём им и заявила. Я подумала, что если я дам им эту информацию, то жизнь многих окажется в опасности. Я сказала, что отказываюсь отвечать на этот вопрос и хочу вернуться домой, в семью. Так все они наседали на меня часа два, требуя, чтобы я назвала им имя того, кто переправил меня [в страну назначения]. Я же упорно отвечала: «Этого я вам не скажу!» Потом они позвонили в полицию моего города и попросили передать моим родителям, чтобы приехали и забрали меня. Отец приехал через три дня... Все эти дни полицейские окружали меня и донимали допросами. Единственное, чего они добивались, это узнать имя того парня. На меня им было наплевать, так как в их задачу входило заставлять девушек выдавать людей. А что произойдёт с этими девушками потом, им было до лампочки. Но я-то знала, как это бывает. Прежде всего, я беспокоилась о безопасности моих родителей, нежели о своей собственной».

Очень часто таких осложнений удавалось избегать, если возвращенцев на месте назначения встречали социальные работники или представители приюта:

«Я помню, что перед полицейской будкой стояла и ждала нас [директриса неправительственной организации]. А я сказала, что это вряд ли она. А она и спрашивает, не те ли мы девочки, которые возвращаются домой [из страны назначения]. А на полицейском контроле, когда мы перешли

границу, нас начали спрашивать: «Это вы нелегалки из-за границы? Кто вас туда переправил?» Одна из девочек сказала, что это не их дело, но тут пришла [директриса], и больше вопросов они нам не задавали».

Подобным же образом, еще одна жертва торговли людьми рассказала, как вмешательство встречавших её представителей приюта не только помогло ей избежать неприятностей с властями при переходе границы, но и переменяло отношение к ней со стороны официальных лиц:

«Потом подошла моя очередь, и я дала чиновнику свои проездные документы. Он сначала мельком взглянул на меня, а потом спросил, где мой паспорт и почему я была в [в странах Европейского Союза]. Я ответила, что там же его и потеряла. Он вернул мне проездные документы и, с подозрением глядя на меня, начал спрашивать, почему я там оказалась и т.д., будто хотел сказать: «Хватит рассказывать тут сказки!» Я сказала, что мне не о чем с ним разговаривать, что пусть он лучше спустится вниз и найдёт там двух девушек, у которых сумки с символикой [неправительственной организации, работавшей с нами]. Они ждут меня там. Тут он сказал: «Сначала ты поговоришь со мной, а потом тобой займутся психиатры: вон они, уже поджидают тебя там!». У меня потекли слёзы, перешедшие в истерику... Тем временем та женщина [из приюта] и сказала, кто она и где работает, сказала, что ездила в мою [страну назначения, где я жила и работала], что там было организовано моё возвращение домой, и что я и приехала. Тогда он понял, чем меня заставляли там заниматься, и сказал, что со мной нужно обязательно провести собеседование, но без всякого давления, что мне не нужно называть никаких имён, а просто объяснить им, почему у меня нет паспорта, и как я прожила в Европе столько месяцев и без паспорта. Тогда я им всё про себя рассказала».

Задержки с возвращением домой иностранных жертв торговли людьми

Для многих жертв период перед возвращением домой был слишком долгосрочным. В некоторых странах эти люди были вынуждены ждать, пока не оформят их документы, организуют их переезд, возьмут у них заявления и выполнят прочие длительные процедуры. Для многих это бесконечное ожидание было очень угнетающим:

«Ожидание просто убивало меня. Я всё ждала и ждала. Но они говорили: «Ну что ж, это бывает. Ждите. Вот дней через двадцать будет так-то и так-то».

«Меня это томило. Уж слишком долгим было ожидание.»

Многих жертв торговли людьми держали в закрытом помещении приюта – ни прогулок, ничего. Всё это усугубляло у них состояние стресса.

«Как хорошо было бы выйти хотя бы не надолго. Когда сидишь взаперти и два с половиной месяца, поневоле сойдёшь с ума!»

Некоторым жертвам казалось, что задержка с отправкой их домой была вызвана только проволочками с оформлением документов, а этот процесс можно было ускорить при содействии официальных лиц, как за границей, так и на родине.

«Я находилась в этом приюте около четырёх месяцев. Мне говорили, что прокурор сказал, что я уеду через месяц. Ну что ж, подумала я, если так, то этот месяц пролетит быстро. Думала, что уеду первая, так как я родом из деревни. Но всё вышло не так... Девушки-иностранки совершенно озверели, начали всё крушить. Та женщина из приюта, у нее, скорее всего, были связи с полицией, и она что-то такое сделала, что их отправили скорее».

«Когда я почувствовала, что у меня совсем едет крыша, я сказала этим женщинам: «Давайте, девочки, посмотрите, что там происходит с вашими проездными документами!»

И, как объясняла одна из жертв, «мы понятия не имели, чем вызваны эти задержки; нам ничего не говорили об этом ни сотрудники приюта, ни полиция»:

«Нет, совершенно [неясно было, почему меня держат так долго]. Я спросила раз. Я спрашивала ещё несколько раз. Отвечали, что задерживается оформление проездных документов, которые ещё не готовы. Я сказала, что это чепуха: никакие документы не могут требовать трёх месяцев на оформление. За три месяца можно оформить десять комплектов таких проездных документов!»

В других случаях задержка документов вызывалась необходимостью проведения каких-то юридических процедур, хотя как и почему это делается, было не всегда ясно. Одной женщине пришлось провести в приюте почти пять месяцев, и ни сотрудники приюта, ни она сама не могли объяснить причину такой длительной задержки. А в другом случае жертву с маленьким ребёнком держали в закрытом приюте два с половиной года, пока оформлялись опекунские документы на ребёнка и выполнялись прочие юридические процедуры. Здесь также наблюдается несоответствие срока задержки с временем, необходимым для оформления таких документов.

В некоторых случаях возвращение жертв торговли людьми задерживалось из-за бюрократических проволочек. Некий мужчина, задержанный и посаженный в тюрьму за нелегальный переход границы, столкнулся с многими трудностями после

освобождения из заключения. Его случай прекрасно иллюстрирует роль бюрократических процедур, которые затягивают возвращение, а то и вовсе его предотвращают:

«Нет, я ничего не знал [о получении новых документов]. Они сказали, что единственный способ найти мой паспорт – это разыскать тех, кто нас эксплуатировал...Прежде, чем выпустить нас из тюрьмы, они еще раз побывали там, где нас эксплуатировали, но никого там не нашли. Потом нас выпустили из тюрьмы. По закону, государство должно было выдать нам определённую сумму денег с тем, чтобы мы смогли возвратиться на родину. Нам дали на руки бумагу, с которой мы должны были обратиться в банк, который выдаст нам наличные. Однако, в банке нам отказали, так как у нас не было документов. Мы вернулись в тюрьму, но её начальник сказал, что помочь нам не может. Сказал, что нам нужно теперь заботиться о себе самим. Когда мы оказались на границе, пограничники сказали, что позвонят таможенникам по другую её сторону, чтобы те пропустили нас без документов, удостоверяющих нашу личность, но на основании справки об освобождении из тюрьмы. Нам пришлось прождать два часа, прежде чем с той стороны пришёл ответ, что они нас не пропустят без необходимых документов».

Когда его спросили, не было ли у него мысли обратиться в посольство, он сказал: «Нет. Мы даже не подозревали, что с нами может случиться такое. Если бы я знал, я бы обязательно съездил [столицу], что бы получить документы. Но мы не знали. И никто нам ничего не сказал». В конце концов, он еще раз попытался перейти границу нелегально:

«Мы подошли к другому контрольно-пропускному пункту через границу, туда, где её переезжали автобусы и грузовики. Отошли километров на четырнадцать от таможни, а ночью потихоньку перешли на ту сторону. Переплыли канал... Вода была довольно холодная, но мы доплыли до другого берега... Я боялся, но что же нам еще оставалось делать?»

Задержка возвращения жертв торговли людьми домой вызывает у них неоправданные переживания и стресс, что заслуживает пристального внимания. Вы выше рассмотренном случае задержка заставила этого человека подвергнуться серьёзному риску и возможным осложнениям в юридическом плане.

Оценка степени риска и соображения безопасности

Жертвы торговли людьми могут оказаться мишенью для преследования со стороны торговцев людьми с целью мести или возвращения их хозяевам. Известны случаи,

когда в некоторых странах торговцы людьми перехватывали своих бывших жертв в пути – на пограничных пунктах при депортации или по возвращении домой. Само возвращение также может оказаться чреватым опасностью, когда членам семьи и друзьям уехавшего или уехавшей за границу поступают угрозы, когда торговец людьми является членом того же сообщества, где проживала жертва, и/или когда он знает о местонахождении жертвы за рубежом. В этих случаях жертва подвергается остракизму, и правительство, даже при желании, не может ей помочь и т.д. (OSCE/ODIHR 2004: 81). В некоторых случаях это означает, что жертва не может вернуться домой. В других – что жертве для возвращения потребуется сопровождающее лицо и принятие соответствующих мер безопасности дома. Многие жертвы торговли людьми были озабочены тем, что в процессе возвращения их могут перехватить торговцы людьми и либо снова продать их в рабство, либо висеть над ними вечной угрозой дома. Одна жертва рассказывала: «Что я могу сказать? Я была в ужасе, не хотела возвращаться домой, потому что знала, что те, от кого я бежала, найдут меня и перережут горло».

В ходе большинства собеседований выяснялось, что жертвы торговли людьми возвращались домой благополучно. Однако многие сталкивались с проблемами, как в пути, так и по прибытии домой:

«Я очень опасался, что [в столице] меня легко могут поймать на вокзале. Чтобы не рисковать встретиться там с торговцами людьми, я сошёл с поезда на двадцать километров раньше. Денег у меня не было. Я долго шёл, а потом сел на троллейбус. Я был весь грязный с головы до ног, и все уставились на меня. Мне было стыдно... [Когда я приехал домой], торговцы людьми меня уже там ждали. Они орала на меня и на маму. Я ничего не мог сказать. Они пригрозили, что убьют меня, если я не вернусь обратно к хозяину».

Многие жертвы торговли людьми рассказывали, что за границей их подготавливали к столкновению с различными проблемами в пути и учили, как с ними бороться. Отсюда следует, что имела место (хотя и не всегда и часто неформально) какая-то оценка возможных рисков, и жертв готовили к борьбе с ними. Как рассказывала одна из жертв, «мне сказали, что волноваться нечего. Чётко объяснили, как вести себя в аэропорту и сказали, что при возникновении опасности нужно обратиться в полицию».

Со слов самих жертв, такие оценки возможного риска проводились для очень немногих из них, даже в тех случаях, когда впоследствии выяснялось, что риск, оказывается, был очень велик. Одной из причин систематического непроведения такой оценки был недостаточный обмен информацией между различными организациями, работающими с нелегальными иммигрантами, как в странах назначения, так и странах происхождения. Кроме того, большую роль в этом

сыграло отсутствие протоколов и стандартизированных систем проведения такой работы, а там, где они были, они редко выполнялись. Оценка риска возвращения нелегальных эмигрантов домой приобретает особо важное значение, когда их могут снова вернуть в рабство, или когда они возвращались в свою семью, члены которой были не только в курсе их нелегального вывоза за границу, но и сами являлись сообщниками торговцев людьми. Одна такая несовершеннолетняя девушка была возвращена домой, несмотря на то, что за границу её нелегально вывезла её же собственная мать после того, как над девочкой надругался отчим. Об этом знали представители властных структур и социальные работники из неправительственных организаций, но девушку всё же вернули, и никто не вмешался:

«Я хотела подольше остаться [в приюте], но мама не разрешала... Я бы осталась там надолго после того, что [мама] со мной сделала... Я никогда бы не вернулась домой. Отчим все время насиловал меня. Я бы не вернулась домой никогда».

Однако оценка риска возвращения имеет значение не только в отношении малолетних. Один мужчина, нелегально переправленный торговцами людьми в Европейский Союз, смог сбежать от хозяина и пошёл прямо в полицию. Он назвал своих торговцев людьми, после чего был возвращён домой. Это было сделано быстро и без обеспечения безопасности его нахождения там. Следует отметить, что этого мужчину после возвращения преследовали торговцы, и преследовали настолько активно, что он вынужден был прятаться от них, меняя место жительства.

Имеются случаи, когда жертв торговли людьми нельзя возвращать домой – это когда им там лично угрожает опасность, или когда они там подвергнутся гонениям или дискриминации. При беседе с ними некоторые жертвы рассказали, так дома их ждали неприятности и прямая опасность. Тот факт, что некоторые такие люди сейчас находятся под защитой государства в своей собственной стране, а другие, ждут разрешения переселиться за рубеж, подчеркивает важность проведения тщательно оценки риска возвращения домой и варианта переселения за границу.

Приём на родине

У многих жертв торговли людьми приём на родине вызывал не всегда положительные эмоции, хотя в каждом конкретном случае ситуации были разные. Некоторые переживали, что работавшие с ними агентства не организовали им приёма и не оказали помощи, так что им самим пришлось иметь дело с властями. В других случаях они испытывали стресс именно от того, как их встретили агентства и институты, занимающиеся проблемами борьбы с торговлей людьми. Одна несовершеннолетняя девушка рассказала, как полиция передала её работавшей с ней неправительственной организации:

«Тот полицейский в окошке сказал: «Всё будет окей, ты просто подпишись вот тут». Я подписалась. «Куда я поеду?» Он сказал: «Я передам тебя им». «Кому это «им?», спросила я. Потом появились четверо парней в черных рубашках... На рубашках была символика [работавшей со мной международной организации], но я её не разглядела. В тот момент я вообще ничего не видела... Двое встали впереди меня, двое – сзади, а я оказалась посередине между ними... Они держали меня. Я сбежала от всего этого ужаса, бросившись к маме».

Ещё одним вопросом при организации приёма жертв торговли людьми на родине была их возможная реакция на присутствие при этом членов их семьи. Как рассказал один из представителей организации, оказывающей услуги жертвам этого преступления, «иногда в аэропорту их встречают родственники, и они боятся рассказывать всю свою историю, а затем отказываются идти с нами. Как правило, они рассказывают своим близким, что сидели в тюрьме, а иначе как они могут объяснить им, что не присылали домой денег и не звонили?» (Brunovskis & Surtees, 2007).

Важной проблемой в организации возвращения жертв торговли людьми является то, кто именно сообщает семье о возвращении этих людей домой, и какие у них имеются права, направленные на сохранение своего возвращения в тайне. Одна несовершеннолетняя девушка удивилась, увидев, что в аэропорту её встречает мать и другие родственники, так как её об этом не предупредили:

«И вот во всей этой кутерьме я вдруг увидела маму... Понятия не имею, кто известил [мою семью], что я приезжаю. Я знаю, что мама ждала меня... Но не знала, что семья знает».

Так как в данном (и не только в данном) случае оценка риска возвращения жертвы не проводилась, уведомление семьи о приезде девушки также создавало для неё определённый риск-фактор. В данном случае семья не была соучастницей нелегального вывоза девочки за рубеж, но работающее с ней агентство об этом не знало.

5.4. Резюме

Организация достойного и безопасного возвращения жертвы торговли людьми домой без ущемления человеческого достоинства включает в себя проведение целого ряда процедур, и там, где этими процедурами пренебрегают, возвращение может обернуться для жертв торговли людьми большим риском, который в худшем варианте может привести к повторному вывозу его или её за рубеж.

Говоря о своём возвращении домой и адресации, жертвы торговли людьми испытывали отрицательные эмоции – страх, волнение, разочарование, стресс, крушение планов и надежд, нервозность и смятение души – которые являлись следствием не только самого процесса возвращения, но и того, как этот процесс был организован. В то же время, жертвы также говорили и о положительных ощущениях, например, о волнении перед приездом и чувстве облегчения и уверенности в себе, когда они снова оказывались дома. Многие испытывали противоречивые чувства: с одной стороны, гора сваливалась с плеч, что они снова будут дома, а с другой стороны, переживали о том, что их там ждёт.

В процессе возвращения жертвы торговли людьми оказывались перед целым рядом проблем о том, что с ними будет до отъезда, как пройдет переезд и каков будет приезд домой. Причинами этого были отсутствие доступа к полной и исчерпывающей информации о процессе возвращения и адресации, то есть, куда их направят, и как сложится их дальнейшая судьба; процесс переезда домой часто напоминал им о том, что они пережили, когда торговцы людьми нелегально вывозили их за границу; им важно было, чтобы в процессе возвращения в них не распознали бы жертв торговли людьми и чтобы им оказали помощь в возвращении; допросы и дурное обращение со стороны официальных властей, как в пути, так и по прибытии домой; задержка возвращения жертв-иностранцев; вопросы, касающиеся своевременной и правильной оценки риска и безопасности возвращения жертв домой; и неудовлетворительные и стрессовые переживания этих людей от приема дома и дальнейшей их адресации, то есть от того, как сложится их дальнейшая судьба на родине.

6. Опыт лиц, пострадавших в результате торговли людьми, связанный с предоставлением им помощи и защиты

Оказание соответствующей и адекватной помощи лицам, пострадавшим в результате торговли людьми, и предоставление им защиты является важнейшим фактором для скорейшего обретения ими состояния равновесия, а в более долгосрочной перспективе – для последовательной реабилитации и ре/интеграции в общество. В связи с этим различные аспекты помощи и защиты были ключевой темой обсуждения с жертвами торговли людьми, причем основное внимание уделялось их индивидуальному опыту, как за рубежом, так и в собственной стране происхождения. Для того чтобы лучше понять такой опыт, упор делался на три основных аспекта – каким именно образом пострадавшим от торговли людьми была предоставлена помощь и защита, как они ощущали себя в процессе оказания им помощи и в чем, с их точки зрения, заключались проблемы, важные вопросы, а также положительные практические подходы.

Жертвы торговли людьми были проданы в самые различные страны назначения, поэтому полученный ими опыт был весьма разнообразным, и он отражал ситуацию далеко за пределами стран Юго-Восточной Европы. Кроме того, различия между ними в плане образовательного уровня и опыта предшествующей жизни, а также различие между конкретными ситуациями, в которых они оказались, означает наличие широкого спектра имеющихся у них потребностей в связи с помощью и защитой. Собеседования с пострадавшими от торговли людьми проводились на различных этапах оказания им помощи – при предоставлении им

неотложной помощи, помощи более долгосрочного характера, а также нацеленного на реинтеграцию сопровождения. Несмотря на различия, имеющиеся между странами в социальном, экономическом, политическом и культурном планах, при обсуждении с пострадавшими их понимания и восприятия предоставленной им помощи и защиты они часто обращались к созвучным темам и вопросам.

6.1. Каким образом пострадавшим в результате торговли людьми была предоставлена помощь и защита

Помощь и защита как в странах транзита и назначения, так и в странах происхождения предоставлялась неправительственными организациями, международными организациями и государственными структурами. Некоторые направления помощи были ориентированы конкретно на пострадавших в результате торговли людьми (они предоставлялись специализированными агентствами по противодействию торговле людьми), в то время как другие направления помощи носили более общий характер. Спектр и качество предоставляемых услуг различались по странам, и даже по агентствам.

Помощь, оказываемая в странах транзита и назначения жертвам торговли людьми, прибывшим из других государств, как правило, носила краткосрочный характер, хотя следует отметить, что с введением в ряде стран временных видов на жительство для иностранных граждан, ставших жертвами торговли людьми, ситуация несколько изменилась. Помощь чаще всего заключалась в предоставлении крова (как правило, хотя и не исключительно, в приютах закрытого типа) для стабилизации жертв торговли людьми, а затем их возвращения на родину. С другой стороны, помощь в странах происхождения носила как краткосрочный, так и долгосрочный характер, однако была в первую очередь ориентирована на реинтеграцию. Такая помощь, как правило, предоставлялась в приютах, по крайней мере на начальных этапах оказания помощи; при этом в более долгосрочной перспективе задача заключалась в обеспечении (ре)интеграции пострадавшего лица в семью и/или сообщество.

Некоторым из пострадавших услуги по помощи и защите в собственной стране были предоставлены после получения ими помощи в той стране, где они были идентифицированы в качестве жертв торговли людьми. Однако многие из жертв торговли людьми не были идентифицированы в качестве таковых в ходе своего пребывания за границей и, следовательно, помощь им предоставлена не была. Для такой категории пострадавших оказанная им в стране происхождения помощь являлась по существу первым опытом встречи с организациями, специализирующимися на предоставлении соответствующих

услуг; как правило, жертвы в таких случаях первоначально нуждались в неотложном вмешательстве для преодоления кризиса, и лишь затем упор делался на более долгосрочные потребности.

6.2. Как ощущали себя жертвы торговли людьми на этапе предоставления им помощи и защиты

Говоря о том, как они ощущали себя на данном этапе вмешательства, жертвы торговли людьми отмечали как положительные, так и отрицательные моменты, причем у некоторых положительные и отрицательные эмоции отмечались одновременно. Пострадавшие в результате торговли людьми говорили о своих отрицательных эмоциях – от страха до шока и растерянности, от подозрительности до стресса и стыда. Важно отметить, что описывая свои ощущения, жертвы торговли людьми говорили и о положительных эмоциях, которые они испытали на этом этапе – обретении спокойствия и ощущения безопасности, эмоциональной сопричастности, чувстве того, что они не одиноки, чувстве облегчения и благодарности. Кроме того, также как и на других предшествующих помощи этапах, жертвы торговли людьми много говорили о таких категориях как доверие или недоверие.

Во многих случаях, жертвы торговли людьми в большей степени говорили о своих отрицательных эмоциях в связи с начальными этапами оказания им помощи, когда они еще не испытывали доверия ни к оказываемой им помощи, ни к тем, от кого она исходила. Однако как только устанавливался климат доверия, на смену отрицательным чувствам, как правило, достаточно быстро приходили более положительные эмоции. Описанные ниже эмоции часто соотносились с конкретными периодами жизни жертв торговли людьми после того, как они были вызволены из сетей торговцев, и они постепенно изменялись с течением времени и в ответ на индивидуальный опыт получения помощи жертвой торговли людьми.

Чувство страха

Не следует удивляться тому, что первой реакцией жертв торговли людьми на оказанную им помощь – как в странах назначения, так и в странах происхождения – был страх. На начальных этапах оказания помощи чувство страха было тем чувством, которое преобладало среди почти всех без исключения пострадавших в результате торговли людьми. Для многих из пострадавших страх был в первую очередь связан с торговцами людьми. Они испытывали страх в связи с тем, что их могут найти и вернуть к торговцам, они боялись мести в отношении себя или своей семьи и испытывали боязнь в связи с тем, что не чувствовали себя достаточно защищенными.

«Я хотела остаться [в приюте] подольше, потому что торговцы грозились, что если я сбегу, они убьют меня сразу же, как только я вернусь домой».

«Я не могу вернуться домой. Человек, который продал меня, живет рядом с моими родителями».

«Мне рассказали о приемной семье [в том городе], и мне было даже страшно подумать о том, чтобы поехать туда. У моего начальника в этом городе жила сестра, и он постоянно наезжал туда. Он ездит туда через неделю. Он точно увидит меня по дороге в школу».

«Я испугалась [когда вербовщика выпустили на свободу]. Тогда я бы даже не рискнула выйти из приюта... Я вдруг поняла, что моя жизнь в опасности. Думаю, через несколько месяцев мне придется покинуть приют, и я поеду к знакомым [в другой город]. Может быть, они разрешат мне остаться там на зиму. Я боюсь, потому что вербовщики могут найти меня там и убить».

В некоторых случаях пострадавшие испытывали более общее чувство страха, явившееся следствием длительной виктимизации и эксплуатации:

«Поначалу было трудно, потому что я привыкла лгать. Я боялась сказать правду из страха, что меня избьют. Меня так долго избивали – почти каждый день, так что я очень боялась. Но когда я поняла, что никому от меня ничего не нужно, я успокоилась. Через год я была уже совсем другая, здесь я даже поправилась».

В ряде случаев такое чувство страха даже заставляло пострадавших отказываться от помощи; в других случаях оно, напротив, способствовало тому, что жертвы соглашались принять помощь (Brunovskis and Surtees 2007). Одна женщина, проданная торговцами за границу, сначала вернулась домой в свою семью, однако потом согласилась какое-то время побыть в приюте из-за постоянного чувства страха:

«С ноября по март я оставалась дома, но больше уже не могла. Я постоянно была под стрессом – все время страх, все время напряжение. В полиции мне сказали, что можно побыть в центре, и я согласилась».

Со временем многие из жертв сумели преодолеть этот страх – в основном, после того, как у них появилось доверие, прошел шок, появилось чувство равновесия и спокойствия, а в некоторых случаях после того, как им была обеспечена полностью безопасная среда. Одна из жертв так описывала свои

ощущения на начальных этапах оказания ей помощи: «Ужас ... смятение... отчаяние»; однако позже она чувствовала себя спокойнее:

«[Сейчас я чувствую себя] хорошо ... Теперь я понимаю, что есть организации, которые желают мне только добра. Наверное, проблема была во мне. Я была очень напугана. Я просто не верила, что кто-то может вот просто так, бесплатно помочь тебе. Мне просто потребовалось время».

Тем не менее, жертвы торговли людьми могут вновь испытать страх в связи с ожидаемым изменением в их положении. Одна из жертв торговли людьми, которая в течение достаточно долгого времени получала помощь в рамках программы помощи в одной из стран Евросоюза и имела все основания доверять существующей модели оказания помощи, так описывает страх, который она испытала, когда с ней впервые стали обсуждать вопрос возвращения домой:

«Я говорила [с директором НПО в моей стране] по телефону. Она рассказала мне о программе помощи, цель которой заключается в том, чтобы помочь девушкам, оказавшимся в такой же ситуации, восстановить силы, обрести веру в себя, вернуться в общество. Она мне рассказала все о помощи, которую они предоставляют. Правда я вначале испугалась, но тут же сказала себе, что надо поехать и увидеть самой, как там обстоит дело».

Понимание того, что после своего освобождения из сетей торговцев жертвы торговли людьми будут в течение какого-то времени испытывать страх, является важной основой в процессе подготовки программы и ее реализации.

Шок, смятение и растерянность

Многие из пострадавших в результате торговли людьми описывают начальный этап оказания им помощи – что чаще всего имело место за рубежом – как период, когда они находились в шоке, смятении и/или растерянности в связи с тем, что им пришлось пережить:

«По правде говоря, я была очень уставшей и, скорее всего, вообще не понимала, что творилось вокруг меня. Я была как безумная. Шел март, было холодно, и единственное, чего мне хотелось – это принять горячую ванну и заснуть».

«Сначала мне помогла справиться с этим. Я была в состоянии полного шока. Мне снились кошмары. Я боялась оставаться там. Мне все время казалось, что торговцы ищут меня, что они напали на мой след. Мне очень помогало, когда со мной разговаривали [социальные работники]».

Однако к удивлению следует отметить и то, что жертвы торговли людьми испытывали растерянность в связи с моделью помощи, которая им адресовалась, причем многие вообще не понимали, что именно им предлагали и почему. Такая реакция со стороны жертв наблюдалась как в стране происхождения, так и в стране назначения и была, по всей вероятности, вызвана недостатком информации или ее неясностью, состоянием шока или психологической травмы, испытываемым жертвами, отсутствием у них четкого понимания происходящего и ограниченностью опыта получения помощи (Brunovskis and Surtees 2007).³³

«Когда я впервые попала в приют [за границей], я вообще не понимала, для чего существуют эти приюты. Я на самом деле не понимала целей помощи и практически не осознавала, что я являюсь жертвой торговли людьми».

«Вернувшись домой, я не понимала чего от меня хотят и почему, собственно, мне должны оказывать эту помощь».

«[Об услугах и помощи] точно не помню. Она мне что-то говорила ... о жилье ... пище ... Не помню, о чем-то еще».

«До того я никогда ничего не слышала о таких центрах. Такое было ощущение, что я нахожусь в незнакомом мне месте. Вначале я осталась потому, что не хотела возвращаться домой. Первые три дня я вообще молчала, ничего не понимала. Я не знала, что происходит».

Другие жертвы торговли людьми говорили о том, что первоначально они испытывали замешательство и растерянность, и им потребовалось определенное время для того, чтобы адаптироваться к конкретной модели предоставляемой им помощи, которая, по мнению одной из бенефициаров, не вполне соответствовала той модели помощи, которую ей предлагали во время ее пребывания за границей:

«Честно говоря, когда я туда попала, у меня был шок. Сначала меня шокировали девушки, вернее, их поведение. Но ведь знаете, как бывает

³³ В качестве иллюстрации замешательства и путаницы, испытываемых жертвами, следует отметить, что на вопрос о том, как она представляет себе приют, одна из жертв торговли людьми объяснила, что она представляла себе приют как дом, битком набитый людьми – детьми и девушками -, да еще с установленными повсюду камерами. Другая жертва сказала: «У себя дома я понятия не имела, что такое приют. Мне там понравилось, но я ничего не знала о приютах, пока не попала туда. В моем городе ничего похожего нет, так что я даже и не знала, что такое может быть». Некоторые из жертв думали, что приют представляет собой «подвал с решетками», «полный обман», «дом с кучей людей». В ряде случаев, подобная путаница побудила жертвы отклонить предложения о предоставлении помощи (Brunovskis and Surtees 2007).

... когда ты куда-то попадаешь, надо приспособиться. Знаете, я была восемь месяцев [в приюте] за границей... Там у меня была собственная комната, кухня и ванная. Ничего особенного, но когда я закрывала дверь, ко мне никто не мог войти без спроса».

Важно отметить, что состояние шока, смятения и растерянности наблюдалось в течение короткого времени и представляло собой первую реакцию на происходящее, которая со временем проходила как только пострадавшие становились способными воспринять и осознать, что им предлагают помощь и защиту. Что касается степени смятения и шока, то и этот показатель носил индивидуальный характер в зависимости от конкретного контекста, связанного с индивидуальным опытом пострадавших и их личностных характеристик.

Недоверчивое отношение к помощи

Для многих из пострадавших в результате торговли людьми, предложенная им помощь была для них чем-то новым и, следовательно, воспринята с подозрением. В некоторых странах достаточно большое число жертв торговли людьми вообще не стремились получить помощь – во всяком случае, в течение какого-то времени после своего печального опыта участия в торговле в качестве «живого товара» – именно в силу своего подозрительного отношения к имеющимся услугам и организациям, занимающимся оказанием помощи. В целом ряде случаев такое недоверчивое отношение (как со стороны жертв торговли людьми, так и их близких) побудило их отказаться от предложенной помощи (Brunovskis and Surtees 2007). В других случаях жертвы хоть и соглашались принять помощь, однако делали это с исключительной тревогой и волнением, а зачастую – лишь по прошествии какого-то времени. Одной женщине помощь была оказана лишь спустя несколько лет именно потому, что она с недоверием отнеслась к предложенной ей по возвращении домой помощи и согласилась воспользоваться ею, лишь оказавшись перед лицом крайней необходимости: «Да, просто тогда я впервые услышала об этом. И я не отважилась, просто потому, что ничего не знала». Важно и то, что она сама объяснила, как можно было бы преодолеть это недоверие и подозрительность. Первоначально в качестве жертвы эту женщину идентифицировали полицейские, которые однако никуда ее не адресовали, так что ей пришлось самой искать помощи, и она обратилась в центр социальной работы, который переадресовал ее к линии помощи жертвам, однако последняя не специализировалась на оказании помощи жертвам торговли людьми. Для этой женщины, которая в момент идентификации еще была несовершеннолетней, помощь со стороны социального работника, который выступил бы в качестве ее посредника и мог бы от ее имени связаться с поставщиками услуг по оказанию помощи, помогла бы рассеять ее сомнения, и она вполне могла бы обратиться за помощью раньше.

У некоторых из пострадавших эти подозрения и нежелание воспользоваться предлагаемой помощью очевидно связаны с тем, что в прошлом они не получали помощи ни от государственных структур, ни от неправительственных организаций. Многие опрошенные говорили о том, что раньше они даже не слышали о такой помощи, в особенности, у себя дома, и поэтому с подозрением и скепсисом отнеслись к первому предложению о помощи.

«Я была несколько озадачена, когда пришла в приют здесь, у себя в стране. Я не верила, что подобное возможно ... и даже там [в стране назначения] помощь казалась чем-то подозрительным... Я не могла понять, для чего ее предлагают».

«Я все еще не совсем хорошо понимала, какая помощь и благотворительность существует у нас [в нашей стране], почему мне помогают в приюте, почему мне дают деньги, оказывают помощь. Тогда я не верила в добрых фей».

В некоторых случаях недоверие и подозрительность вызывали конкретные формы помощи, в частности, психологическая помощь:

«Мне было некогда говорить с психологом, я искренне не понимала, зачем мне нужен психолог. В конце концов, с психикой у меня все в порядке».

«Я не знаю, о чем говорить с психологом Я не понимаю, чем занимаются психологи».

«Я слышала, что к психологам ходят только люди с психическими проблемами... Вообще говоря, я не знаю, что делает психолог».

«Во всяком случае, мне неясно, в чем заключается помощь психолога... Мне не очень-то хотелось говорить с ней о том, что со мной произошло. Просто не хотелось. Я чувствовала себя некомфортно, потому что я не совсем понимала, чего она от меня хочет».³⁴

В других случаях подозрения были вызваны тем, что помощь оказывалась бесплатно. При этом многие из пострадавших говорили о том, что они не доверяют ничему, что дается бесплатно, и что в их странах такой практики нет (Brunovskis and Surtees 2007).

³⁴ Некоторые из жертв позже поняли важность психологической поддержки:

«Нет, я думаю, что помощь психолога очень важна. Я начала понимать это только после нескольких встреч с психологом».

«Только позже я узнала от других девушек, что если тебе больно, можно обратиться к психологу».

«Действительно, когда мне сказали о том, что существует такой центр, где все услуги предоставляются бесплатно ... я испугалась... Я не верила в сострадание... Потом я узнала, что центр спонсируется иностранными фондами. Но за границей люди намного добрее, чем здесь и они ничего не требуют взамен своей помощи».

«Поначалу я не поверила. Вообще, я могу сказать, что я просто не верила, что сегодня кто-либо способен безвозмездно предоставить кому-либо помощь».

«Мне сказали, что я могу остаться там на некоторое время вместе с моими детьми, что нас будут кормить, о нас будут заботиться. Я сначала не поверила. Сегодня редко что бывает бесплатно. Я думала, что они попросят о чем-то позже. Мне также объяснили, что оказанием помощи для таких девушек занимается иностранная организация. Я сначала думала, что они, наверное, хотят забрать мои органы. Мне было непривычно получать помощь бесплатно, поскольку такое в моей жизни произошло впервые».

«Для меня это было удивительно. Я и представить себе не могла, что можно что-либо получить бесплатно... Ничего подобного я не видела никогда раньше ... Меня даже шокировало то, что мне ничего не надо делать взамен».

«Я немного удивилась, услышав, что помощь будет предоставляться бесплатно, но он сказал, что это делает иностранная организация, и вдруг подумала, что это скорее всего будет религиозная организация».

«Социальный работник объяснил, что деньги предоставлены той страной, где у меня были проблемы, и что я заслужила эту помощь. Но я все же не понимаю, как это кто-то может дать мне деньги просто так, ни за что. Вот этого я никак не понимаю».

При этом недоверчивое отношение к бесплатным услугам может в некоторой степени быть обусловлено конкретным контекстом. В некоторых странах жертвы торговли людьми были в большей степени осведомлены о возможности бесплатной помощи от государства и НПО, чем в других странах.

Интересным открытием было то, что некоторые из пострадавших испытывали подозрения в связи с предлагаемой им помощью, поскольку эти предложения в некоторой степени напоминали им то, как их завербовали и продали за границу. Проведенное в трех странах исследование о причинах отказа жертв торговли людьми от предлагаемой им помощи указывает на то, что некоторые аспекты

помощи напоминают некоторым из жертв их участь в качестве «живого товара», что непосредственно влияет на то, насколько они склонны доверять таким услугам и предоставляющим их организациям. Некоторые из жертв, согласившиеся на получение помощи, выражали опасения в связи с тем, куда их собираются отправить. Они не вполне были уверены в том, что можно доверять этим организациям или же полиции. Одна из жертв торговли людьми рассказывала о страхе, который она испытала во время переезда: «Потом они повезли меня в полицейский участок [в соседнем городе], и в тот момент я им не верила. Кто мог знать, куда они меня везли». Собеседования с пострадавшими, проведенные в рамках данного исследования, созвучны полученным ранее результатам. Жертвы, которых переводили из центров временного размещения в приюты более длительного пребывания, испытывали в связи с переездом тревогу и подозрения.

«Я оставалась там [в том центре] около двух месяцев. Спустя два месяца мне сказали через переводчика, что нужно будет переехать в другой центр, потому что мне нельзя было оставаться там... Я сказала, что не хочу переезжать. Я была испугана. Я не знала, куда они собираются отправить меня... Они пытались объяснить мне, каким образом работают эти центры, заверили, что будут заботиться обо мне. Я заявила, что должна сама проверить это место и собственными глазами посмотреть на тех, кто там работает. Если бы мне сказали, что это невозможно, я бы никуда не согласилась переезжать. Они поехали вместе со мной в тот центр, куда меня собирались перевести. Я поехала туда вместе с социальным работником и переводчиком».

Бесплатные услуги и помощь напоминала пострадавшим те обещания, которые они слышали до того, как стать «живым товаром». Как указал один из социальных работников: «Когда мы говорим им, что помощь предоставляется бесплатно, от нее попросту отказываются, потому что им давали похожие обещания, а на самом деле они стали объектом торговли» (Brunovskis and Surtees 2007).

Далее пострадавшие в результате торговли людьми поясняли, что первое, что им приходило в голову в ответ на обещание помощи, была вероятность того, что их может быть вновь хотят сделать вновь «живым товаром»:

«Я в самом деле немного испугалась. В какой-то момент я подумала, что я, может быть, вновь вернулась туда, откуда сбежала... Когда я увидела этот большой дом... там был приют, но я никогда раньше не видела приюта в нашей стране. И я испугалась, когда подумала о том, что со мной произойдет».

«Там был компьютер и все другие удобства. Но я все равно думала, что они собираются снова продать меня».

«Я не вполне верила им. Моя мама сказала мне не разговаривать много с незнакомыми людьми. Даже сейчас она иногда говорит мне, что меня хотят увести за границу. Моя мама говорит, что она никому не доверяет и не доверяет документам [которые он помог мне получить], потому что сегодня подделать можно все».

Даже тогда, пострадавшие не опасались того, что их могут заново продать, они, тем не менее, относились к предложениям помощи с некоторым подозрением.

«Я была в полном отчаянии. У меня ничего не было. Помню, что она дала мне денег для уборки, и я посмотрела на нее. Я никому не могла верить... Мне казалось, что люди хотят взамен получить что-то от меня, так что я посмотрела на нее и спросила: «Что я должна сделать для вас?» А она ответила мне, что ей от меня ничего не нужно, только чтобы я училась и вела себя хорошо. Тогда я не смогла в это поверить. Позже она сказала, что нам надо вместе пойти в магазин и купить нужные вещи. Я на нее посмотрела как на сумасшедшую, но все-таки пошла с ней, а она купила мне только хорошие вещи. Я ее спросила снова: «Чего вы от меня хотите?». А она отвечает снова, что я должна учиться и хорошо себя вести».

«Честно говоря, я им не поверила, потому что мне не хотелось возвращаться. Они сказали, что я буду жить в центре [в столице], и что мне будет хорошо, но я не поверила. Я думала, что они мне врут, потому что мне как-то говорили, что в этих центрах девушек бьют. Мне об этом сказали девушки, вместе с которыми я была в лагере».

Хотя получение начальной помощи за границей нередко способствовало установлению доверия и помогало рассеять подозрения, испытываемые жертвой по возвращении домой, она, тем не менее, не может рассматриваться как панацея. Некоторые из жертв продолжали с подозрением относиться к предлагаемой у себя на родине помощи, несмотря на (положительный) опыт получения помощи за границей. В результате они отказывались принять (или не сразу принимали) помощь. При этом даже те из пострадавших, кто соглашался принять помощь, зачастую продолжали оставаться в течение какого-то времени недоверчивыми и озабоченными чем-то. При этом, поставщикам услуг по оказанию помощи, как правило, удавалось преодолеть подобную подозрительность со стороны жертв, как только те убеждались в том, что помощь была искренней и исходила из самых благих намерений. Преодоление подозрительности с тем, чтобы пострадавшие согласились бы принять помощь, никогда не осуществлялось напрямую.

Стресс и нервное возбуждение после связанного с торговлей людьми опыта

Вырвавшись из плена торговли людьми, многие из жертв находятся в состоянии стресса и/или перевозбуждения. Такой эмоциональный статус находит выражение в самых различных формах поведения – гнев, раздражительность, грусть и/или депрессия. Одна женщина так описывала свои эмоции в первые дни оказания ей помощи.

«Вообще-то я просто говорила, я чувствовала, что мне надо выговориться. Я была как бешеная. Мне все время советовали, что надо расслабиться, но я просто не могла сдерживаться. Я кричала и все такое. Было безумно больно. Я пыталась покончить с собой, чувствовала себя такой одинокой».

По свидетельствам других жертв торговли людьми, пострадавшие ведут себя очень по-разному, в зависимости от своего очень отличающегося друг от друга печального опыта и обстоятельств личного характера. При этом состояние стресса и нервного возбуждения встречается очень часто:

«Хочу сказать, что персоналу приюта очень трудно работать со всеми бенефициарами... У каждой свой характер. Некоторые девушки пытаются связаться со своими хозяевами... Многим девушкам трудно начать новую жизнь... Многие из них привыкли легко зарабатывать на жизнь... Им сложно бывает восстановиться и физически и психологически, во всяком случае, поначалу».

«Девушки были на нервах, возбуждены, некоторые испуганы. Некоторые вообще не разговаривали, другие не смолкали».

«Когда я туда попала, я все время ругалась. Я дралась или же была в истерике. Директор сказала мне, что так вести себя некрасиво, и я послушала ее, потому что она сказала, что понемножку мне станет лучше. А потом я сама себе сказала, что так больше нельзя, и все стало в норму».

«Я устала от проблем. Постоянно думаю, как бы убежать от них. На работе чувствую себя подавленно, прихожу домой, хочу заснуть, но все это настоящий кошмар. Мне хочется умереть».

«Я никому не могла верить. Я говорила гадости. Я даже подняла нож на кого-то».

Такое состояние стресса и нервного возбуждения часто представляло собой первоначальную реакцию, которая с течением времени проходила благодаря

профессиональному вмешательству специалистов и организаций, занимающихся оказанием помощи лицам, пострадавшим в результате торговли людьми.

Порицание и чувство стыда

Некоторые из жертв говорили о том, что они испытывают стыд, что окружающие их порицают. Такой эмоциональный фон вызывал у них состояние тревоги, беспричинного страха как в период оказания им помощи, так и после. Для многих из пострадавших этот «стыд» был связан с их опытом «объекта торговли», который нередко был связан с проституцией.

«Некоторые смеются и говорят, что ты просто была уличной шлюхой. Но ведь они не знают, что ты чувствуешь, сколько бессонных ночей ты провела, со сколькими мужчинами тебя заставляли спать или заниматься чем-то другим. Другие, может быть, и отвернулись бы. Если вернуться домой, все будут только пальцем показывать. Знаешь ведь как трудно идти с высоко поднятой головой и улыбаться, когда все знают, чем ты занималась».

«Есть люди, которые считают, что лучше покончить с собой, чем жить с этим позором всю жизнь. Потому что это позор – находиться на улице. Никто ведь не знает, каково это – стоять и смотреть на проезжающие машины. Это позор. А если бы мой муж узнал? Ведь настанет время, когда он узнает».

Пострадавшие испытывали чувство стыда перед своими близкими, им было стыдно рассказать им о том, что с ними произошло за границей.

«Сначала я не хотела им ничего говорить. Мне было стыдно. Стыдно даже перед собой. Когда я оттуда убежала, я прихватила с собой документы торговца. Но я не хотела возвращаться домой и поехала к бабушке. Но бабушка нашла документы и позвонила родителям. Когда я говорила с отцом, я разрыдалась, и он понял, что со мной что-то случилось. Я ему все рассказала».

Многим из жертв было важно услышать, что они сами не виноваты в том, что с ними произошло. На вопрос о том, что бы они посоветовали другим пострадавшим, некоторые из жертв говорили о том, что нужно преодолеть это чувство стыда и собственной вины:

«Я вижу девушек, которые работают через улицу, напротив нашего дома. Я их вижу, когда выхожу на балкон. Мне тяжело это видеть. Я начинаю плакать. Я знаю, через что мне пришлось пройти. Я бы посоветовала ей

обратиться в полицию. Она не виновата. Виноваты они. Я, к примеру, не виновата в том, что мне приходилось делать это».

«Ее слова [сотрудницы НПО] помогли. Она мне сказала, что то, что со мной произошло, произошло не потому, что я этого хотела. И тогда я почувствовала, что кто-то заботиться, думает обо мне».

Некоторые из пострадавших испытывают чувство стыда, потому что им кажется, что принимать помощь стыдно.

«Мне стыдно обращаться за помощью. Мама тоже стесняется».

«Я никогда первая не попрошу о помощи, потому что мне стыдно... Я приму помощь, если организация сама первая обратится ко мне».

«Я не осмеливалась позвонить. Мне было стыдно звонить и просить о помощи... Я не привыкла никого просить о помощи... Поэтому это вместо меня сделала моя двоюродная сестра...»

«Да, я предпочитаю сама первой не обращаться за помощью. Мне стыдно просить о чем-то... У меня такой характер».

«Мне было приятно, когда социальный работник сказала мне не стесняться и не стыдиться, если мне понадобится помощь. Она сказала, что я могу обратиться прямо к ним... Мне на самом деле понадобилась помощь, когда я собирала информацию для документа, который требовался в школе, и социальный работник помогла мне».

«Нет, я ничего не знала о других [НПО] кроме одной, а потом я узнала и о другой. Еще Я знала об отделе социальной помощи, но я не хотела обращаться к ним за помощью... потому что мне было стыдно просить их мне помочь».

Чувство общности и сопричастности

Многие из жертв говорили в основном об отрицательных эмоциях и чувствах, однако некоторые из пострадавших рассказывали о том, что оказанная им помощь помогла им ощутить чувство общности, что по их мнению является очень важным фактором для обретения психологического равновесия и, в конечном счете, реабилитации. На вопрос о том, что для нее лично было наиболее позитивным аспектом помощи, одна женщина, которую торговцы людьми продали в одну из стран Евросоюза и которой была оказана помощь у себя на родине, сказала, насколько важно не чувствовать себя одинокой:

«Если говорить о помощи вообще – и здесь, и там – то я поняла, что не одинока, что есть люди, которую принимают меня такой, какая я есть. Я прошла через этот ужасный опыт, и я нашла поддержку. Я заметила, что всегда, как только я вдруг чувствовала себя одинокой, кто-то оказывался рядом и говорил мне: «Выше голову! Ты не одинока!» ... или что-то похожее. И кто-то всегда был готов выслушать меня».

Другие жертвы также описывали схожие ситуации:

«Я пошла туда, чтобы пообщаться. Еще для того, чтобы принять ванну, потому что там, где я живу, у нас условия не такие... Я хотела пообщаться, почувствовать себя лучше, просто провести время где-то, где я могу развеяться. Просто пообщаться с девушками, которые тоже прошли через это. У нас был отведен час для себя, когда мы могли послушать музыку, поболтать, посмеяться и просто развеяться».

«Я поняла, что я не единственная, кто... Теперь я понимаю, вернее, я давно уже поняла, что это может произойти с кем угодно, неважно кто ты и откуда ты. Тогда я думала, что такое могло произойти только со мной, потому что мне всегда не везло, и просто хотелось куда-то исчезнуть... А тут вдруг оказалось, что мы можем общаться и веселиться, и при этом мы все знаем, через что нам пришлось пройти».³⁵

Важно отметить, что если одна часть пострадавших в результате торговли людьми оценивала общение с другими женщинами, имеющими схожий опыт, как нечто, помогающее им залечить раны, то другая часть пострадавших считала, что такая обстановка лишь еще более усугубляет их боль.

«И еще я не могла общаться с девушками, даже если они и пережили то же самое. Когда я вспоминала, что я пережила, я плакала. Они спрашивали меня, что случилось, а я не могла описать, что творилось у меня в душе».

³⁵ Bjerkan & Dyrlid (2006b:19-20) также пришли к заключению, что чувство общности и сплоченности положительно оценивалось женщинами в программах реинтеграции. Многие из бенефициаров положительно оценивали возможность облегчить душу, выговориться, поделиться с другими:

«Девушки делились друг с другом, рассказывали, что они пережили. Каждая из нас рассказала свою историю. Когда я рассказала другим о том, через что мне пришлось пройти, я почувствовала себя гораздо лучше».

«Девушки в приюте общались, рассказывали друг другу о своих проблемах. Мне становилось легче, когда я могла пообщаться с кем-то, кто может понять меня – когда я могу поделиться своими переживаниями с другим».

«Каждая чувствовала себя очень напряженно, и мы практически не разговаривали друг с другом».

Представляется, что потребность и желание быть вместе с «друзьями по несчастью» в некоторой степени находятся в зависимости от времени – жертвы торговли людьми считают присутствие других пострадавших особенно важным на начальном этапе после освобождения. Другие считали важным порвать с услугами по оказанию помощи и с другими жертвами, поскольку это представлялось им важным аспектом в плане процесса реинтеграции и реабилитации. Окружение, состоящее исключительно из «друзей по несчастью» может напоминать жертвам о том, что они «отличаются» от других, о прошлых невзгодах и лишениях, что в свою очередь может вызвать чувство разобщенности с обществом, что само по себе полностью противоречит цели реабилитации и реинтеграции.

Душевный комфорт и ощущение безопасности

Многие из жертв говорили о об успокаивающем воздействии на них поставщиков услуг по оказанию помощи и самих организаций – как на начальном этапе оказания помощи, так и после.

«Я впервые встретила с социальным работником, когда она пришла в полицию, чтобы забрать меня. Она сказала мне, что мы пойдем в центр помощи, где я буду чувствовать себя в безопасности. Мне было хорошо, потому что она не просила меня рассказать ей о том, что я пережила, а я была настолько измождена, что единственное, чего мне хотелось – это принять ванну и отдохнуть. Она мне сказала, что я именно это и сделаю, и я успокоилась».

«Там я чувствовала себя в безопасности. Было хорошо. После того, что я перенесла, было здорово вдруг оказаться в тихом и спокойном месте, где можно поспать, поесть, где тебе что-то объяснят, успокоят, скажут, что ты спокойно поедешь домой. Я чувствовала себя умиротворенно».

«Я позвонила, а девушки с «горячей линии» были такими вежливыми, такими спокойными. Они пригласили меня прийти к ним в офис, чтобы встретиться с социальным работником. Они мне сказали, что оплатят мои транспортные расходы. Когда я впервые пошла на встречу с социальным работником, я испытывала страх. Я думала, что они будут смотреть на меня как на чудовище. Но все было здорово. Мне очень понравилось, как вела себя социальный работник – спокойно и доброжелательно».

У некоторых из пострадавших этот уровень душевного спокойствия установился сразу; другим для этого понадобилось какое-то время. Время,

необходимое для обретения душевного покоя, предположительно зависит – по крайней мере, отчасти – от конкретного, связанного с эксплуатацией опыта. В тех случаях, когда жертв торговли людьми подвергали жестокому обращению и/или злоупотребляли их доверием в течение длительного времени, обретение ими душевного покоя и комфорта, соответственно, требовало больше усилий и более значительного вмешательства. Кроме того, в тех случаях, когда пострадавшие – еще до того, как они стали объектом торговли людьми – имели за своими плечами неблагополучную ситуацию в семье/личные обстоятельства, обеспечение им душевного комфорта и спокойствия также потребовало немалого времени и представляло собой далеко не простой процесс.

Для многих из пострадавших сама структура программ – либо дневных, либо резидентных, предполагающих постоянное проживание в центре по оказанию помощи – обеспечивала им то место, где они могли спокойно общаться друг с другом. Одна из пострадавших – являвшаяся жертвой как сексуального насилия, так и торговли людьми – пояснила, что участие в беседах в рамках дневной программы для жертв насилия давало ей ощущение безопасности, которого ей не хватало в повседневной жизни:

«Это все благодаря системе, которая у них создана. Каждый может говорить сколько угодно, – никто тебя не прервет. Там никто не курит, не выходит ежесекундно. Если нужно, можешь выйти в туалет. Никто посторонний там не присутствует. Никто никого не судит. Каждая из женщин принимает других такими, какие они есть. Все они понимают, что не их вина в том, что с ними произошло. И эти правила на семинарах тоже мне очень нравились. Так что я туда постоянно ходила».

При этом следует отметить, что ощущение безопасности не всегда создавало ощущение душевного покоя и комфорта, и многие из пострадавших, которым помощь оказывалась в рамках резидентных программ помощи – будь то у себя на родине или же за рубежом – где общение с родственниками и знакомыми в принципе ограничено, чувствовали себя одинокими и тосковали по родным и друзьям:

«Я две недели проплакала. Было тяжело. Хотя проблемы были и дома, я все время думала и сейчас думаю о доме. Здесь я в безопасности, и все здесь очень хорошо, но я постоянно думаю о своей семье».

Чувство облегчения и благодарности

Для многих из жертв торговли людьми полученная ими помощь была крайне необходимой, и они говорили об облегчении, которое она им принесла, и своем чувстве признательности за предоставленную поддержку. Многие из опрошенных

считали, что оказанная им помощь – при всех своих проблемах и сложных аспектах – была жизненно важной для их реабилитации, и они испытывали благодарность за помощь и поддержку, полученную ими как у себя дома, так и во время пребывания за рубежом. (Bjerkan & Dyrliid 2005, Brunokvskis & Surtees 2007).

«Мы договорились встретиться на автобусной остановке. Я волновалась, боялась, что мы не встретимся. Мне казалось, что я сплю и вижу сон. Мне не верилось, что кто-то собирался мне помочь».

«В тот момент мне нужно было иметь друзей рядом, кого-то, кто мог меня понять и поддержать, сказать, что не все так плохо. Я нуждалась в поддержке, а не в том, чтобы постоянно оглядываться назад и вновь все переживать».

«Я так горжусь этими людьми. Слава богу, что есть такие люди. Спасибо им, огромное спасибо директору за то, что она организовала такое место, где могут находиться такие, как я. Спасибо тем, кто выделяет деньги, кто думает о нас. Мы действительно нуждаемся в помощи. Не только я, а все девушки здесь. Я очень довольна и буду всю жизнь благодарна и директору, и всем, кто работает в этой организации».

«Я благодарна этой организации за то, что она есть. И если бы не они, я на самом деле не знаю, сколько бы я еще выдержала в той ситуации. И кто знает, что еще могло со мной произойти».

В других исследованиях также отмечается, что жертвы торговли людьми часто испытывают огромную благодарность в отношении тех, кто оказал им поддержку и помог выйти из того состояния, в котором они оказались в результате торговли людьми. Bjerkan & Dyrliid (2006b:14) отмечают, что одна из бенефициаров говорила о консультантах в очень эмоциональных тонах: «Они так меня поддержали! Не знаю, что бы я делал без них, к кому бы обратилась за советом!» Brunokvskis & Surtees (2007) также пришли к заключению, что чувство признательности преобладало почти у всех лиц, которым была оказана помощь в рамках программ благодаря – по крайней мере, отчасти – тому, что у многих из бенефициаров практически не было других альтернатив для того, чтобы выйти из того состояния, в котором они оказались, и они часто в значительной мере зависели от предоставленных им услуг для удовлетворения даже насущных потребностей, а зачастую и для того, чтобы попросту выжить.

Доверие и недоверие

Поскольку жертвы торговли людьми пострадали в результате того, что их обманули и серьезно злоупотребили их доверием, фактор отсутствия с их стороны

доверия был серьезным препятствием в плане оказания им помощи. Этот факт был особо отмечен как организациями и группами, занимающимися противодействием торговле людьми, так и самими пострадавшими. Отсутствие доверия со стороны пострадавших широко проявлялось в процессе оказания им помощи и было связано с целым рядом факторов, в частности, таких как подозрения и страх.

«Когда я говорила [с социальным работником] впервые, я не знала, верить ей или нет. Но потом я сказала, что лучше будет пойти и посмотреть все самой и потом я поняла, что все, что она мне сказала, было правдой».

Учитывая это, становится понятно, почему создание климата доверия столь важно в работе по оказанию помощи и защите. Во время собеседования жертвы торговли людьми говорили о том, что помогло им вновь поверить людям, а также о том, что потенциально может служить установлению доверия. Некоторые из пострадавших высказали точку зрения, что установление доверия является вопросом времени:

«На первой встрече с социальным работником я говорила очень мало, а то, что я сказала, было неправдой. Мне потребовалось время, чтобы полностью поверить им и сказать правду. Я помню, что после этого я почувствовала облегчение. Появилась надежда, что они помогут мне. Сотрудники центра связались с другим центром [в столице], и я согласилась поехать туда, потому что уже не могла больше оставаться [в той программе]».

Для других пострадавших факт доверия был связан с конкретными людьми, а в одном случае – даже с конкретной национальностью.

«Она [социальный работник] была уравновешена и говорила спокойным голосом. Она заглянула мне в душу. Я почувствовала, что могу облегчить свое сердце. Не было никакой напряженности. Мне нравилось, как она со мной говорила, она в самом деле понимала, в чем моя проблема. Она всегда так добра ко мне, хотя меня перенаправили [в другую организацию]. Она очень понятно объяснила мне, какие возможности помощи имеются, и кто может ее предоставить. Я очень редко прошу у кого-то помощи, но к ней я испытываю доверие. Она всегда выполняет данное слово».

«Мне понравилось. Они приняли меня очень хорошо. Я не понимала [местного языка], но там все сотрудники и все, с кем я встречалась, все время улыбались мне. Но я все-таки не хотела говорить. Тогда я не доверяла людям».

«Один раз они сказали мне что там [в той программе] были сотрудники из моей страны, которые позаботятся обо мне и организуют мне проездные документы. Вот тогда я почувствовала доверие».

Некоторые из пострадавших соглашались принять помощь, поскольку испытывали доверие вообще к тем организациям, которые помогают людям. Такое отношение нередко отмечалось в тех случаях, когда помощь предлагала церковь или же религиозная организация:

«Однажды ко мне подошла женщина и спросила, как я стала попрошайничать... Я ей все рассказала. Она сказала мне, что она верующая, и это заставило меня отнестись к ней с бóльшим доверием. Она забрала меня к себе домой и предложила помощь с получением документов. Я проспала у нее дома целых два дня. Потом мы пошли в церковь и встретились с пастором. Он сказал, что поможет мне».

«В центре я даже видела монахинь. Благодаря их присутствию, я почувствовала себя хорошо... Как бы это сказать? Их одежда, поведение, доброта, а может быть и то, что я знала, что они верят в бога – благодаря всему этому я почувствовала себя хорошо, в безопасности. Монахини не сделают ничего такого, что может причинить тебе боль».

Точно так же, если пострадавших адресовали за помощью те, кому они доверяли (в том числе, и другие жертвы торговли людьми), то этот фактор являлся определяющим в плане согласия воспользоваться предложением о помощи и ощутить некоторый душевный комфорт:

«Когда я вернулась, я встретила свою подругу, которая, оказывается, тоже подверглась эксплуатации... Она уже была бенефициаром [этой организации] и порекомендовала мне не бояться и обратиться к ним за помощью... Да, я почувствовала доверие к ним, потому что моя подруга уже воспользовалась услугами, которая предоставляет эта организация».

Во многих случаях, доверие со стороны жертв определяется тем, насколько выполняются данные им обещания³⁶, и доверие появлялось только после того,

³⁶ В других случаях данные, но не выполненные обещания могут серьезно подорвать доверие:

«Они сказали, что купить мне дом невозможно... Им не следовало давать мне надежду на то, что они купят мне дом. Эти люди [за границей] не были честны со мной... Я спросила несколько раз, насколько это возможно [в моей стране], потому что я не могла в это поверить. А они сказали, что возможно. Они хотели меня немного успокоить, но на самом деле оказалось хуже».

как им была оказана помощь. Нередко истинное доверие возникало лишь спустя некоторое время:

«Хорошо обращаться... не обещать многого. Но если уж обещают, то нужно выполнять обещанное».

«Они просто сделали то, что обещали. Они никогда не обещали того, что не могли выполнить. Они всегда рады меня видеть, несмотря на мои большие проблемы».

«Они были искренни со мной. Они выполнили свое обещание. Они отнеслись ко мне с уважением».

«И я начала доверять ей, потому что все, что она сказала, так и было. И кроме того, я поняла, что единственное, чего она от меня хотела, так это чтобы я училась и слушалась ее. Так что я себе сказала, что может быть это шанс изменить свою жизнь».

Для некоторых из жертв доверие с их стороны обусловлено тем, насколько их понимают и как к ним относятся:

«Главное, что они поняли наши проблемы, обещали помочь и помогли».

«Они отнеслись ко мне с добротой и пониманием. Они уважали меня».

«То, как они ко мне относились, уважали меня, учитывали все мои нужды и помогали мне, чем только могли».

Для некоторых из жертв очень важным был такой фактор как конфиденциальность, и они с доверием относились к тем, в отношении которых у них была уверенность, что те будут соблюдать конфиденциальность и не вмешиваться в их частную жизнь:

«Она не такой человек, чтобы рассказывать всем то, что я ей сказала».

После того, как устанавливалось доверие, это облегчало дальнейшую переадресацию пострадавших и оказание им поддержки. Одна из женщин получала помощь в рамках программы, которая затем была закрыта, и она была переадресована в другую программу. На вопрос о том, испытывала ли она доверие к этой новой организации, она ответила:

«Да, у меня было доверие. Это было обусловлено тем, что я доверяла центру, и я хотела и могла и дальше верить им. Если они сами предоставили мне

информацию о тех, к кому я могу обратиться, то это стопроцентно так и есть. Так что я без всяких вопросов обратилась к ним [к новой организации]».

Другая жертва торговли людьми сказала:

«Я не хотела обращаться к другим организациям [в моей стране], но [эту организацию] мне порекомендовала другая организация [за границей], и я ей в принципе доверяла».

Подобным же образом, мужчина – жертва торговли людьми с целью трудовой эксплуатации – объяснил, как он был направлен для оказания помощи полицейским, который оказал ему содействие в возвращении домой:

«Когда я обратился в прокуратуру [в том городе], полицейский познакомил меня [с чиновником] и сказал, что этот человек сможет помочь мне. Он [этот государственный чиновник] уже объяснил мне, что он работает в организации, которая помогает жертвам торговли людьми получить документы, предоставляет им продукты, одежду, помогает с учебой... Не думаю, что мошенник пошел бы в полицию для того, чтобы во что-то меня втянуть... Мне сразу понравилось, что это был серьезный человек... Он очень по-дружески ко мне относился... Всегда бывал вежлив со мной... Я доверял ему... Я не боялся, потому что меня с ним познакомил полицейский».

При этом следует отметить и то, что среди опрошенных были и такие, кто так и не смог отнестись с доверием к лицам или организациям, предлагавшим им помощь. Ряд пострадавших говорили о том, что у них нет доверия ни к индивидам, ни к организациям, и что они могут рассчитывать в жизни только на самих себя. Среди опрошенных были такие, кто отказался от некоторых видов помощи именно в силу отсутствия у них доверия. Одна из несовершеннолетних жертв торговли людьми, с изрядной долей пессимизма отнеслась к вопросу о том, что может сделать отдельно взятый человек или же организация, для того, чтобы завоевать доверие: «Не знаю. Я просто никому не доверяю... Я уверена, что помочь себе могу только я сама». Она также объяснила, что ее мать, из-за которой пострадавшая решила отказаться от помощи, считала, что помощь является «неприемлемой»; «Она считает, что если тебе сегодня помогут, то потом тебе придется отплатить за оказанную помощь... она не верит незнакомым людям». Такой настрой был весьма созвучен результатам исследования о том, почему жертвы отказываются от помощи. Следует отметить, что вопросы доверия или недоверия являлись одним из основных факторов в процессе принятия соответствующего решения жертвами или их родными и близкими (Brunovskis & Surtees 2007).

6.3. Проблемы и препятствующие факторы в процессе предоставления помощи и защиты – страны назначения, транзита и происхождения

В данном разделе анализируются мнения, высказанные лицами, пострадавшими в результате торговли людьми, в связи с критически важными вопросами, связанными с процессом предоставления помощи и защиты в странах происхождения, транзита и назначения. Полученные сведения не являются одинаково релевантными для всех стран. Некоторые из рассмотренных ниже аспектов касаются конкретно тех программ, которые предполагают постоянное пребывание бенефициаров в центрах по оказанию помощи. Такие программы достаточно распространены в странах Юго-Восточной Европы, однако они не являются единственной формой помощи, предоставляемой лицам, пострадавшим в результате торговли людьми. Точно так же, некоторые из полученных данных являются особенно релевантными для стран назначения и могут не быть в равной степени применимыми в странах происхождения. Однако при этом следует отметить, что многие из полученных результатов касаются вопросов, являющихся актуальными для большого числа различных организаций, работающих во многих странах.

Барьеры культурного и языкового характера

Для некоторых из пострадавших оказанная им за границей помощь была в некоторой степени затруднена препятствиями культурно-языкового характера, которые мешали им в их общении в некоторых случаях с сотрудниками программ, а в некоторых случаях с другими бенефициарами программ. В ряде случаев это выражалось в своего рода ностальгии – желании поговорить с кем-то на своем родном языке, в своем и хорошо знакомом социально-культурном контексте. Одна из жертв торговли людьми, получавшая помощь в рамках одной программы вместе с бенефициарами различных национальностей, рассказала, какое облегчение она испытала от возможности общения с другими девушками из своей собственной страны:

«Потом приехали еще две девушки тоже [из моей страны], и это было так здоров. Совсем другое, когда рядом с тобой люди из твоей страны. А то до этого у меня все время было чувство, что меня не понимают, если говоришь с людьми другой национальности, говорящими на другом языке».

Как следствие этого, в тех случаях, когда жертвы не могут общаться друг с другом, помощь может приводить к некоторой изоляции. Одна из опрошенных рассказала, что в приюте она чувствовала отчуждение, когда люди одной национальности собирались вместе и говорили на своем родном языке.

«Мне было сложно, когда они все начинали говорить друг с другом. Я не понимаю [их] языка. Они разговаривали на своем языке, и я чувствовала себя одинокой. Когда вот так сидишь одна, думаешь, когда же они закончат разговаривать? Бред какой-то».

Языковой барьер между персоналом и бенефициарами также могут влиять на предоставление услуг. Одна из женщин-иностранок, которой была оказана помощь в Юго-Восточной Европе, не имела возможности воспользоваться психологической помощью из-за невозможности обеспечить услуги переводчика и ей пришлось, по ее словам, самой справляться со своими тяжелыми моментами. Другие пострадавшие рассказывали о своих неуклюжих поначалу попытках наладить общение с персоналом и другими бенефициарами и те трудности в общении, которые явно оказывали влияние на качество оказания любого вида помощи:

«Иногда бывают плохие моменты. Но мне удастся их преодолеть. Я немного понимаю других, и они немного понимают меня, так что мы общаемся. Мало-помалу они начали понимать меня. Нам как-то удается понимать друг друга».

«Поначалу было трудно. Я просила своего брата переводить все, что я говорила».

В некоторых случаях иногда приглашались переводчики, однако, это скорее было роскошью и не всегда оправдывало себя с финансовой точки зрения, тем более в значительных масштабах. Одна из женщин, имевшая лишь ограниченный доступ к услугам переводчика, нашла возможность общаться при помощи одной из штатных сотрудниц, которая могла изъясняться на ее родном языке: «Еще там была одна женщина, которая раньше работала у нас [в моей страны]. Она немного умела говорить [на моем языке]. Переводчика мне дали дважды».

Кроме того, определенные барьеры в плане программ помощи могут создавать и факторы культурного характера, о чем говорила одна из пострадавших, получивших помощь в рамках программы в другой стране.

«Я чувствовала себя некомфортно. Я ощущала, что они меня не понимают, и мне нужно было поговорить с кем-то еще. Но я попала сюда и встретила здесь людей, с которыми я могу говорить. Я почувствовала, что кто-то может меня понять. Я почувствовала себя лучше, раз кто-то слушал меня. Я не могла все выразить [на том языке]. Я не понимала всех слов. А может быть дело было не только в языке, может быть дело было еще и в том, что мы не из одной страны».

Еще одна из жертв отметила, как хорошо было бы, если переводчики, персонал и бенефициары были бы тоже из ее страны или, во всяком случае, понимали бы некоторые культурные и социальные аспекты и нравы, или соприкасались с ними: «Она за нами ухаживала. Она была из моей страны, но уже шесть лет жила там [в одной из стран Европейского Союза]... Она на самом деле была замечательная девушка. Так хорошо относилась ко всем к нам».

Как уже неоднократно отмечалось во многих программах по противодействию насилию в семье, способы вмешательства разрабатываются исходя из мировоззрения профессионалов, являющихся в основном выходцами из среднего класса, и это сказывается на структуре программ (в соответствии со стандартизированными нормами в отношении питания, стиля изложения, ухода за детьми, одежды и т.д.). Это может означать, что предоставляемая помощь не всегда или не полностью отражает потребности или мировоззренческие и понятийные ценности иностранных граждан или бенефициаров. Кроме того, следует отметить, что барьеры имеют отношение не только к языку как к таковому, но к средствам коммуникации, принятым в той или иной культурной среде (Arora 2004: 8). Подобным же образом, в исследованиях с участием женщин-иммигранток или беженцев нередко отмечались сложности в плане передачи информации и предоставления услуг при наличии языковых и культурных барьеров. Например, в одном исследовании о предоставлении услуг по помощи женщинам-иммигранткам в Канаде, подвергшимся дурному обращению, говорится о том, что и персонал, и бенефициары постоянно сталкиваются с препятствиями культурного и языкового характера. В контексте ряда культур не принято делиться проблемами личного характера, хотя именно на таком общении и строятся многие программы по оказанию помощи. Ориентированность некоторых программ на индивида может быть проблематичной для женщин, представляющих общества и культуры, где жизнь рассматривается как соотнесенная с семьей и общиной категория, и ориентация на независимую жизнь расходится с таким пониманием себя и собственного места (Arora 2004: 13-15; Fulbright 2004). Важно отметить – и об этом говорилось в контексте психиатрической помощи, – что желание и готовность воспользоваться предоставляемыми услугами обусловлено другими релевантными в культурном плане переменными, такими как возраст и пол (Hollifield 2002: 421). Эти вопросы находят понимание и среди пострадавших. Одна из жертв торговли людьми из Юго-Восточной Европы говорила о своем ощущении некоей разобщенности между ней и сотрудниками зарубежного центра по оказанию помощи, к которым она относилась с большой симпатией и чувствовала от них постоянную поддержку. Однако она ощущала некую оторванность от персонала, с которым она общалась за границей.

Учитывая тот факт, что культура определяет предоставляемые услуги, существует потребность в большем внимании к конкретной социальной и

культурной динамике, которая влияет на процесс восстановления нормального состояния и реинтеграции. Этот фактор приобретает тем большую важность, поскольку многие из пострадавших временно и даже постоянно находятся в странах назначения. В других сферах предоставление услуг предполагает помощь в преодолении целого комплекса факторов стресса, связанных с жизнью в условиях новой страны/культуры, в частности, обеспечение доступа к незнакомым ранее видам услуг, общее ознакомление с законодательством страны, предоставление соответствующих услуг с учетом факторов культурного и языкового характера, учет вопросов культурного характера в связи с правом на частную жизнь, стигмой и чувством стыда, внимание к контролю, осуществляемому со стороны семьи и сообщества в отношении решений и т.д. (Cooper et al 2004: 30-32). В связи с некоторыми конкретными видами помощи культурные барьеры проявляются особенно наглядно. Имеется, в частности, в виду психологическая помощь, где необходимо учитывать культурные переменные, а также то, каким образом эффективно и правильно работать с лицами, представляющими различную социальную и культурную среду (Hollifield 2002:421).

Доступ к информации о помощи и услугах

Ключевым аспектом подхода, ориентированного на усиление возможностей возвращения к нормальной жизни, является то, что пострадавшие в результате торговли людьми активно вовлечены в процессы и полностью информируются о касающихся их решениях и возможных вариантах их дальнейшей деятельности. Для этого им следует предоставить исчерпывающую информацию о целом ряде вопросов, в том числе и о различных видах помощи, доступных в их стране или же за рубежом, возможностях их участия в этих программах, также о том, как можно подключиться к программам помощи на текущем или же на более позднем этапе. Одна из женщин, возвращавшихся из Евросоюза, напрямую контактировала с программой помощи, функционирующей в ее стране, и имела возможность принять соответствующие решения еще до своего возвращения домой.

«Я говорила (с директором НПО в моей стране) по телефону. Она рассказала мне о программе помощи, цель которой заключается в том, чтобы помочь девушкам, оказавшимся в такой же ситуации, восстановить силы, обрести веру в себя, реинтегрироваться в общество. Она мне рассказала все о помощи, которую они предоставляют. Правда я вначале испугалась, но тут же сказала себе, что надо поехать и увидеть самой, как там обстоит дело».

Одна из женщин, вернувшаяся домой и связавшаяся с одной из организаций, тоже осталась довольна полученной информацией: «Она очень понятно объяснила

мне, какие имеются возможности помощи и кто может ее предоставить». Получение подробной информации является важным для пострадавших как с точки зрения стабилизации, так и для последующего планирования и принятия решений.

При этом следует отметить и то, что другие опрошенные не всегда имели доступ к информации, актуальной с точки зрения реабилитации, в частности, информации о возможностях предоставления помощи – как за рубежом, так и у них на родине:

«Я ничего не знала о таких службах раньше, до того, как меня продали. И по приезду я тоже ничего о них не знала. Мне повезло, что мама обнаружила где-то эту информацию. Когда меня продали, я думала, что спасти тебя никто кроме полиции не может, но они все такие коррумпированные».

Трудно найти такие службы... Пострадавшие часто не знают, куда обратиться за помощью.

В ходе собеседований жертвы в странах назначения спрашивали у членов исследовательской группы об имеющихся возможностях помощи в своих странах и просили предоставить им контактную информацию, поскольку службы по противодействию торговле людьми еще не проинформировали их о различных возможностях и вариантах предоставления помощи. В целом ряде случаев жертвы участвовали в программах помощи уже в течение нескольких месяцев и при этом не имели никакой информации об имеющихся в их странах возможностях оказания помощи. Необходимо усовершенствовать процедуры с тем, чтобы предоставить больше информации жертвам о возможностях помощи, имеющихся в их странах происхождения для того, чтобы повысить их шансы на успешную реинтеграцию (ср. Brunovskis & Surtees, Rosenberg 2006, Surtees 2005, 2006a).

Следует также отметить, что некоторым из пострадавших была предоставлена неполная или недостаточная информация, как это было в случае женщины, которая в течение длительного времени не могла вернуться в свою страну, и получала помощь в другой стране. Ей было важно получить точную и полную информацию, даже если она была бы не очень обнадеживающей. Она предпочитала заранее знать реальную ситуацию, даже если бы на это потребовалось несколько месяцев.

«Я спросила у них, когда я смогу вернуться домой. Они сказали – завтра. Мне пришлось там остаться на два года... Да, я спросила, почему мне пришлось остаться так долго. Когда они пришли утром, я спросила, нужно ли мне приготовиться ехать домой. А они сказали: «Вы не поедете домой, тебе придется снова остаться здесь». Я им говорю: «Но вы же сказали, что я поеду домой», а они отвечают: «Вы не поедете домой, пока мы не решим, что делать дальше»... Они сказали мне, что будет суд. Но никакого суда не было».

Если даже некоторая информация и предоставлялась, многие из жертв торговли людьми считали ее недостаточной.

«Они не сказали мне, что дом был безопасный. Они только сказали, что это был частный дом или же что я буду жить в какой-нибудь гостинице. Они сказали, что сами даже не знают, где находится этот дом. Они сказали мне не бояться, что все будет со мной в порядке. Они сказали, что это не тюрьма, что никто не будет меня никуда помещать против моей воли. Все только согласно моей воле. Они также сказали, что у меня будут все необходимые условия – спать, есть, что никто меня не будет пытаться, что я могу оставаться сколько захочу».

Если в некоторых странах жертвы торговли людьми имели очень четкое представление о своих программах реинтеграции и сами принимали самое деятельное участие в принятии решения, то в других программах дело обстояло иначе. В качестве примера можно привести одну женщину, которая на вопрос о том, сколько она еще будет оставаться в приюте, ответила лишь, что ей никто еще об этом ничего не сказал: «Они-то знают, а мы нет, не знаем. Я не знаю, сколько еще мне здесь придется остаться – два месяца, три или все десять». Далее, в ходе беседы она сказала: «Я знаю, что я не смогу оставаться здесь долго. Я не знаю точно, сколько времени я могу оставаться здесь, но знаю, что не бесконечно, Мне некуда идти. Мне нужна работа».

Следует отметить и то, что пострадавшие располагали ограниченной информацией о других программах и организациях, которые могли бы оказать им ту или иную помощь – связанную или не связанную с оказанием помощи именно жертвам торговли людьми, помощь со стороны государственных или негосударственных служб и т.д. Информация, которую они получали, как правило, предоставлялась им через поставщиков услуг по оказанию помощи. Сами же они не контактировали активно напрямую с возможными каналами по оказанию помощи самого различного направления. Это означало, что во многих случаях пострадавшим приходилось ограничиваться услугами одной организации или же ее сети, а не полным спектром услуг и возможных видов помощи (Bjerkan 2005, Surtees 2005a). Один мужчина, ставший объектом торговли людьми и вывезенный на территорию бывшего Советского Союза, был идентифицирован и получил помощь при содействии церкви. Вернувшись домой, он располагал информацией только о тех услугах, которые предоставляются через эту, оказавшую ему помощь, сеть:

«Я не имел ни малейшего представления, к каким организациям можно обратиться за помощью. Я знал только о церкви, куда меня направили верующие люди [в стране назначения]. Я не знал, что кроме государственных организаций существуют еще и НПО».

Принимая во внимание то, что все организации – и правительственные, и неправительственные – располагают ограниченными ресурсами, сотрудничество и координация между ними рассматривается в качестве важного фактора. Привлечение максимально большого числа специалистов и профессионалов по всем возможным аспектам противодействия торговле людьми дает возможность обеспечить более широкую идентификацию жертв торговли людьми, а также обеспечить им доступ к широкому спектру услуг. Во многих ситуациях сотрудничество между различными агентствами не только расширило диапазон возможных видов помощи для пострадавших, но и помогло избежать дублирования услуг. В ряде случаев жертвы рассказывали, каким образом предоставление услуг предусматривало поддержку и помощь со стороны ряда агентств. История, рассказанная одной женщиной, хорошо иллюстрирует сказанное. Она создала малое предприятие при помощи одной организации, которая специализируется именно в этом направлении. Дела у нее шли хорошо, но вдруг один из членов ее семьи заболел, и она встала перед необходимостью потратить заработанные средства на оплату медицинской помощи. Тогда эта организация переадресовала ее к другим организациям, которые помогли ей урегулировать вопросы с медицинской помощью для члена ее семьи, что дало возможность этой женщине заниматься и далее своим бизнесом, жизненно необходимым для благосостояния и этой женщины и ее семьи. Важность сотрудничества и координации (равно как и доступ к информации) была отмечена одним из бенефициаров:

«Я заметила, что эти организации сотрудничают очень хорошо... Они очень чутко и внимательно отнеслись ко мне. Мои потребности были учтены обеими организациями».

«Мне нравится наблюдать, как эти организации сотрудничают друг с другом и то, что они разные означает, что они могут предоставлять различные виды помощи».³⁷

Речь идет не только о сотрудничестве между различными организациями и координации их деятельности внутри страны, но и в транснациональном

³⁷ С другой стороны, некоторые из пострадавших говорили об отсутствии сотрудничества между различными агентствами и о том, как иногда бенефициарам приходилось сталкиваться с некоторой напряженностью и соперничеством, существующими между некоторыми из организаций:

«Я также заметил один неприятный факт. Они в присутствии бенефициаров начинают говорить плохие вещи о других организациях. Они сказали, что эта организация монополизировала жертв торговли людьми, что никто не может и близко подойти ни к этой организации, ни к ее бенефициарам, что она заставляет бенефициаров работать взамен получаемой ими помощь, что они запирают своих бенефициаров как в тюрьме, и т.д. Это все очень удивительно».

контексте. В одном из исследований, проведенных в Юго-Восточной Европе, поставщики услуг по оказанию помощи говорили об отсутствии подробной и точной информации о наличии и уровне деятельности служб по реинтеграции в странах происхождения, что не дает им возможности предоставить жертвам достоверную информацию о полном спектре различных вариантов оказания помощи, существующих в странах происхождения: «Нам необходимо иметь более тесные контакты с организациями в других странах, в особенности в странах Евросоюза. Мы знаем НПО нашего региона, но сейчас нам нужны связи со странами Евросоюза» (Surtees 2006a).

Наличие информации о службах в странах происхождения означает, что агентства будут иметь возможность сделать обоснованный выбор другой организации в рамках процесса адресации жертв торговли людьми и предоставить им информацию о всем спектре услуг, которыми они могут воспользоваться по возвращении домой – независимо от того, предоставит ли им эти услуги принимающая организация или же они будут переадресованы к другой организации. Ограниченность коммуникации между программами означает, что жертвы торговли людьми могут быть переадресованы к другой организации, и при этом принимающая организация не будет проинформирована о данном деле и не будет располагать необходимыми сведениями (Surtees 2006a).

Важным также является доступ к информации о помощи и поддержке в среде общества в целом. Пострадавшим в результате торговли людьми был задан вопрос о том, в какой степени существующие возможности помощи известны и доступны людям – жертвам торговли людьми или же членам общества вообще.

«Думаю, что жертвы торговли людьми не знают, к кому можно обращаться за помощью. Теперь там [в том городе] представители этой организации ходят по школам. Проводят дискуссии, раздают брошюры...»

«Это хорошо... Жаль, что у меня не было такой информации, когда я училась в школе. Думаю, что она бы очень мне пригодилась».

«Я ничего не знала об этом [о такой помощи]. На самом деле я даже сейчас не очень много знаю о помощи. У нас дома нет ни телевизора, ни радио. И газет мы не читаем... Я бы ничего не узнала бы о помощи, если бы они [поставщики услуг по оказанию помощи] сами бы со мной не связались первые».

«Я ничего не знала о тех услугах, которые доступны у нас [в стране]».

Отвечая на вопрос о том, как они сами распространяли бы информацию об имеющихся возможностях получения помощи, жертвы торговли людьми нередко

имели очень ясное представление о том, как это следует делать и, кроме того, как это можно было бы сделать лучше конкретно в их случае:

«Я бы очень понятно, простыми словами объяснила ей, какие виды помощи имеются, а потом взяла бы ее за руку и привела бы ее в ту организацию, в которой была сама... Я бы познакомила ее с сотрудниками приюта... Я бы дала ей немного времени, чтобы лучше освоиться там, и тогда она бы постепенно начала верить тому, что я говорю».

Такой подход используется некоторыми организациями, которые приглашают пострадавших прийти, посмотреть, что им предлагается и, кроме того, встретиться с другими бенефициарами. Принять решение им, как правило, предлагается лишь на этом этапе, однако если они откажутся от помощи, им, тем не менее, предоставляется возможность вернуться сюда позже. Один психолог так сформулировал суть этой стратегии: «Одно дело сказать им о помощи, а другое – показать ее им» (Brunovskis & Surtees 2007). Разговор с жертвами о том, какая именно информация им нужна, в каком формате, и на каком языке, требует соответствующего образовательного уровня. Не менее важно предоставить им время на осмысление информации для того, чтобы они могли принять обоснованное и тщательно продуманное решение.

Доступ к правосудию

Многие из лиц, ставших объектом торговли людьми, согласились принять участие в судебном процессе над торговцами людьми, сделавших их «живым товаром», хотя часто по разным причинам. В ряде случаев основным фактором мотивации была необходимость получения компенсации. Одна из жертв торговли людьми так пояснила свои намерения: «я решила сама свидетельствовать в суде. Я хочу, чтобы они вернули мне деньги, которые они получили, эксплуатируя меня. У нас [в моей стране] можно купить дом в деревне за 300-800 долларов. Я хочу получить эти деньги». В других случаях единственным и важнейшим аргументом для женщин свидетельствовать в суде против торговцев людьми было чувство мести. Vjerkan & Dyrliid (2006a:9) отмечают:

«К моменту, когда мы встретились с Жасминой, суд по делу о виновных в торговле людьми шел уже один год, и конца ему видно не было. Несмотря на все страдания и лишения, а также на исключительно большую длительность процесса, Жасмина неоднократно говорила, что она не жалеет о том, что согласилась свидетельствовать в суде. Она сказала, что главная причина, по которой она решила участвовать в процессе, было

желание отомстить. Торговец, продавший ее за границу, оторвал ее от дочери, которую она не имела возможности видеть несколько месяцев. В течение этого времени дочь Жасмины находилась вместе с ее бабушкой, у которой бывали запои. Жасмина знает, что продавшая ее женщина – мать маленького ребенка, и она считает, что наилучшая месть для нее – это заставить ее страдать так же, как пришлось страдать Жасмине, от вынужденного расставания с ребенком».

В других случаях жертвы торговли людьми давали согласие на дачу свидетельских показаний из-за стремления обезопасить себя (и других) и не волноваться о возмездии со стороны торговцев людьми:

«Не то, чтобы я сразу стала думать по-другому. Но вспоминая те ужасы, через которые мне пришлось пройти, было бы безопаснее, если эти люди будут находиться в тюрьме».

«Если бы преступников посадили в тюрьму, мне было бы намного спокойнее».

«Вскоре после возвращения домой с «Юлией» связались из местной полиции и попросили ее дать свидетельские показания против тех, кто сделал ее объектом торговли людьми... Основная причина, по которой она согласилась свидетельствовать, заключалась в том, что ей хотелось помешать им продолжать заниматься своей деятельностью. Она узнала, что те же самые люди завербовали и подвергли эксплуатации большое число девушек, и она чувствовала себя обязанной сделать что-то, чтобы не допустить, чтобы и другие люди испытали бы те же страдания». (Bjerkap & Dyrliid, 2006a:10)

В целом ряде случаев жертвы торговли людьми приняли участие в судебных процессах, в результате которых в отношении виновных были вынесены приговоры. Одна из жертв пояснила: «Я дала показания против них [торговцев людьми] и выиграла дело. Я была рада, что их наказали». Но следует отметить, что доступ к правосудию чреват большими трудностями, нередко связанными с реальным риском для жизни жертв торговли людьми и серьезными последствиями для них. В тех случаях, когда жертвы торговли людьми согласились принять участие в уголовном расследовании и судебном процессе, многие из них были недовольны тем, что информация о процессе стала достоянием гласности. Одна из жертв пояснила, что необходимо было сделать иначе: «Предоставить более квалифицированную правовую помощь и обеспечить более надежную государственную защиту свидетелей, которые дали показания против торговцев

людьми». Другой пострадавший в результате торговли людьми был очень недоволен тем, что суд так и не наказал виновников торговли людьми, и при этом не смог обеспечить защиту для него или членов его семьи. Он выразил сожаление по поводу того, что проинформировал полицию:

«Им следует лучше защищать людей. Они, по крайней мере, должны обеспечить реальную защиту со стороны полиции, потому что моей сестре, к примеру, постоянно звонили от имени этих торговцев и говорили ей, что я угробил их бизнес и заставил потерять сотни миллионов, и что такое не прощают. Кроме того, полиция должна с нами обращаться иначе... Ты помогаешь государству, оказывается, понапрасну. Я то уж точно не сделал бы этого еще раз. Я думал, что поступаю правильно, потому что этот парень сделал столько плохого таким же, как я, людям и он мог продолжать делать то же самое и дальше. Однако, дав показания против него, я навредил себе, потому что с тех пор я постоянно в бегах. Это единственное, что меня мучает. Моя жена хоть и моложе меня, но точно умнее. Она говорила мне не давать полиции показания. Я поступил по-своему и вот оно как. Теперь уже ничего невозможно изменить».

Жертвы торговли людьми не всегда были уверены в том, что адвокат правильно ведет их дело. Одна из жертв торговли людьми в частности, рассказала о том, что ее адвокат постоянно кричал на нее, говорил ей, что от нее нет никакой пользы, и что он скорее поверит торговцам людьми, чем ей. Кроме того, эта женщина рассказала о том, что этот адвокат даже и не пытался учитывать ее интересы и того, что с ней произошло:

«Немного позже, когда суд тянулся уже полгода, он пытался уговорить меня отказаться от моих показаний. Он говорил: «она твоя родственница, ты должна ее пожалеть». Это меня просто шокировало. Он настаивал на этом и, в конце концов, я сказала суду, что мне жаль свою родственницу».

Кроме того жертвы торговли людьми жаловались на то, что правоохранительные органы или судебные органы не предоставляли им информации о ходе расследования по их делам, и они находились в неведении о том, как продвигалось дело:

«Отношение полиции было примерно таким... «Оставьте нас в покое, у нас дела гораздо важнее».

«Единственное, что бы я все еще хотела бы сделать и, кстати, сказала себе, что обязательно это когда-нибудь сделаю, это – позвонить полицейскому

там [в стране назначения], который вел наше дело, потому что мне интересно, чем все это закончилось».

«Нет, они не связались со мной. Я пошла и спросила, было ли что-нибудь новое. Я сказала, куда я уезжала, что я делала. Они сказали, что ничего нет... Они бы позвонили, если бы были какие-нибудь новости».

Жертвы торговли людьми высказали разочарование по поводу того, что расследования по делам, связанным с торговлей людьми и последующие судебные процессы нередко длятся буквально годы.

«Это уже продолжается больше года, а конца еще не видно. То одного адвоката нет, то другой не пришел».

«Да, я хочу, чтобы этих людей наказали. Когда я вернулась домой, я подала заявление в нашу, местную полицию. Но пока ответа нет. Социальный работник говорит, что за мое дело может взяться отдел по борьбе с торговлей людьми. Мы даже вместе [с социальным работником] пошли туда. Я там дала показания. Потом меня несколько раз пригласили в полицию для дачи показаний, и на этом все закончилось. Прошло уже четыре года, а результатов никаких».

Отрицательные впечатления высказывались жертвами торговли людьми и в связи с судебным процессом, который, по мнению многих, просто сбивал с толку, был малодоступен и воспринимался ими как нечто, на что они не могли иметь никакого влияния:

«У меня такое ощущение, что судья говорит на чужом языке, он произносит слова, которые я не понимаю, а потом забываю спросить у адвоката, что они означают. Когда я дал показания в полиции, они взяли у меня паспорт, но еще не вернули его».

«Прокурор отклонил мое дело. Полиция по борьбе с организованной преступностью подготовила материалы по делу. Они сказали, что все будет в порядке, но когда дошло до суда, прокурор отклонил дело... Один раз я позвонила в полицию и спросила насчет моего дела. Офицер полиции сказала, что была удивлена, узнав, что дело не принято к рассмотрению, потому что она правильно подготовила дело и собрала достаточное количество свидетельств. Она сказала, что не понимает, почему прокурор отклонил дело».

Этот вопрос особо остро воспринимается жертвами торговли людьми с относительно низким уровнем образования, однако является актуальным

вопросом для жертв торговли людьми вообще, да и для населения в целом. Оказание помощи в плане понимания процесса, своего участия в нем является жизненно важным и может сыграть роль не только с точки зрения ощущения жертвой торговли людьми собственной безопасности, но и с точки зрения ощущения собственной силы.

По мнению некоторых из жертв, в ряде случаев непривлечение виновников к судебной ответственности было связано с коррупцией. Одна из жертв указала на вероятность дачи взятки в связи с делом, по которому проходили люди, продавшие ее. Суд постановил, что виновные должны были заплатить штраф, и не приговорил их к тюремному заключению: «Прокурор потребовал приговорить их к лишению свободы сроком на 18 лет, с отбыванием половины этого срока в тюремном заключении, но судья вынес приговор, по которому каждый из торговцев должен был заплатить штраф в размере 1000 долларов, после чего их должны были освободить... Их даже не наказали... для них тысяча долларов – это сущий пустяк».

Для некоторых из жертв непривлечение виновников к судебной ответственности имел серьезные последствия с точки зрения угрозы возможной мести с их стороны. Многие говорили о постоянном страхе, который разрушающим образом действует и на самого человека, и на членов его семьи:

«Я боюсь... потому что люди, против которых я свидетельствовала, могут узнать, где я... Это узнать несложно... Они мне уже угрожали раньше... Одна девушка из приюта сказала мне, что торговцы иногда платят девушкам, живущим в приюте, для того, чтобы вытащить оттуда тех, кто дал против них показания. Я боюсь. Брат этого торговца уже отбыл срок в тюрьме. От них можно ждать чего угодно. Мне везде страшно: дома, или когда я выхожу, чтобы забрать дочь из детского сада, даже сейчас на это собеседование, я пришла вместе с мамой».

«Я не хотела идти в полицию. Мне было страшно. Но я подумала, что так или иначе – они все равно навредят мне. Если они узнают, что я вернулась, они захотят снова заполучить меня и уж точно навредят. Вот я и подумала, что лучше пойти в полицию и все им там рассказать. Я так и сделала, и их даже задержали. Но потом их выпустили. Я сказала полиции, что они были сутенерами, я им рассказала все. В полиции их взяли под стражу, правда, на одну ночь, потому что на следующий день пришел их друг [иностранец] и поговорил с полицейскими. Он сказал, что они работают у него, и их отпустили. После этого полиция ничего не предприняла».

«Было очень тяжело, и я боялась возвращаться домой. Мне страшно, потому что они все еще на свободе. Они все еще заставляют девушек работать

на них, заниматься проституцией. Я знаю об этом от своей подруги. Они сидят себе припеваючи дома, никто им ничего сделать не может, а девушки боятся».

«Нет, я совсем не чувствую себя в безопасности. Я все время жду, что в любой день они [торговцы] придут за мной, все семейство того одного типа, которого арестовали. . . За помощью обратиться не к кому, или попросить, чтобы тебя спрятали где-нибудь. Надо будет самой что-то сделать».

Вопросы безопасности

Как сами жертвы торговли людьми, так и те, кто занимается противодействием торговле людьми, говорят о необходимости должного внимания к рискам для безопасности при оказании помощи в стране назначения или транзита, а также по возвращении пострадавших домой. Жертвы торговли людьми и их семьи могут стать объектом мести со стороны торговцев людьми, в частности, в тех случаях, если они свидетельствуют против в них в суде или делают заявление в полиции. После возвращения домой жертвы торговли людьми также могут оказаться перед риском насилия или же вновь стать объектом торговли, в особенности в тех случаях, когда торговец людьми живет в том же регионе, что и они.

Жертвы торговли людьми говорили о том, что они не чувствуют себя в безопасности из-за возможности встречи с теми, кто сделал их объектом торговли (или их родственниками или пособниками).

«Когда мне сказали, что я возвращаюсь [в свою страну], я подумал о том, что меня ждет. Я знал, что некоторые все еще находятся на свободе и я боялся вновь попасть в их лапы».

«Вчера я говорила с моим консультантом о том, что мне немного страшно. Они [торговцы] знают, что я здесь [в столице]. Это указано в моем заявлении, – что я нахожусь в приюте здесь [в столице]. Я не хотела, чтобы суд об этом знал. Меня туда направили инспекторы, но они точно не знают, где я. Город большой, но все же. . . Иногда, когда я думаю об этом и иду по улице, я оборачиваюсь, и мне все время кажется, что они где-то рядом, следуют за мной. Я нервничаю».

«Я знаю, какую угрозу они представляют, что это за люди, – поэтому я боюсь».

«Из-за этого я уже два года переезжаю с места на место. Я снимал квартиру больше года, потом мы перебрались к теще, потом нам и оттуда пришлось съехать, потому что они узнали, где мы. Мы снова переехали – к

родственникам моей жены. Мы не знаем, сколько мы еще там останемся. Я думаю, единственное, что можно сделать – это выехать из страны. Моя сестра сказала мне, что они угрожали сбить меня на машине, если найдут».

«Вы знаете, я живу очень близко [от торговцев]. Между нами только одна деревня, и все знают, что происходит в другой деревне. Трудно, очень трудно. Каждый раз, когда я еду домой, несмотря на радость побыть дома на праздники, у меня екает в сердце и мне становится страшно. Никогда не знаешь, что произойдет. Даже если я не буду выходить в город или на дискотеку, они все равно могут тебя подкараулить, когда ты выходишь за хлебом или же в магазин. Ничего сложного, впихнут в машину и все. Они ничего не боятся».

«Его посадили в тюрьму и приговорили к 15-ти годам, но он подал на обжалование... Не могу сказать, что я недовольна, но у него есть родственники, и я не могу чувствовать себя на 100 процентов в безопасности. В один прекрасный день я уйду отсюда [из приюта], ведь придет день, когда мне надо будет уйти. Не то, что я боюсь, но все же знаю, что там я не буду в безопасности».

Многие также говорили о проблемах, с которыми могут столкнуться их семьи или же родственники и соседи.

«Я думаю о маме и о сестре и боюсь, что с ними что-то может случиться из-за меня. Как они поймали и избili мою маму, точно так же они могут пробраться ночью в дом, снова их избить и никто об этом не узнает».

Один из вопросов, который обратил на себя внимание в ходе бесед с жертвами торговли людьми заключался в том, насколько детально они были проинформированы о рисках для безопасности в ходе дачи свидетельских показаний. Одна из женщин, согласившихся свидетельствовать в суде, достаточно беспечно отнеслась к вопросу о собственной безопасности: «Да, я с удовольствием дам показания против него. У меня нет оснований бояться. Я ничего такого не сделал, чтобы бояться. Справедливость на моей стороне». Такое отношение никак не соотносилось с проблемами, с которыми столкнулись другие жертвы торговли людьми в той же стране, согласившись участвовать в судебном процессе против тех, кто стал виновниками их несчастий. Естественно, напрашивается вопрос, была ли эта женщина подробно и адекватно проинформирована о возможных рисках и степени безопасности для себя и своих близких.

Важно отметить, что не все проблемы, имеющие отношение к безопасности, предполагают возмездие или насилие со стороны торговцев людьми. Жертвы

торговли людьми могут столкнуться также с насилием со стороны соседей или других представителей своего сообщества после возвращения домой из ситуации, где они насильственно принуждались к занятию проституцией. Одна из пострадавших рассказала о том, как ее изнасиловали мужчины из собственного села на каком-то сельском празднике, сказав ей при этом, что раз она занималась сексом с незнакомыми мужчинами за границей, то почему нельзя сделать то же самое и с ними (Brunovskis & Surtees 2007). Еще одна жертва торговли людьми, вывезенная в одну из стран Евросоюза, рассказала о том, как была изнасилована ее подруга в своем же селе: «Одна девушка, которая вернулась домой из-за границы, рассказала мне, что ее изнасиловали соседи; они сказали ей: «Ты можешь спать с иностранцами, так что, ты откажешь нам?»».

В ряде случаев, в адрес жертв торговли людьми звучали угрозы, было насилие, и риски для их безопасности были вполне реальными:

«Та женщина, которая продала меня, подкараулила меня, когда я шла в полицию и пригрозила ножом. Я знала, что она не шутит, она же и своего мужа пырнула ножом. Она сказала, что убьет меня, если я не откажусь от своих показаний. Я сказала в полиции о том, что она угрожает мне. В полиции меня попросили написать заявление о том, что мне угрожают, и все. Они несколько дней обещали, что задержат ее, но не сделали этого, потому что не было улик. При чрезвычайных обстоятельствах я должна была позвонить в местное отделение полиции. Когда мне назначили адвоката, я рассказала ему обо всех этих угрозах, но он не обратил на них внимания, только сказал: «Она не убьет тебя... не бойся... забудь». Один полицейский из местного отделения тоже пригрозил мне пистолетом, потребовал, чтобы я отказалась от своих показаний. Я рассказала об этом своему адвокату; он написал какую-то записку и попросил передать ее полицейскому. Когда полицейский прочел так называемую «жалобу» (на ней не было даже подписи адвоката), он рассмеялся мне в лицо и сказал убраться подальше».

«Он [торговец] сказал мне: «Ты посадила моего брата в тюрьму, рано или поздно я убью тебя».

«Когда я пришла домой, они меня уже ждали. Их было, кажется, семеро. Они кричали на мою мать, на меня. Я ничего не могла сказать. Они пригрозили, что убьют меня, если я не вернусь обратно. Они сказали, что заплатили за меня и что я должна вернуть какие-то деньги».

Некоторые из жертв торговли людьми сказали, что они столкнулись с некоторыми проблемами, а в одном случае и с проявлением насилия из-за того, что приняли участие в судебном процессе против виновников своих невзгод:

«Нет, суд ничего не решил. Они все на свободе. Как только я выйду [из приюта], они найдут и убьют меня».

«Это очень опасно. У меня было столько проблем, когда я пошла в суд. Каждый раз приходится входить через потайной вход, выходить с охраной... Говорю вам, каждый раз проблемы. У входа его жена напала на меня. Меня тогда спас мой адвокат. Я так испугалась тогда, не поняла, что она там делала. Я видела ее там два или три раза и удивилась, что она там была [в этом городе]. Она схватила меня за рукав, но мой адвокат защитил меня. Потом она снова на меня напала перед кабинетом судьи. Потом они разрешили мне войти раньше назначенного времени, чтобы сделать заявление... Ну, ладно, я знаю, что в суде со мной ничего не произойдет. Но они мне угрожают... Они между собой так говорят: «Смотри, как они ее охраняют. Но ведь не вечно же будет так. Мы найдем ее и убьем». Я знаю, что в суде я в безопасности, но эти слова пугают меня».

«[Дома] мне страшно. Потому что я участвую в судебном деле против них. Прокурор отклонил мои показания, а они [торговцы] поймали мою маму, избili ее, угрожали ей, а полиция ничего не сделала».

Вопросы, касающиеся безопасности, тем более значимы на общем фоне недостаточной степени защищенности жертв торговли людьми, даже во время судебного разбирательства. Некоторым из опрошенных защита была предоставлена.

«Даже полиция не разрешила нам войти в зал суда, потому что это было небезопасно. Мы всегда входим в суд по каким-то тайным проходам. Нас где-то прячут. В конце, когда нам уже было невмоготу, они вызвали главного инспектора полиции, и он прикрепил к нам инспекторов для охраны».

Однако многим защита предоставлена не была.³⁸

«Когда я пошла в полицию, я это сделала с одним условием. Я знала, что если я расскажу что-нибудь об этом семействе, мне несдобровать. Так вот,

³⁸ Лишь трое из 364 жертв торговли людьми, которых представлял «Центр по предупреждению торговли женщинами» (СРТВ) в Молдове, была предоставлена государственная защита на этапе уголовного расследования и в зале суда. Жертв часто принуждали встречаться лицом к лицу с торговцами, по чьей вине они были проданы, непосредственно в зале суда (СРТВ 2006:14-5). Другие организации, занимающиеся противодействием торговле людьми, также говорили о недостаточной степени защиты жертв, свидетелей в большинстве стран, хотя некоторые из жертв пользовались защитой на более неформальной основе, благодаря личному участию преданных своей работе полицейских, юристов или сотрудников судов.

я сказала в полиции, что я сделаю заявление только в том случае, если они обеспечат мне защиту. Они согласились, но после того, как я сделала заявление, они так ничего и не сделали. Я им сказала, что эти люди преследуют меня, а полицейские мне в ответ говорят, чтобы я пришла к ним, если что-то произойдет. Я спросила их, как я, по их мнению, смогу придти в полицию, если меня собьет машина? Потом они мне позвонили еще раз и сказали придти в полицию, только мне больше уже не хотелось. Какой смысл был туда идти. Не нужно было ничего рассказывать в полиции».

«Они, по крайней мере, должны обеспечить, чтобы защита, которую предоставляет полиция, была бы реальной, потому что моей сестре, например, звонили эти торговцы и говорили, что я им угробила бизнес в сотни миллионов и что такое никто не прощают».

В одном случае риски для безопасности были связаны с тем, что правоохранительные органы нарушили принцип анонимности жертвы и предоставили информацию о деле средствами массовой информации:

«Полицейский сделал заявление для прессы. Там он указал мое имя и фамилию... Все газеты пестрили этой информацией. «Девушку вытащили из лап преступной группы... Девушку зовут так-то и так-то... она живет там-то и там-то... ей столько-то лет... она была замужем... у нее есть сын... сына зовут так-то...». Это был шок. Я больше уже не могла... Они не оставляли меня в покое, они угрожали мне. Многого произошло. Их задержали, заключили под стражу, но держали только 48 часов, а потом выпустили. У них не было доказательств».

При отсутствии индивидуальных, проводящихся на постоянной основе, оценок риска трудно сделать заключение о том, в какой степени недостаточный уровень физической защищенности представляет собой риск для жертв торговли людьми. Кроме того, следует отметить, что реальные риски, с которыми сталкиваются жертвы – как те из них, которые предприняли действия в отношении людей, виновных в том, что с ними произошло, так и тех, кто предпочел воздержаться от таких действий -, равно как и случаи возмездия и насилия в отношении жертв, не изучены в достаточной степени. Однако не вызывает сомнения, что многие из жертв – и во время пребывания за границей, и после возвращения домой – не чувствуют себя в безопасности. Многие из жертв торговли людьми столкнулись с весьма реальными проблемами с точки зрения собственной безопасности, которые должны были быть учтены полицией и организациями, помогавшими им на различных этапах их возвращения к нормальной жизни. Оценка риска должна проводиться на

постоянной основе и в связи с теми или иными изменениями ситуации, в которой находится жертва торговли людьми. Риски могут изменяться в зависимости от ситуации, времени, местонахождения и участия жертвы торговли людьми в уголовном судопроизводстве. Важно, чтобы поставщики услуг по оказанию помощи, равно как и правоохранительные органы могли бы также просчитывать потенциальные будущие риски при осуществлении тех или иных действий. Предоставление временных (или постоянных) видов на жительство является одним из возможных средств для преодоления прямых рисков для безопасности жертв торговли людьми³⁹, и в ряде стран Юго-Восточной Европы иностранным жертвам торговли людьми предоставляются временные виды на жительство на то время, пока рассматривается вопрос относительно дальнейших действий в отношении данного лица. В ряде случаев это предполагало возможность долговременного проживания в стране наряду с возможностью участия в программах социальной помощи.

Эффективное решение вопросов, имеющих отношение к безопасности, связано в регионе Юго-Восточной Европы с серьезными проблемами. Правоохранительные органы могут не располагать достаточными ресурсами для обеспечения должного уровня безопасности и/или не чувствовать свою ответственность в этом плане. Защита свидетелей требуется как в странах назначения, так и в странах происхождения, причем часто на всех этапах судопроизводства – т.е. до, в ходе и после судебного разбирательства, хотя потребность в защите свидетелей носит более долговременный и выраженный характер, если человек выступает в качестве свидетеля в собственной стране.

Для некоторых жертв решение принять предложение о помощи в рамках программы безопасного убежища было напрямую связано с угрозами в отношении жертвы торговли людьми и членами ее/его семьи или же соображениями более общего характера, касающимися безопасности.

«Пока я пришла в центр, они [торговцы] каждый вечер стояли у моего дома. И даже если бы я позвонила офицеру и сказала ей, что буду находиться дома, что она может сделать, если я нахожусь у себя в деревне, а она в городе?»

«Если у меня будут деньги, то когда я выйду отсюда обязательно найму специального агента полиции, чтобы он меня охранял. Потому что даже если этот парень будет в тюрьме, я все равно не чувствую себя в безопасности за стенами этого центра».

³⁹ Временные виды на жительство выдаются в семи странах Юго-Восточной Европы; согласно Директивы Совета ЕС 2004/81/ЕС по вопросу о видах на жительство, страны Евросоюза обязаны предоставлять возможность жительства лицам, ставшим объектом торговли людьми.

Хотя вопросы безопасности отмечались многими из пострадавших, необходимо также отметить, что многие из жертв не сталкивались с угрозами мести и спокойно вернулись к себе домой. При отсутствии систематически проводимых оценок риска трудно говорить с уверенностью о том, в какой степени вопрос безопасности является наиболее актуальным вопросом для жертв торговли людьми. Не вызывает сомнения, что уровень риска является далеко не одинаковым для всех пострадавших, и есть множество случаев, когда вопрос безопасности лишен своей актуальности. Хотя многие из служб, занимающихся противодействием торговле людьми говорят, что лучше уж перестраховаться и быть готовыми к ситуациям, характеризующимся высокой степенью риска, следует помнить о том, что за такой подход приходится зачастую платить жертвам торговли людьми. Если особых причин тревожиться по поводу безопасности нет, то излишнее внимание к этому вопросу может помешать процессу реабилитации и обретения психологического равновесия жертвой торговли людьми. Они могут начать испытывать стресс и волнение по поводу собственной безопасности, что может стать препятствием к их возвращению домой или же к «нормальной жизни». Необходимо тщательно сбалансировать возможные риски для безопасности с вниманием к повседневной жизни жертв торговли людьми и необходимости помочь им вновь вернуться к нормальной жизни.

Виды программ, правила и ограничения

Все программы имеют собственные правила и ограничения. Цель их заключается в том, чтобы обеспечить гладкое функционирование программ, избежать возникновения проблем в связи с безопасностью, предупредить возникновение конфликта между бенефициарами, скорректировать проблематичность поведения и не допустить преследования жертв со стороны тех, кто продал их и сделал «живым товаром». При этом следует отметить и то, что бывают ситуации, в которых существующие правила и ограничения могут не соотноситься с потребностями бенефициаров или же с их общими характеристиками.

В последнее время в большей или меньшей степени обсуждается вопрос о необходимости анализа и оценки некоторых из правил и ограничений, введенных в резидентных программах как для жертв торговли людьми, так и для жертв других форм насилия (Brunovskis & Surtis 2007; Brunovskis & Surtis готовится к изданию в 2008 г.). Вопросы, касающиеся существующих в приютах правил и ограничений неоднократно затрагивались в беседах с жертвами торговли людьми, как важные и вызывающие беспокойство. Важным в контексте данного исследования является то, каким образом эти правила и ограничения воспринимаются самими жертвами торговли людьми.

Правила и предписания касались целого комплекса вопросов, в т.ч. распорядка дня, расписания, общения и контактов за рамками программы, а также свободы

передвижения. Ознакомление с правилами пребывания в приюте нередко бывало темой одной из первых бесед, которые проводились с жертвами торговли людьми при их приеме в различные программы помощи, предусматривающие пребывание в специальном приюте.

«Социальный работник вошла в приют вместе с нами, и там была еще одна женщина, которая там работала. Ну и они вместе рассказали о жизни в приюте, о приеме пищи и т.д., о том, что мы сами будем для себя готовить и убирать. Они объяснили, какие правила существуют в приюте... Нельзя пользоваться телефоном и приносить спиртное. Нельзя приносить алкогольные напитки, нельзя никому говорить, где находится приют и так далее... Я отдала свой мобильный телефон персоналу приюта».

«[О правилах] Никаких телефонов, никаких прогулок, никакого спиртного. Это все для нашего же блага».

Ниже представлены мнения жертв торговли людьми о наиболее распространенных правилах и предписаниях, причем основное внимание уделяется тому, как эти правила и предписания воспринимались ими самими, как бенефициарами этих программ.

Распорядок дня и расписание

В большинстве приютов имеется четко установленный распорядок дня – прием пищи, занятия, время сна. Цель расписания состоит в том, чтобы обеспечить соблюдение определенного порядка, избежать конфликтных ситуаций и обеспечить нормальное функционирование данного заведения. Однако некоторые из опрошенных (в большинстве своем взрослые) отмечали ограничительный характер этих расписаний и распорядков, причем ограничения, по их мнению, зачастую не были обусловлены никакой необходимостью. Многие считали, что некоторые из правил предполагали обращение с ними как с детьми, – например, отбой на «тихий час» или инструкции о том, что есть можно и чего нельзя.

«Она мне, например, сказала: «У нас тут только завтрак, полдник и обед. Надо есть, не пропускать ничего. После – никакой еды».

«В приюте было отлично. Но проблема была в том, что нам надо было вставать в установленное время, а потом снова идти спать во время отдыха – с двух до четырех. К примеру, нас будили где-то от девяти до десяти. А потом у нас с двух до четырех снова был отбой. Потом ты снова просыпаешься и идешь спать в одиннадцать вечера. Мне, к примеру, это не нравилось. Нам не разрешали смотреть телевизор во время дневного отдыха. Мне это не нравилось».

Некоторые из жертв торговли людьми считали нецелесообразным строго установленный распорядок в отношении времени приема, да и вообще правила в отношении приема пищи.

«Еще одна вещь, из-за которой я чувствовала себя не в своей тарелке, заключалась в том, что в один день я почувствовала голод, но мы уже закончили есть. Я пошла и взяла масло, и тут одна из девушек, работающих в центре, вдруг говорит мне взять его и положить обратно туда, откуда я его взяла. Все напряглись. В конце концов, эта девушка объяснила мне, что сначала мне следовало спросить разрешения».

«[О приготовлении пищи] Потом, к примеру, допустим, ты что-то не любишь, но все равно обязана есть. Когда я ем то, что не люблю, мне противно. Я с детства не ем жира. Когда я вижу, что кто-то ест жир, мне становится дурно».

«Нам не разрешали пить кофе больше двух раз в день. Мне это не нравилось».

«Но если тебе захочется чего-то такого, чего в меню нет, социальный работник не разрешит. Тебе дают только то, что указано в меню... Если мы идем, чтобы взять бутылку воды, она идет вместе с нами, чтобы проверить, что мы берем. Она боится, что мы еще что-то возьмем. Она на днях считала, сколько осталось бутылок, банок и всего такого».

«Ну, еще мы жаловались на пищу. Нам хотелось чего-нибудь сладкого. Нам дали небольшую вазочку с шоколадным кремом. Но это ерунда для двенадцати девушек, просто ерунда... Нет, едой я недовольна».

«Но если ты пожалуешься, тебе скажут: «Ты требуешь кофе каждые полчаса». Кто-то уже пожаловался. Мы имеем право просить. Эта еда была предназначена для нас».

Как правило, те программы, где бенефициарам была предоставлена относительно бóльшая степень автономии в плане своего распорядка дня – как то: приготовление пищи, время сна, досуг и т.д. – более положительно воспринимались жертвами торговли людьми.

Общение и контакты вне программы

Программы, функционирующие в странах происхождения и назначения, имеют очень жесткие ограничения в плане общения и контактов с людьми вне данных

программ. Например, во многих программах мобильные телефоны у бенефициаров отбираются на все время их пребывания в приюте или в центре:

«Первое, о чем у меня спросили [в приюте] – это есть ли у меня мобильный телефон. Первое, что они сказали – это то, что в приюте не разрешается иметь телефон. Нас это шокировало. Как я могу быть без телефона?»

«Были ограничения в связи с телефонными звонками, и нередко звонить можно было только в присутствии социального работника».

«За все время, пока мы были там [за два с половиной месяца], домой позвонить разрешили три раза».

«У меня только одно возражение – я не могу звонить своим. Можно звонить домой только раз в месяц. Но этого недостаточно. Все остальное хорошо. Хотелось бы чаще говорить с моими детьми и с родными. Все остальное просто отлично».

«Нас разрешается звонить из приюта только раз в месяц. Наши могут звонить нам чаще, но мы можем звонить только раз в месяц. Мой сын сказал мне, что у него нет денег, чтобы позвонить».

«[О контактах с родными] За полмесяца до возвращения мне дали возможность позвонить домой и сказать папе, что я возвращаюсь домой».

Нередко такая практика объясняется тем, что пострадавших в результате торговли людьми необходимо изолировать от тех, кто сделал их «живым товаром», и что телефонные контакты могут поставить под угрозу безопасность приюта.⁴⁰ Однако если такая практика оправдана в начальный период после их злоключений, со временем она должна корректироваться в зависимости от ситуации и в соответствии с конкретными потребностями конкретных жертв торговли людьми. Следует отметить, что одной из жертв были даны предписания, которые постепенно корректировались, и ограничения на пользование телефоном, к примеру, постепенно были смягчены. Такой подход, который, как представляется, более созвучен целям реинтеграции, был положительно оценен жертвой торговли

⁴⁰ Одна из жертв торговли людьми из числа иностранок отметила парадокс, заключающийся в том, что ее телефонные разговоры контролировали социальные работники, не знавшие ее родного языка:

«Да, конечно [всегда кто-нибудь есть]... они обязаны следить, кому мы собираемся позвонить... мне это не нравилось, но опять-таки. Когда я говорю на своем языке, они ничего не понимают».

людьми: «Да, теперь я могу [пользоваться мобильным телефоном]. Где-то месяц [мне не разрешали]... да, где-то месяц, может быть даже и меньше».

В некоторых программах очень строго контролируются также контакты с родными, и встречи с членами семьи нередко проводятся в присутствии персонала приюта или даже представителей правоохранительных органов. В некоторых случаях это делалось по просьбе бенефициаров, а в других случаях – согласно существующим требованиям в отношении безопасности. Однако, такой подход не всегда представляется необходимым или даже желательным, и необходимо задаться вопросом о том, насколько можно говорить о реинтеграции при таком жестком контроле. Жертвы торговли людьми отмечали важность контактов с членами семьи в процессе восстановления сил и реабилитации:

«Я больше не могла оставаться там [в приюте] и хотела вернуться [в свой город]. Я хотела жить с моей тетей и иметь возможность встречаться с отцом и с моими младшими братьями, которые живут вместе с мамой. Я не хотела там больше оставаться».

«Сейчас я нуждаюсь в моих близких родственниках, в моих друзьях. Я остро ощущаю потребность жить не здесь, чтобы почувствовать себя немножко иначе. Потому что когда ты все время где-то заперт, весь день не выходишь, приходят неприятные мысли. Мне ужасно грустно».

Необходимо учесть, что контакты жертв торговли людьми со своими родными, будь то личные встречи или телефонные разговоры, оказывают потенциально стабилизирующее и успокаивающее воздействие на них. Заслуживает внимания тот факт, что некоторые из жертв торговли людьми покинули программы или решили отказаться от предложенной помощи именно из-за таких ограничений на общение и контакты со своими родными и друзьями (Brunovskis & Surtees 2007).

Свобода передвижения

Во многих странах жертв торговли людьми размещают в приютах закрытого типа, что в целом объясняется соображениями правового характера (в странах назначения жертвы торговли людьми из числа иностранцев не имеют соответствующих документов, которые бы дали им право свободного передвижения по стране)⁴¹, а также соображениями безопасности (риск возмездия со стороны торговцев людьми). Однако во многих случаях такие ограничения используются

⁴¹ Такое правовое требование в последнее время частично смягчено благодаря возможности получения временного вида на жительство, которое в настоящее время выдается в семи странах Юго-Восточной Европы, а также в ряде стран Европейского Союза.

и там, где внимание к подобным правовым вопросам или соображениям безопасности лишены сколь либо серьезных оснований. Как отметила одна из жертв торговли людьми: «У меня никаких особых жалоб нет – за исключением того, что мне не разрешали выходить из приюта. У меня не было причин сидеть взаперти. У меня никаких проблем нет, и никакого риска. Меня никто не разоблачал. Я очень скоро попросила дать мне возможность работать, потому что мне очень надоело сидеть взаперти». В большинстве программ, функционирующих в странах Юго-Восточной Европы, используются различные подходы, предусматривающие использование моделей закрытого типа даже в тех случаях, когда они ориентированы на реинтеграцию. Такой подход все еще встречается повсеместно, однако в последнее время реализуются также и программы, предусматривающие использование более открытой модели резидентного ухода.

Собеседования с жертвами торговли людьми, которым была оказана помощь как в странах назначения, так и в странах происхождения показали, что в качестве проблемы интервьюируемые чаще всего отмечали сложность адаптации к жизни в закрытом приюте, хотя уровень связанного с этим фактором стресса был различным.⁴²

«Мне хотелось покинуть этот дом, даже просто выйти на улицу. Потому что было ощущение, что ты в тюрьме. Там на окнах были решетки. У тебя ощущение, что ты в тюрьме. Нельзя выходить на балкон... как в тюрьме. Везде решетки. Как будто в темнице».

«Ну, мне было грустно, знаете ведь, что такое быть взаперти. Целый день нечего делать. Но я привыкла к правилам».

«Например, там были правила насчет того, куда можно было выходить. Нам не разрешалось выходить из центра, и нас не выпускали, если только мы не шли в строительный центр. У меня было ощущение, что я снова в полиции, как заключенная».

«Мы там были просто заперты. Хотя там было удобно, я себя чувствовала как птица в золотой клетке... Я понимала, что я умудрилась нарушить визовый режим, что у меня не было паспорта... Я понимала, что нужно соблюдать все правила... потому что я была там нелегалом».

⁴² Этот фактор отмечался также и в других регионах, например, в Азии, где лица, пострадавшие в результате торговли людьми говорили об ограничениях, с которыми связано пребывание в программах оказания помощи на базе приюта: «После того, как нас вызволили, нас держали в приюте семь месяцев. Нам приходилось проходить медицинские осмотры, и врачи были очень строги с нами. Мы жили в приюте в строгом режиме. Некоторые из девушек во время своего пребывания в приюте даже попросили отправить их обратно в бордель или же вернуть их домой» (ILO 2006:8).

«Было неплохо. Вначале у меня были проблемы в связи с правилами, потому что нельзя было выходить одной, как я делала там [за границей]. Но вскоре я привыкла».

«Нам не разрешалось выходить... Психологически это очень сложно... Одна девушка едва не сошла с ума прямо у меня на глазах».

«Я думаю, главное – свобода... В течение двух с половиной месяцев я сидела взаперти среди четырех стен... Я билась головой о радиатор, колотила стены кулаками. Я просто сходила с ума. Когда я поговорила с директором и узнала, что должна буду находиться там еще два или три месяца, я чуть не умерла. Я запротестовала».

«Тебя не выпускали со двора одну, если тебя кто-то не сопровождал. Как в тюрьме. Мы целый день сидели, кушали и смотрели телевизор».

Одна девушка, которой было в момент оказания помощи шестнадцать лет, рассказала, как она обрадовалась известию о том, что она должна будет пойти к доктору на медосмотр, потому что это означало, что она выйдет из приюта:

«Ну, когда мне сказали, что я должна буду пойти к доктору, я обрадовалась, потому что я могла выйти на свежий воздух. Я прямо не могла дождаться этого момента. И еще, мы должны были поехать на такси и туда, и обратно. Я так радовалась, что смогу оттуда выбраться».

Некоторые из опрошенных отмечали, что закрытая модель оказания помощи заставила их поставить под сомнение правильность своего решения воспользоваться предложенной помощью:

«Обстановка там была, как в квартире. Может быть, плохо было то, что тебе не разрешалось никуда выходить... Было бы хорошо выходить хотя бы ненадолго, а то сидеть взаперти два с половиной месяца – от этого можно сойти с ума. Я может быть и не согласилась бы [если бы знала, как будет ограничена моя свобода]. Может быть, я не знаю».

«Да. Я сказала: «Я не пойду в тот приют; я не могу находиться в замкнутом пространстве. Хватит с меня замкнутого пространства, хватит с меня дурного обращения». А они сказали: «Это не дурное обращение, там ты будешь чувствовать себя хорошо, ты там останешься сколько хочешь. После этого тебя переведут. Они решат, куда тебя следует отправить». [Я сказала:] «Не хочу я туда идти».

Эти наблюдения согласуются с результатами других исследований, которые выявили, что введенные в рамках программ ограничения, такие как ограничение свободы передвижения, в определенных случаях приводили не только к проблемам в плане реализации программ, но и к тому, что жертвы торговли людьми вообще отказывались от помощи (Brunovskis & Surtees 2007). В других исследованиях также поставлена под сомнение целесообразность использования закрытых моделей оказания помощи во всех случаях, в особенности там, где степень риска для безопасности невысока и где требуются услуги по реинтеграции (Brunovskis & Surtees 2008; Reiter 2005:17; Rosenberg 2006). Кроме того, стоит отметить, что в «Рекомендуемых принципах и руководящих положениях по вопросу о правах человека и торговле людьми» особо подчеркнута необходимость защиты права жертвы торговли людьми на свободу передвижения и обеспечения того, чтобы меры по противодействию торговле людьми не нарушали бы этого права (UNOHCHR 2002).

В некоторых странах имеются возможности размещения, которые основываются на менее ограничительном подходе и допускают бóльшую степень свободы для бенефициаров. В некоторых программах задействована многоэтапная модель приюта, предназначенная для различных этапов помощи жертвам торговли людьми – приют для оказания экстренной помощи, предусматривающий кратковременное пребывание на начальном этапе, затем приюты для оказания начальной помощи, предусматривающие пребывание в течение двух-трех месяцев и, наконец, автономный дом для размещения жертв торговли людьми в процессе ре/интеграции (Kvinnoforum 2003: 11). Одна из жертв из числа граждан одной из стран Юго-Восточной Европы, ставшая объектом торговли людьми на территории одной из стран Европейского Союза, первоначально находилась под угрозой, в связи с чем ей не было разрешено свободно передвигаться, однако со временем это ограничение было снято. Она рассказала о времени, проведенном ею в этих условиях:

«Время шло быстро. Я занималась спортом, упражнялась, они предложили самые разные программы. Нам разрешалось выходить на прогулку. Мы только должны были сказать, куда мы идем и на сколько времени. Если мы хотели пойти в парк, мы говорили, что идем в парк. На очень долго нас не выпускали, потому что это было небезопасно. Торговцы живут там [в той стране], так что было безопаснее, если бы они нас не нашли. Так что мы говорили сотрудникам приюта, куда мы идем и что мы делаем. На самом деле они всегда знали, чем мы занимались».

Некоторым жертвам торговли людьми помощь была оказана за границей в рамках программ, где им была предоставлена бóльшая степень свободы, чем в странах происхождения, где основная цель помощи заключается в содействии реинтеграции и переходу к самостоятельной жизни. Важно отметить возможное

противоречие между этими целями и закрытой моделью оказания помощи. Одна из жертв так описала то время, которая она провела за границей в рамках программы помощи:

«Правила были не такие уж строгие. Нам разрешалось выходить дважды в неделю. Я к примеру, выходила два дня подряд в субботу и воскресенье вместе с моими подругами из центра. Нам давали деньги на прогулку. Они только требовали, чтобы мы говорили им, куда идем, каким транспортом мы собираемся воспользоваться – автобусом или поездом – и чтобы мы возвращались бы вовремя. Это зависело от того, когда мы выходили. Если у нас возникали какие-то проблемы, и мы не могли добраться домой, всегда был кто-то, кто заезжал за нами на машине».

Для того, чтобы определить, насколько необходимо иметь различные типы приютов (закрытый, открытый или же с особыми условиями), нужно обязательно учитывать оценку степени риска в отношении конкретных жертв торговли людьми, а также соответствующую правовую базу. Однако не менее важно учитывать и общие цели программы, такие как экстренная помощь, вмешательство для преодоления кризиса или же долгосрочная реинтеграция.

Взыскания и наказания

Ряд программ предусматривал использование взысканий и наказаний в тех случаях, когда правила не соблюдались. В различных программах предусматривались различные санкции, равно как и те проступки, за которые бенефициары могли быть наказаны.

«Да, наказания были. Если ты что-то делала не так, то приходилось сидеть в комнате целый день ... Например, если ты что-то сделала нехорошо или же подралась с другими. Я подралась с одной девушкой».

«Ну, например, если ты что-то разбила, если отказываешься что-то сделать по дому, то тогда ты идешь в свою комнату и сидишь там».

«Нам всех наказывали. Нас отправляли в наши комнаты и запрещали выходить».

«Если мы приходили поздно, то нас не выпускали... Пока они не передумывали».

По мнению некоторых из жертв, наказания были важным элементом для обеспечения нормального функционирования такого заведения как приют. При

этом не все предписания воспринимались бенефициарами как одинаково важные, и многие из жертв отмечали, что их наказывали за то, что, по их мнению, было не более чем незначительное нарушение правил:

«Один раз они застали меня у окна и дали предупреждение. Было очень странно получить предупреждение за такую ерунду. Но теперь я успокоилась. Но это все равно несправедливо. Это просто окно, и ты смотришь в него. И даже если мы просто оставляем окна открытыми, они думают, что мы из них выглядываем. Но ведь это не значит, что если мы оставим окно открытым, я буду глядеть в него целый день».

«К примеру, если тебе куда-то хотелось пойти, надо было отметить в специальном журнале и указать время возвращения. Если ты опаздывал даже на несколько минут из-за транспорта, тебя наказывали».

В других случаях наказание воспринималось как слишком строгое и вызывало проблемы для бенефициаров.

«А если я начинала драться с кем-то, потому что меня дразнили. За драку меня наказывали, заставляли присесть 200 раз. Из-за этого у меня был приступ аппендицита».

«Правила у нас такие: подъем, застелить постель, подмести и убрать комнату, сделать утреннюю зарядку. Если не выполнишь все это, тебя наказывают. . . Они заставляют тебя делать что-нибудь еще потяжелее, чем уборка комнаты или утренняя зарядка; или они удержат твою зарплату за неделю».

Неподчинение правилам и предписаниям

Бенефициары возражали против правил, которые казались им лишены смысла или же чрезмерно строгими. Например, одной из жертв, у которой, по мнению полиции, особых рисков в плане безопасности не было, правила запрещали бывать у своей матери, которая жила в том же городе, где был расположен приют. Ей ограничили даже возможность говорить по телефону и разрешали звонить матери только один раз в неделю. Учитывая то, что целью программы была реинтеграция, невозможность общаться с близкими вряд ли могла способствовать достижению поставленной в программе цели.

«Я могла пойти к маме, но я обязана была возвратиться в десять вечера. Они отпускали меня. Я возвращалась в десять. Но это меня огорчало – почему я должна возвращаться в десять? Почему мне нельзя остаться у мамы ночевать?.. Мне было неприятно, что я не могу выходить, не могу

звонить маме, когда мне этого хочется, и должна ложиться спать в одиннадцать. Это меня расстраивало. Это же не армия».

Другая жертва торговли людьми рассказала, как эти ограничения повлияли на ее усилия построить отношения и ограничили степень ее автономии, что является важной составной частью реабилитации.

«Было бы совершенно нормально, что если бы я встретила кого-то, то сказала бы, что живу в приюте. И я бы пришла сюда и сказала, что я встречаюсь с одним человеком и хочу выйти вместе с ним. Я встретила с этим парнем в видео-клубе, мы встречаемся уже года два, он приглашает меня выйти вместе с ним, но я не могу, потому что мне нужно быть дома к десяти. Что я должна была ему сказать, почему мне нельзя выйти, почему у меня нет телефона? Мы всего этого лишены. Мне может быть хочется опьянеть. Иногда прямо чувствую, что мне это нужно... Почему они должны все контролировать, говорить мне, что можно, а что нельзя? И куча всего, что нельзя было делать. Я удирала [в соседний город], пила там, а потом возвращалась в приют и говорила ... Я даже не помню, что я там врала».

Для того, чтобы поддержать порядок и не допустить возникновения напряженности и конфликтных ситуаций, важно иметь правила. Следует отметить, что многие из бенефициаров приютов говорили о том, насколько важны были правила для них – участников программы. Одна из обитательниц приюта рассказала, как недовольна бывала она, когда другие обитатели нарушали существовавшие в приюте правила: «Социальные работники старались говорить с ними, объясняли им, как нужно вести себя, учили их правильным вещам, но эти девушки просто нарушали правила и все. Из-за кого-то одного все должны страдать. Мне это не нравится. Если бы мне нужны были проблем, я бы осталась дома. Я уже устала от проблем, они у меня были каждый день. А сюда я пришла, чтобы побыть здесь спокойно, и заниматься своими делами». В других случаях опрошенные бенефициары программ говорили о том, что правила, установленные в программе, придавали чувство уверенности и вовсе не были излишне обременительными:

«Никаких крепких напитков, никаких наркотиков... ни о чем не распространяться. Нельзя никому давать свой номер. У нас есть телефон, но мы может звонить только в том случае, если номер не будет идентифицирован. Мы должны обязательно знать, кому мы звоним. Звонить можно только по городскому номеру, а ноль заблокирован».

«Во-первых, нельзя заниматься проституцией. Тебе поверили на слово. Единственное правило состоит в том, что нельзя заниматься проституцией. Ты можешь учиться, можешь работать, все это можно.

При этом все же следует отметить, что многими из жертв торговли людьми – подавляющее большинство которых составляли взрослые женщины – некоторые из правил и предписаний воспринимались как проблематичные и даже препятствующие нормальному течению процесса реабилитации.⁴³

В целом, следует отметить, что для бенефициаров было важно, чтобы правила не были бы чрезмерно обременительными или бессмысленными. Некоторые из жертв отмечали, что они не имеют ничего против правил, если они согласуются с теми правилами, которым люди обычно следует, живя дома:

«Ну, обычные вещи... Правила были такие же – никаких крепких напитков, никаких наркотиков, не выдавать адрес, не слишком часто выходить, если выходишь, надо обязательно кому-нибудь сказать. Вначале мы обязаны были отчитываться постоянно. Вначале, в течение месяца или полутора можно было только до одиннадцати, а потом уже нам разрешали выходить иногда и на дольше... Ну, в принципе там были какие-то правила, в принципе нельзя делать того, что ты не сделаешь дома. Не такие уж они строгие. В принципе, разумные ограничения, не так как в тех приютах, где с правилами переусердствовали».

«Правила были нормальные. Никаких крепких напитков в квартире. Нам рассказали о правилах до того, как мы туда переехали. Дома надо было быть к одиннадцати вечера. Если у тебя утром какие-то обязанности, нас не интересует, что ты поздно ложишься спать, обязанности есть обязанности». Это делалось для нас же самих. Было очень хорошо. И мы получали деньги. [В наши обязанности входили] школа, работа. Пропустишь три раза, и до свиданья. Они работали вместе с нами. У нас установилось доверие. Для них было важно не то, будем ли мы дома к одиннадцати; нет, они просто хотели, чтобы мы соблюдали правила».

Несколько парадоксальным представляется то, что нередко правила не совсем одинаково выполнялись самими сотрудниками той или иной программы, что может быть расценено, как признание ими того, что некоторые правила являются чрезмерно обременительными или же попросту ненужными:

⁴³ Vjerkan & Dyrliid (2006) также отмечают, что некоторые из жертв торговли людьми считали правила и предписания обременительными:

«Весна рассказала нам, как трудно ей было находиться в реабилитационном приюте. У нее было такое ощущение, что персонал стремится контролировать ее. Она узнала, что многие из женщин, которые находились именно в этом приюте, в конце концов снова оказались за границей, и тогда она подумала, что наверное контроль, который осуществляет персонал приюта имеет целью не допустить, чтобы это снова произошло с ней или с другими женщинами, живущими там».

«Два месяца нас повсюду сопровождали, а потом отпустили. Полицейский, который нас охранял, просто сказал «доверие». Мы уходим и возвращаемся, с двух по пяти».

«У нас отобрали мобильные телефоны. Ну, это ничего. Мне понравились социальные работники и психолог. Я приходила в кабинет, потом мы слушали музыку на компьютере. Нам разрешали проверять наши мобильные, посмотреть, не звонил ли кто. Мы могли отправить СМС, а потом возвращали им наши телефоны».

Некоторые из пострадавших побывали в различных приютах как за границей, так и у себя на родине, и они рассказывали о различиях в плане ограничений, существующих в различных видах программ. Одна женщина рассказывала, что в одной программе правила были очень пространные, с множеством различных ограничений:

«Нет, поначалу пользоваться телефонами не разрешалось. Телефон можно было включать раз в неделю, проверить СМС, обязательно в присутствии кого-либо из сотрудников. Нам не разрешалось отвечать на СМС. Я могла звонить маме или родителям раз в месяц, может быть два-три раза... Позднее нам разрешалось звонить подругам, потом друзьям и все. Сотрудники иногда отбирали у нас телефоны².

Она сравнивала это с опытом своего пребывания в программе, основанной на более открытой модели оказания помощи.

«Когда я попала сюда [в эту программу], увидела, что тут все строится на доверии. Нам разрешали звонить, у нас был и городской телефон, и мобильные. У нас все было, и нам доверяли. Нам давали все, но при этом как бы смотрели, не подведем ли мы их, не обманем ли их доверие. Так что поначалу вроде бы наблюдали, что произойдет и как. Так что нам как бы приходилось платить за все, что нам дали, потому что до этого нам никто ничего не давал».

Еще одна женщина из числа бенефициаров также сравнила свой опыт пребывания в закрытом приюте, куда она попала вскоре после освобождения из плена торговцев людьми, и программе открытого типа:

«Мы имели возможность свободно выходить, задерживаться на сколько угодно, иметь парней. Но нам не разрешалось говорить кому-либо, где мы живем или же приводить кого-нибудь... Но там на самом деле было

хорошо, хорошо и свободно. Совсем не так, как там [в закрытом приюте]. Это была катастрофа, настоящая тюрьма. Это было как какой-то дом, где ты себя чувствуешь ужасно».

Естественно, что существуют различия в том, какие правила необходимы в рамках той или иной программы, в зависимости от соображений безопасности тех или иных бенефициаров, а также целей программы. И, естественно, существуют ситуации, когда необходима закрытая модель и вытекающие из нее ограничения. Однако из бесед с бенефициарами становится ясно, что ограничения нередко обусловлены желанием перестраховаться и никак не основываются на индивидуальных потребностях бенефициара в плане защиты. При этом необходимо отметить, что в процессе исследования была получена информация о различных моделях, которые занимают особое место и могут рассматриваться в качестве примеров передовой практики. В некоторых программах помощь оказывается в несколько этапов, причем на начальных этапах применяются строгие меры безопасности, что дает жертвам торговли людьми возможность постепенно выйти из состояния стресса и избавиться от психологической зависимости от своих «хозяев» – торговцев людьми. Затем, на последующих этапах – обычно по прошествии нескольких недель, возможно, и месяца – некоторые ограничения снимаются, что дает возможность обеспечить более спокойное течение процесса реабилитации и возвращения к нормальной жизни.

Одна из опрошенных жертв торговли людьми рассказала о том, как правила в одной из программ постепенно корректировались с учетом мнений бенефициаров и на основе их потребностей и конкретной ситуации. В одной из программ некоторые из бенефициаров нарушили существовавшие в программе правила – в частности, задержались допоздна и выпили спиртное.

«Сотрудники об этом узнали... Объявили собрание, и я думала, что меня выгонят за то, что я не вернулась допоздна. Но вместо этого мы посидели и обсудили все, как нормальные люди – чего хочет каждый из нас, что нам нужно, и что они могут сделать, чтобы удовлетворить наши потребности. Ну, и я спросила, почему мне нельзя выходить, почему нельзя уезжать домой на субботу и воскресенье, почему всем остальным [из столицы] можно... Ну вот и первое, о чем мы договорились, это что домой отправиться можно и переночевать там. Потом на следующий день [социальные работники] пришли и сказали, что они решили разрешить нам выходить, когда нам захочется, даже «если хотите оставаться до четырех утра, пожалуйста»... Единственным условием было то, что все должны были выполнять свои обязанности, т.е. нельзя было опаздывать в школу, на работу. Ну и мы начали заниматься, как следует. Это был прорыв. Важно, когда тебе не навязывают

контроль... Свобода по-настоящему важна... Ты человек, независимо от того, что с тобой произошло в прошлом. У тебя есть проблемы, может быть, с самой собой. Но вот это как раз мне и было нужно – иметь возможность выходить, общаться, и не сидеть в приюте целый день, как будто ничего другого на свете нет».

Как было отмечено в связи с программами оказания помощи жертвам насилия, не существует универсальной модели «которая бы подходила всем», и люди могут попросту уйти, если им не нравится или если они не могут адаптироваться к каким-то моделям. Для некоторых из жертв ограничивающие правила ассоциируются с контролем над собой и чувством полного бессилия, которое они испытывали в условиях эксплуатации, от которой им удалось убежать. Некоторые женщины нуждаются в постоянном контроле, в особенности, тогда, когда они находятся в очень уязвимом положении; другим больше подходит модель оказания помощи в рамках группы, где они могут поддержать друг друга (Fulbright 2004). Важно учитывать эти динамические особенности при разработке и систематическом корректировании моделей оказания помощи жертвам торговли людьми.

Сложность процесса реинтеграции

Социально-экономическая среда, в которую реинтегрируется (или интегрируется) жертва торговли людьми, состоит из различных пластов или уровней – семья, община и общество – каждый из которых представляет различные интересы и ценности, которые в свою очередь влияют на процесс реинтеграции (Derks 1998: 15). Проведенные с жертвами торговли людьми собеседования выявили, насколько сложным для них может быть этот процесс и насколько редко ре/интеграция протекает гладко и без помех.

В большинстве случаев жертвам торговли людьми приходится возвращаться в ту же социально-экономическую ситуацию, которую они в свое время покинули и которая, собственно, и побудила их попытаться счастья за пределами своей страны. Помощь, оказываемая им, может способствовать решению ряда проблем, которые стояли перед ними до того, как они стали объектом торговли, и с которыми они столкнулись после, однако помощи этой, как правило, недостаточно для решения всего круга проблем, с которыми сталкиваются жертвы торговли людьми.

«Я выросла в очень трудных условиях. В доме моих родителей не было минимальных условий для жизни, не было еды, горячей воды; я уж ничего не говорю об уходе за детьми. Все что я видела – это ссоры и побои. Главная причина того, почему я оказалась в этой ситуации – это моя мать».

Реинтеграция и возвращение нередко отмечены особенно высокой степенью неуверенности и психологического напряжения, и эти чувства зачастую, хотя бы частично, обусловлены страхом вернуться домой, так и не выполнив цель, из-за которой человек решился уехать из дому. Одна из основных проблем в реинтеграции заключается в том, что жертвам часто не достает основы для реинтеграции – у них нет работы, нет денег и, кроме того, они могут пребывать в условиях нищеты (Bjerkan & Dyrliid 2006b). Помимо этого, социальная среда – семья и/или община – может включать в себя такие компоненты, которые не только не способствуют реинтеграции, но попросту подрывают ее.

Если говорить в целом, то следует отметить, что лица, ставшие объектом торговли людьми, сталкиваются с проблемами структурного характера, как то: отсутствие работы, высокий уровень безработицы, отсутствие помощи со стороны государства – которые невозможно разрешить опираясь лишь на программы помощи (как правило, достаточно маломасштабные).⁴⁴ Следует подчеркнуть, что несмотря на то, что многие из пострадавших довольны оказанной им помощью, они тем не менее подчеркивают потребность в трудоустройстве и экономической поддержке – т.е. тех факторах, которые и побудили их искать работу за пределами своей страны, – как ключевых аспектах реинтеграции.

«[О том, какие нужны услуги] Хорошо оплачиваемая работа... в нашей деревне рабочих мест нет... Единственное, что меня волнует, это то, что у меня нет работы. Я бы себя чувствовал гораздо увереннее, если бы у меня были деньги для того, чтобы содержать семьи».

«Теперь я со своей семьей. Для меня и для них это важно, – что я больше не нахожусь с человеком, который принес мне столько вреда. Я помогаю маме по дому и иногда прихожу сюда, чтобы встретиться с девочками. Но

⁴⁴ Программы предлагают пострадавшим в результате торговли людьми обучение навыкам, а также – в некоторых случаях – возможности создания малого бизнеса. Но эти обучающие курсы могут быть недостаточными для формирования навыков, необходимых для долгосрочного трудоустройства и, кроме того, они могут не быть востребованными в условиях местного хозяйства. Кроме того, жертвы торговли людьми могут не иметь возможности воспользоваться возможностью более долгосрочного обучения, когда они стоят перед настоящей необходимостью вносить свою лепту в бюджет семьи. Возможности малого бизнеса не всегда оказываются успешными для людей, пострадавших в результате торговли людьми и в некоторых ситуациях могут даже повысить степень их уязвимости. Если для развития малого бизнеса им приходится брать долг, это может подтолкнуть их к тому, чтобы вернуться снова в прежнее состояние, стать объектом торговли, чтобы вернуть долг. Кроме того, бизнес, который ведут жертвы торговли людьми, подверженные стигматизации со стороны общества, может не оправдать себя, поскольку члены общества могут попросту не хотеть поддержать таких людей или же с возмущением относятся к помощи, которая им оказывается (Derks 1998; Somach & Surtees 2995; Surtees 2000).

я не удовлетворена. Экономическая ситуация у нас очень тяжелая и мне нужна работа, чтобы содержать себя и семью».

Bjerkan & Dyrliid (2006b) пришли к заключению о том, что курс обучения, предложенный женщинам в процессе реабилитации, может способствовать успешной реинтеграции. Женщины, пострадавшие в результате торговли людьми, могут пользоваться большим уважением со стороны своих родственников и в своей среде, если они возвращаются домой с финансовыми средствами или иным ресурсами, такими как навыки работы, приносящей доход. В таких случаях женщины могут считать, что опыт злключения, связанных с торговлей людьми, трансформировался для них в нечто положительное. При этом, однако, следует учитывать, что даже те из них, кто сумел устроиться на работу, нередко высказывали точку зрения, что их зарплаты не хватает, чтобы удовлетворить все потребности или же что условия работы не дают возможности нормально жить со своей семьей:

«Да, я работала помногу, по двенадцать – шестнадцать часов. Я хотела что-нибудь найти с нормальным графиком, но ничего найти не удалось».

«Сейчас все нормально, правда небольшие трудности есть. Зарплаты не хватает. Мне предложили остаться в центре, когда я сказала, что хочу выйти и жить на квартире, потому что так будет лучше. Но я не хотела. Когда мы были в центре, у нас была очень хорошая еда. Теперь мы едва ли можем себе это позволить».

«Если бы они могла бы оказать какую-то помощь – деньгами или же продуктами. Зарплаты на продукты не хватает, хотя я живу одна и не плачу за электричество, воду или же квартиру. Но я еле дотягиваю до следующей зарплаты. Я уйду на работу в шесть утра и возвращаюсь в шесть вечера, а зарплаты здесь сами знаете, какие».

Следует в связи с этим отметить также, что жизнь за рубежом дала некоторым вкусить изобилия, достатка, который недостижим для них в собственной стране. В результате некоторые из лиц, ставшие объектом торговли людьми, могут решить для себя, что возвращение домой – в свою страну, сообщество или же семью – не является для них приемлемым или же желательным.

«Я хотела остаться [в стране назначения], но я также хотела вернуться к ребенку... Мне очень нравился стиль жизни [в стране назначения], и мне не хотелось уезжать».

«Мне просто было сложно психологически принять разницу между здешним стилем жизни – в селе, безо всяких условий – и теми роскошными

условиями жизни [в ЕС]. . . Мне казалось, что если я буду говорить с кем-то [из ЕС], я как-то ближе соприкоснусь с цивилизацией».

Достаточно часто жертвы торговли людьми сталкиваются с временными трудностями и даже «неудачами» в процессе помощи и реинтеграции. Реинтеграция не является гладким и ровным процессом, и жертвы могут оказаться перед необходимостью вернуться в программу на том или ином этапе, когда им необходима психологическая помощь или же помощь для преодоления более глубокой и серьезной проблемы. Некоторые из жертв торговли людьми временно возвращались в программы после определенного периода самостоятельной жизни – после конфликта в семье, экономического кризиса или же напряженности в личных отношениях. Во многих случаях оказанная им помощь обеспечила для них сетку безопасности, которой многим недоставало в пределах более широкой социальной среды. Такая возможность временного возвращения или обращения за помощью была для многих из жертв торговли людьми жизненно важной для их устойчивой реабилитации.

«Я раньше была в этом приюте, жила здесь шесть месяцев, но потом я решила переехать к своему парню. Это длилось один год. Мне пришлось снова подать заявление в полицию, и я снова встретила [с директором], и она почувствовала, что не все ладно и спросила меня, не хочу ли я вернуться. Она сказала, что я могу вернуться. Она произвела на меня впечатление».

«Социальные работники сказали мне, что дверь для меня всегда открыта. . . они сказали, что я могу вернуться в любой момент. Я согласилась, потому что не хотела идти к матери вот так [после ссоры]».

«Хозяйка магазина [мать моего парня] против наших отношений. Я работала целый день, потому другие девушки уходили, из-за ее характера. Она вечно орала на других, все время ворчала. Она уволила нас [и моего парня и меня]. В то время мы жили вместе. Но мы ссорились, потому что он был очень ревнивый. Так что я ушла и вернулась в приют».

В других случаях жертвы торговли людьми не возвращались в программы. По их словам, они возвращались к той деятельности, которой занимались, будучи «живым товаром» – в большинстве случаев к проституции – и видели в этом способ разрешения тех проблем, с которыми они столкнулись в процессе реинтеграции:

«У меня было много моментов, когда я хотела все бросить и вернуться на улицу, где я могла бы заработать для себя деньги. У меня были такие

моменты, когда я считала, что та жизнь гораздо проще. Вот эта жизнь на улице – она стала частью меня. Я так к ней привыкла».

«Когда я была дома с моими родителями, у нас не хватало еды, и я смотрела на улицу и думала, какой же у меня есть выбор. И казалось, что на улице можно сделать деньги».

В ходе собеседований выяснилось, что люди, ставшие объектом торговли, столкнулись с множеством неожиданных препятствий – социального, экономического и личного характера. В силу их незащищенности – являющейся следствием их злключения в результате торговли людьми или же в ряде случаев им предшествовавшей – эти критические моменты могут оказаться достаточными для того, чтобы сорвать их реабилитацию и реинтеграцию. Таким образом, гибкость, предусмотренная в программах – возможность вновь обратиться за помощью, готовность оказать поддержку на более поздней фазе, внимание к индивидуальным нуждам – учитывает тот факт – во всяком случае, частично, – что ре/интеграция не является гладким, ровным и быстро протекающим процессом.

В беседах со многими из жертв торговли людьми звучала мысль о том, как важно в процессе реинтеграции иметь людей надежных, на которых можно опереться. Для многих такая надежность ассоциировалась – во всяком случае, в течение какого-то времени – с персоналом программ помощи как из числа сотрудников НПО, так и из числа сотрудников государственных учреждений.

«Когда я прихожу поговорить [с социальным работником], я чувствую себя хорошо. Я обо всем думаю в течение недели, а потом прихожу поговорить с ней. Я все ей рассказываю, и мне становится гораздо лучше. Она меня понимает, и я ничего от нее не скрываю. Потому что у меня нет друзей, с которыми я могла бы поговорить и которым бы я доверяла».

«Да, она [социальный работник] спрашивает меня, когда я прихожу домой: «Ну, как дела в школе, посмотрим, что нам задали на дом». Ей это не безразлично, и все здесь не безразлично, но она спрашивает, получила ли я новые оценки в школе. Если что-то задано, я всегда говорю, и тогда она говорит мне: «Я проверю, выучи урок тогда-то и тогда-то, и если меня в этот день здесь не будет, попроси кого-нибудь проверить твои уроки».

«Когда я поссорилась с девочками, психолог пригласила меня к себе и мы разговаривали несколько часов. Она также разговаривала со мной, если видела, что я в плохом настроении. Она меня поддерживала морально. Благодаря этому, мне было легче».

«Теперь я очень рада, что я рассказала [социальному работнику] все, потому что она меня поняла и эмоционально поддержала. И я уверена, что если у меня будут в жизни какие-то проблемы или если меня нужно будет защитить, я всегда могу рассчитывать на поддержку [этой организации]».

Хотя продолжающаяся поддержка со стороны программ представляется действительно важной, она тем не менее не обеспечивает долговременного решения проблем, поэтому важно уделять также внимание созданию и переходу к другим сетям по оказанию помощи. Для жертв торговли людьми не менее важно пользоваться поддержкой и вне организаций, занимающихся противодействием торговле людьми, в частности, в кругу семьи, друзей или членов сообщества, которые наверняка будут играть важную роль в их последующей жизни. Программы поддержки должны также уделять внимание вопросу о том, как они могут работать в направлении активизации отношений в ближайшем окружении бенефициаров, которые были бы основаны на взаимной поддержке – это может предполагать работу с семьями, консультативные услуги, повышение информированности общества или различные формы помощи семьям (и даже сообществам) в целом. Жертвы торговли людьми говорили сами о важности таких межличностных отношений для их реабилитации:

«Я думаю, что опыт, связанный с торговлей людьми, забыть невозможно. Мне очень помогает помощь и поддержка со стороны моего мужа. Если бы он меня не поддержал, я бы, наверное, сошла с ума. Очень важно, чтобы рядом был близкий человек, который поймет тебя и поможет».

Как уравновесить самостоятельность и зависимость

Одним из наиболее сложных аспектов оказания помощи является правильное нахождение той грани, где оказание поддержки не будет создавать положение зависимости. В тех случаях, когда жертвам торговли людьми не хватает альтернативных форм поддержки – что встречается достаточно часто, в особенности, непосредственно после связанных с торговлей людьми злоключений – такая ситуация является далеко не простой. Многие из жертв во многом зависят от поставщиков услуг по оказанию помощи и тех услуг, которые ими предоставляются. Многие из жертв торговли людьми говорили о сотрудниках программ, как о своей «семье» и о том, как они любят этих людей и зависят от них.

«Когда я повстречала эту женщину из приюта, она для меня стала абсолютно всем в тот момент. Мать, отец – она для меня означала все».

«Да, мне сказали, что меня дома встретит социальный работник [из организации] и что мне будет оказываться всяческая помощь до тех пор, пока я не встану на ноги».

«Если у меня возникает проблема, я могу придти [к сотруднице приюта], и рассказать ей все. Она для меня как мать. Мне нечему было учиться у своей матери. Все, чему я научилась, я научилась у нее, в приюте».

Усилия, направленные на формирование психологической автономии у жертв торговли людьми, значительно затруднены в силу особенностей среды, в которой приходится действовать как социальным работникам, так и самим жертвам торговли людьми. Поставщики услуг должны с вниманием отнестись к тому, чтобы поддержка была сбалансированной, что предполагает, что помощь не должна быть излишней, что надо стать для жертв друзьями и «семьей», но лишь в краткосрочной и среднесрочной перспективе; следует помогать им решать проблемы, но при этом избегать формирования чувства зависимости и иждивенчества; стремиться разрешить их проблемы, помня при этом, что это может повредить их автономии. Bjerkan and Dyrliid (2006b) пришли к заключению, что многие из резидентов программ реинтеграции в очень значительной мере зависели от своих консультантов в плане советов и помощи по различным вопросам, что в целом-то дает консультантам большое влияние на своих клиентов и требует большой осторожности и деликатности для того, чтобы оказываемая помощь была бы сбалансированной и конструктивной.

Некоторые из опрошенных в ходе данного исследования явно стали зависимыми от получаемой помощи, и поставщики услуг по оказанию помощи столкнулись с трудной задачей сформировать у них самостоятельное отношение, выдвинуть на первый план автономию. Интересно в этом плане проанализировать заявление одной женщины, которая выразила желание получать помощь в течение длительного времени.

«Хочу попросить вас послать им мое письмо, потому что я не могу с ними связаться. В особенности, координаторам этой НПО. Я хотела бы попросить их оказывать мне помощь в течение какого-то времени после того, как я выйду из приюта, чтобы я могла жить одна».

В комментариях, высказанных другими жертвами, также звучит это чувство зависимости:

«Мне не понравилось, что эта помощь имеет свои границы. Невозможно дать мне жилье».

«Хорошо, что мне помогают, однако мне нужна повседневная помощь. Иногда я звоню на горячую линию и говорю им, что мне срочно нужно молоко для малыша, а они отвечают, что это невозможно».

«Я хочу, чтобы помощь мне оказывали постоянно, по моему требованию».

Важно также понимать, что условия эксплуатации также способствуют формированию чувства зависимости у жертвы торговли людьми. Одна из жертв насилия в семье и вместе с тем торговли людьми отметила, что она так долго находилась под контролем, что ей уже трудно представить себе, как она сможет вести самостоятельную жизнь: «Я все равно не жила своей жизнью, вечно была в чьих-то руках. Я без преувеличения была его рабыней. Пойди туда, сделай это, этого делать нельзя, этого нельзя, надо делать так или этак. Вот как я жила. Только по приказам».

Одним из ключевых аспектов для формирования самостоятельного отношения к окружающему миру является привлечение жертв торговли людьми к обсуждению их планов на будущее, их устремлений и чаяний. Однако сотрудники программ не всегда делают это. Одна из женщин, принявших участие в собеседовании, не имела ни малейшего представления о каких-либо планах на будущее и на вопрос о том, сколько еще времени она намеревается пробыть в приюте и что она собирается делать после, продемонстрировала полное неведение: «Я ничего не знаю. Со мной об этом никто не говорил». Другие также никоим образом не участвовали в обсуждении планов на будущее. Одна женщина, вывезенная в качестве «живого товара» в одну из стран Европейского Союза, отметила, что после того, как она сделала заявление в полиции, они привели ее в приют. На вопрос о том, обсуждался ли этот вопрос каким-либо образом с ней, она ответила: «Нет, они ничего у меня не спросили, сказали, что так нужно для моей безопасности. Я ничего не знала. Они могли мне сказать что угодно. Я не имела ни малейшего представления». Другая женщина рассказала, что ее насильно отвели в приют после «допроса» в полиции: «А потом [в полиции] меня заставили. Они буквально заставили меня пойти в приют. Плевала я на этот приют... Всегда буду на него плевать». Некоторых из жертв торговли людьми принудительно заставили принять участие в судебном процессе, не сказав им при этом ничего ни о том, что это означает, ни о возможных последствиях, даже не спросив их согласия: «Если бы мне кто-нибудь сказал, что я могу отказаться от дачи показаний, я бы так и сделала. Я бы наверняка чувствовала себя в большей безопасности. Да, я приняла участие в суде, свидетельствовала, но теперь я жалею об этом. Потому что я не чувствую себя в безопасности. Я волнуюсь и о себе, и о своем ребенке».

Хотя следует отметить и то, что многие организации используют в своей работе другой подход, направленный на усиление бенефициаров, формирование у них самостоятельности и независимости. Такой подход помогает жертвам торговли людьми вновь обрести контроль над собственной жизнью и обеспечить, чтобы со взрослыми женщинами и мужчинами обращались как с независимыми и самостоятельными людьми (Jordan 2002: 30). Многие жертвы торговли людьми отмечали, что оказанная им поддержка действительно помогла им обрести уверенность и силу для самостоятельной жизни.

«Я абсолютно довольна. Все было отлично... Теперь все зависит от меня».

«У меня были дополнительные встречи с психологом. Мне это очень нравилось. Психолог помог мне лучше понять себя. Обрести уверенность в себе... После разговора с психологом я чувствую себя намного лучше. Это очень важно... даже необходимо... психолог учит тебя быть сильным».

«Но они [социальные работники] не подают нам все готовое на блюдечке с голубой каемкой. Я знаю, что мне надо учиться. И я должна вести себя хорошо, иначе мне придется уйти».

Многие из жертв торговли людьми отмечали, что их мнения учитывались при принятии решений о том, какая помощь и защита им требуется, и они были осведомлены о том, что помощь в конечном счете была нацелена на переход к состоянию независимости и самостоятельности:

«Я уеду, когда смогу и когда почувствую, что могу крепко стоять на ногах. Это означает, что мне надо набраться терпения и много работать».

«А потом они предложили это решение... Они сказали, что это вовсе не обязательно. Что никто не заставляет меня. Все было по моей воле».

«Там нет ничего такого, что бы мне очень не нравилось. Все занимаются своим делом, пока тебя консультируют. Они спросили, хочу ли я чего-нибудь».

«Меня спросили [социальные работники], что я хочу делать, и я ответила, что хочу продолжить учиться в школе. Теперь я хожу в школу, и все в порядке».

Жертвы торговли людьми сами отмечали, что когда они сталкивались с проблемами, сотрудники помогали им разобраться с этими проблемами, а не просто давали совет или же сами делали что-то за них. Возможность вместе разобраться в проблемах и трудностях очень важна с точки зрения формирования самостоятельности и уверенности в себе:

«Сначала я хочу окончить школу, а потом посмотрим. Я бы хотела стать парикмахером-стилистом, но социальный работник считает, что мне сперва лучше окончить школу. Она сказала, что не будет меня заставлять, но попросила хорошенько подумать о будущем. Я пробыла в школе три недели, а потом захотелось домой. Моя мама много мне глупостей насоветовала, но социальный работник просила меня самой хорошенько

подумать и не очень-то слушать маму. И я подумала, может сутенер говорил с мамой, чтобы обратно меня затащить, так что я не пошла домой».

«Однажды я позвонила на «горячую линию» и спросила [у социального работника] совета. Это был период, когда мой муж перестал пить, ненадолго. Мой муж настаивал на том, чтобы у нас был еще один ребенок. Я спросила ее: «Как мне поступить?». Она не сказала мне, мол делай так и так. Она просто спросила меня, готова ли я воспитывать и обеспечивать второго ребенка, если у моего мужа снова будет запой. Мне очень понравился такой ответ. Она помогла мне понять, что не нужно торопиться, что важно почувствовать уверенность в своих силах прежде, чем принимать такие решения».

«Часто бывает так, что тебе нужно, чтобы тебя разочек подтолкнули, помогли из организации, чтобы ты мог проснуться и начать новую жизнь. Эти организации не обязаны нам помогать... На самом деле, достаточно много зависит от нас».

Настрой некоторых их жертв на момент собеседования явно свидетельствовал о том, что они достигли или почти достигли состояния автономии. Их ответы на вопрос о том, нуждаются ли они в дальнейшей помощи, являются доказательством этой самостоятельности и уверенности в себе:

«Не думаю. Теперь я буду уже жить самостоятельно. Я думаю, что все эти организации мне помогли достаточно».

«Не думаю, что эти организации обязаны нам помогать подолгу. У меня есть руки и ноги. Есть жертвы, которые возвращаются с серьезнейшими проблемами, они, наверное, больше меня нуждаются в помощи. Так что я даже и не смею думать о дальнейшей помощи. Мне уже лучше оттого, что я знаю, что эти организации есть, они рядом, даже если они не предоставляют материальную помощь».

«Я очень надеюсь расширить свой бизнес. Я рада, что муж меня поддерживает. Я уверена, что худшее осталось позади, и теперь очень многое зависит от меня, от нас... Я думаю, что я уже достаточно помощи получила от организаций. Я им очень благодарна».

Порицание жертв, обвинение и дискриминация

Многие из жертв торговли людьми говорили о стигматизации и дискриминации, как о проблемах, с которыми они столкнулись на этапе реабилитации и

реинтеграции. Стигматизация и дискриминация, как правило, проявляются тогда, когда социальная среда – семья или общество – неодобрительно относится к поведению или действиям индивида. В случае жертв торговли людьми нередко подразумевается, что порицание и дискриминация связаны с проституцией. И, конечно, многие из опрошенных жертв торговли людьми отмечали это. Тот факт, что им пришлось заниматься проституцией не по своей воле, и что они подвергались эксплуатации часто остается вне внимания со стороны тех, кто клеймит пострадавших позором:

«Они мне это в лицо не говорят, но я слышала, что обо мне у нас в деревне распускают дурные слухи».

«Люди у нас любят критиковать других. Они таких вещей не понимают, и они скорее буду винить, чем проявят сочувствие».

«Нет, они не знали [что меня продали], но распространили слухи, что я работала проституткой, раз я вернулась с ребенком».

«Были проблемы в школе... Там некоторые девчонки говорят, что я шлюха... Там есть один парень, но когда я уделяю время ему, директор школы спрашивает, почему я это делаю. Но я не могу быть одна. Другие меня избегают. Директор школы говорит, что ей меня жалко. Мне все говорят, что надо будет остаться еще на один семестр. Если я еду к себе в деревню, меня там обзывают шлюхой; если я иду в школу, мне говорят то же самое. Очень трудно не обращать внимания».

«Я не могла чувствовать себя нормально [дома], думая о том, что я сделала, куда попала, где была. Мне было плохо. Мои [родные] делали вид, что не замечают меня... Я не выходила из комнаты, сидела там одна и плакала. Моя мать отвернулась от меня. Я знала, что даже если я попытаюсь с ней поговорить, она меня все равно не поймет. Мои отец и мать родились в деревне и до сих пор живут там. В деревне люди любят говорить. Я не выходила из дому, я целыми днями сидела дома, только изредка выходила во двор... родители не хотят, чтобы я выходила. Я их и не виню. Моя маленькая сестренка пришла домой из школы вся в слезах. Ее одноклассники говорили ей: «Твоя сестра сделал то-то и то-то».

«Если им хочется показывать на меня пальцем, пожалуйста. Это, наверное, моя судьба... Я знаю, что не по своей воле мне пришлось быть проституткой... Здесь не проводят различия между принудительной и добровольной проституцией».

Здесь следует отметить, что порицание и обвинение жертв торговли людьми в значительной степени происходит в ближайшем кругу этих людей, в том числе в среде семьи и друзей, куда жертвы возвращаются и где они живут после всех выпавших на их долю невзгод. Здесь, также как и среди общества в целом, порицания и стигматизация в первую очередь связывается с проституцией.

«Даже моя бабушка меня называет [шлюхой], больно слышать это от такого близкого человека».

«Мои родные мне говорят, что это все моя вина. Они не смогли меня понять. Мой брат, он меня обвиняет. Моя мама старая, она не очень-то поняла. В какие-то моменты я хотела бросить дом, уехать. Я думаю, очень важно, чтобы твоя семья тебя поддерживала. Трудно рассчитывать на незнакомого человека, потому что думаешь так: если мои родители не смогли меня понять, то кто же сможет?»

«У меня есть маленький племянник, и поскольку я была уличной, моя сестра запретила мне с ним видеться. Даже сейчас, когда у нас с сестрой отношения стали лучше, мой племянник так и не знает, что я его тетя».

При этом члены семьи нередко реагировали абсолютно иначе и некоторые жертвы торговли людьми отмечали, что их отношения с членами семьи даже улучшились и никак не были омрачены и отравлены обвинениями и порицаниями:

«Раньше у нас отношения были не очень хорошие. Мы ссорились, дрались. Теперь все гораздо лучше. Несколько раз мы поссорились, но не так сильно, как раньше... Когда я спорю, я начинаю плакать. Моя мама приходит и начинает меня успокаивать. Они со мной разговаривают».

«Я уверена, что моя мама была рада меня увидеть, и отец тоже. Но с другой стороны, они всячески старались избегать разговоров о том, что там произошло или задавать вопросы... Да, я все им рассказала, и они очень расстроились, но они на меня не рассердились. Они огорчились в связи с тем, что случилось. Я и не ожидала, что они будут так добры ко мне».

«Я верю только своему мужу. Он меня очень поддерживает... Он заботится о моем ребенке».

В других случаях жертвы торговли людьми нашли поддержку среди некоторых из своих друзей и родных, однако не среди всех:

«Мне мои родители не говорят ничего плохого, но бабушка и дедушка – да, и тети тоже. Моя мама всегда на моей стороне, а отец нет».

«Мои брат и сестра по-прежнему любят меня. Мой муж все время меня оскорбляет, называет проституткой. Он вечно ревнует, хотя я не даю ему на это никаких поводов».

«Я собиралась пожить у моей тети, потому что она все лучше понимает, чем моя мама. И я ей [своей тете] объяснила, почему я хотела бы пожить у нее. Моя тетя все поймет, если я ей расскажу, что случилось, а моя мама никогда даже не посмотрит на меня».

В тех случаях, когда жертвам торговли людьми была оказана помощь, это в ряде случаев усугубило дискриминацию и негативное отношение к ним со стороны друзей, соседей и членов сообщества. Некоторых раздражает то, что помощь оказывается «проституткам»; другие, по видимости, считают, что помощь оказывается только «лицам с антиобщественными формами поведения», например, алкоголикам. Необходимость помощи, как представляется, умаляет человека в глазах некоторых людей и, в некоторых случаях, особо болезненно воспринималась мужчинами, которые, согласно бытующим социальным нормам, должны быть способны содержать себя и свою семью.

«Думаю, у нас не очень-то понимают, почему девушкам, которые подверглись сексуальной эксплуатации, следует отказывать помощь. Они думают, что проституткам незачем помогать».

«Я слышала от других девушек, что у них в деревне односельчане, знающие, что с ними произошло, не очень-то рады, когда им оказывают помощь всякие специализированные организации... Например, одну девушку, которая открыла у себя в деревне торговый ларек благодаря помощи одной организации, попросту оттолкнули односельчане. Люди сплетничали, говорили, что «лучше бы эти организации помогали нормальным людям, которые трудятся, не покладая рук, чем этой проститутке». Я думаю, что в маленькой деревне невозможно скрыть, что тебе кто-то помогает».

«Да, во всяком случае, там, где мы живем, люди не очень хорошо о тебе подумают, если ты попросишь о помощи государственную организацию. Обычно, за помощью обращаются пьяницы или же люди, которые не хотят работать, чтобы содержать себя».

«Многие просто не верят, что было правда невозможно вырваться из рабства... Они считают, что если с тобой что-то такое произошло, это потому, что ты дурак. А дураков не очень-то уважают... Так что тебе самому надо выпутываться из этого положения».

«... и еще тебя порицают. Я думаю, что в моей деревне люди будут порицать меня, говорить что «после такого позорного поведения он не заслуживает помощи».

«Многим мужчинам стыдно обращаться за помощью, потому что в нашем обществе не одобряют поведения мужчин, если они просят о помощи. Они должны сами справиться».

В ряде случаев было трудно определить, чем обусловлено порицание, что именно является позорным в глазах общества – факт получения помощи, печальный опыт в связи с тем, что человек стал объектом торговли, или может быть оно связано с некой характеристикой, – такой, как например, занятие проституцией или же принадлежность к этническому меньшинству:

«Мой муж очень меня винит. Он говорит: «Беги к ним, они помогают проституткам. И чего помогать проституткам? Помогли бы лучше нормальным людям».

«Если мои соседи узнают, что мне дали эту квартиру, они наверное скажут: «Да, ей [женщине из нацменьшинства] дали квартиру, а нормальным людям не помогают». Поэтому я им не скажу, что я получила эту квартиру. А мои знакомые, которым я сказала про квартиру, до сих пор не верят мне».

В некоторых случаях стигматизация, порицание и дискриминация, как представляется, имеют место в какой-то период времени, и некоторые из жертв торговли людьми отмечали, что с течением недель, месяцев, а иногда и лет после их возвращения домой отношение общества к ним, первоначально порицающее, постепенно изменилось: «Люди сплетничали обо мне, говорили всякие гадости, они думают, я работала проституткой, потому что я вернулась беременная... Позднее все понемножку успокоились». Brunovskis & Surtees (2007) также пришли к заключению, что нередко все это было делом времени – иногда нескольких лет – прежде, чем общество вновь приняло жертв и начало относиться к ним нормально. Одна из жертв, которая возвратилась к себе домой, рассказала, что каждый раз, когда она шла в магазин, соседи сторонились ее, и это продолжалось примерно два года, прежде чем ситуация вновь вернулась в нормальное русло.⁴⁵

Несомненно, обвинения, порицание и дискриминация были для многих весьма болезненным опытом, однако следует отметить, что они не были неизбежным

⁴⁵ В Камбодже также первоначально повышенное внимание к жертвам торговли людьми, возвратившимся домой, постепенно ослабевало. Одна женщина рассказала: «Куда бы я не пошла, все говорили обо мне... Но спустя два или три месяца перестали. Теперь я снова, как и раньше, иду на рынок продавать дрова» (Derks 1998: 43, ср. Surtees 2000: 190-101).

результатом, с которым столкнулись жертвы торговли людьми – будь то с целью сексуальной эксплуатации или иных форм. В некоторых случаях членам их семей и друзьям потребовалось некоторое время для того, чтобы понять и вновь принять в свой круг этих людей; в других случаях они принимали его/ее моментально.

«Мой муж и родители знают об этом... больше никто не знает... и я не хочу, чтобы кто-то еще знал... Вообще, мои родители и даже муж поддерживают меня и сочувствуют мне».

«Моя сестра всячески поддерживает меня... она меня жалеет».

«Мои родные поняли меня и не порицают».

«Когда я поехала вместе со своим консультантом [в мой родной город] за новым удостоверением личности, они повели меня к сестре. Какое-то время я не хотела ей ничего говорить. Но когда я увидела, что мне надо будет еще долго оставаться в приюте, я ей все рассказала. Сначала она стала меня подозревать, что я ей лгу, что я что-то такое сделала, что меня посадили в тюрьму. Потом она поверила мне и расплакалась».

Вопрос, который до сих пор не пользуется должным вниманием, заключается в том, как жертвы торговли людьми могут постепенно преодолеть порицание со стороны общества. Brunovskis & Surtees (2007) отмечают, что существуют некоторые формы поведения, которые с определенной степенью вероятности могут смягчить отношение окружающих, и дать тем самым возможность семье «простить». Необходимо лучше понять истинные причины стигмы, и приемлемые в рамках той или иной культуры способы смягчения отношения окружающих, которые порицают и дискриминируют тех, кому оказался жертвой торговли людьми.

Невмешательство в частную жизнь, анонимность и конфиденциальность

В виду существующего риска стигматизации и порицания со стороны окружающих, многие из жертв торговли людьми стараются сохранить в тайне от родных, друзей и окружающих то, что с ними произошло, и нередко этот фактор влияет на их решение относительно того, воспользоваться ли или нет предлагаемой им помощью.

«В марте этого года волонтеры [из одной организации] приехали к нам в деревню распространять брошюры с номером «горячей линии». Моя мама подошла к ним и рассказала, что произошло со мной. Она взяла одну

брошюру и принесла ее мне. Сначала я не могла решиться, а потом прочла ее несколько раз. Я боялась, что обо мне узнают. Наконец, я решила позвонить в эту организацию, потому, что я информацию они получают конфиденциально, а я остаюсь анонимной».

Другие пострадавшие в результате торговли людьми также выразили обеспокоенность по поводу конфиденциальности:

«Поскольку наша страна маленькая, я боялась, что все узнают, что случилось со мной».

«Я не была уверена в том, что информация будет храниться в секрете... Я боялась, что вся деревня узнает, где я была и что со мной произошло».

«Жертвы торговли людьми боятся спросить, куда можно пойти, чтобы обратиться за помощью. Они боятся, потому что они не уверены, что информация о них останется конфиденциальной. Я бы не обратилась за помощью, если бы не моя подруга, которая также стала жертвой».

«Для меня очень важно, чтобы моя история осталась бы в тайне. Я не хочу, чтобы обо мне у нас в деревне ходили бы слухи... Многие [из жертв] не хотят просить помощи, потому что они боятся, что их истории узнают все».

В некоторых случаях эти опасения – по поводу того, что об их истории могут узнать – могут побудить жертвы торговли людьми отказаться от помощи. То есть, им кажется, что если они согласятся на помощь, это может указать их близким и родным, а также окружающим, что они испытали на себе торговлю людьми. Большая степень вероятности этого имеется тогда, когда определенные организации известны как специализирующиеся на борьбе с торговлей людьми.

«Даже если девушки знают [о помощи], они боятся обращаться к ним, потому что вся деревня начнет сплетничать. Я уверена, что если я скажу жертве из нашего села, что она может получить помощь [от этой организации], она наверняка откажется, потому что испугается, что вся деревня узнает. Я даже не знаю, как другие девушки здесь получают помощь. Многим девушки не отваживаются обратиться за помощью, потому что боятся, что их частная жизнь станет достоянием всех».

Для некоторых из жертв торговли людьми удовлетворенность оказанной помощью была связана – по крайней мере, отчасти, с тем, что в отношении их была соблюдена конфиденциальность.

«Никто не знает. Ни соседи, ни мама. И я рада, что эти организации не выдали моей тайны. Я просто боюсь, что моя мама не сможет хранить секрет, и в нашей деревне пойдут сплетни... К сожалению, в деревню информация распространяется быстро, и ее не всегда понимают правильно... Все так и норовят перемолоть косточки жертвам торговли людьми».

«Я очень довольна [оказанными услугами]. Мне нравится, что директор хранит мою историю в тайне. Я могу полностью доверять ей».

«Она обещала мне помочь и помогла. И она сохранила мою историю в тайне».

Следует отметить случаи, когда конфиденциальность и право на частную жизнь были нарушены в рамках процесса оказания помощи, причем нередко такими способами, которые имели серьезные и достаточно продолжительные последствия для самих жертв и их семей.

«Когда я вернулась, я прошла тест на ВИЧ в местной клинике. Результат был положительный. Вся деревня об этом узнала. Мои соседи тоже узнали. У меня было множество проблем. Они не разрешали мне подходить к колодцу. Они обращались со мной, как с последним человеком. Они оскорбляли меня. У меня было множество проблем и с моим сыном, в школе. Его хотели исключить из школы, хотя я им под разными предлогами показывала его результат ВИЧ-теста – отрицательный. Я измучилась».

На вопрос о том, жаловалась ли она куда-нибудь в связи с этим, эта женщина ответила: «Да, главврачу клиники, но это ни к чему не привело. Теперь уже слишком поздно. Как ты можешь изменить отношение окружающих? Я бы никогда не думала, что со мной может произойти такое. Я не думала, что попаду в положение еще в худшее, чем быть проданной».⁴⁶

Некоторые из жертв торговли людьми столкнулись с проблемами, когда их истории стали известны журналистам.

«Один раз сотрудник местной полиции прислал ко мне домой группу журналистов. Они пришли, чтобы сфотографировать меня. Я их просила

⁴⁶ Случаи несоблюдения конфиденциальности имели место также при идентификации и при возвращении. Одна несовершеннолетняя девочка рассказала, как ее допрашивали полицейские в своем городе, куда она вернулась, убежав от торговцев людьми. Этот допрос, фактически, выдал ее перед родными и соседями.

«Что меня раздражало больше всего, так это то, что дверь все время была открыта, и все полицейские заглядывали, оставались и слушали, пока меня допрашивали. Я их всех знала, а они знали моего брата, и мне было очень некомфортно».

оставить меня в покое. В это время пришел мой адвокат, и я попросила его помочь мне избавиться от этих тупых журналистов, раз он мой адвокат. Однако он и пальцем не повел, даже посмеивался».

«Сотрудник сделал заявление для прессы. Там оно сообщил мое полное имя... Все газеты пестрили этим... Я не могла поверить, что о моей истории знают и в соседней стране. Это было настоящий шок».

Такого рода проблемы заставляют задаться вопросом о том, каким образом могут и как должны обмениваться информацией различные организации и службы, занимающиеся противодействием торговле людьми. Несомненно, существуют серьезные причины, по которым различные агентства и организации могут обмениваться информацией, но при этом имеются не менее серьезные причины тому, почему жертвы торговли людьми могут некомфортно чувствовать себя и даже быть недовольными в связи с этим.

«Да, сотрудники полиции с железнодорожного вокзала [в том городе] направили информацию в прокуратуру и сотрудникам НПО [в том городе]. Когда я приехала [в столицу], со мной связался юрист из офиса [этой НПО в столице]. Для меня неприятной неожиданностью было то, что мои показания переходили из рук в руки... Я не чувствовала себя в безопасности. Мне казалось, что про мою историю знает весь мир... Для меня было очень важно, чтобы об этом знало бы как можно меньше народу».

«Да, сотрудник полиции [из столицы] знал о моем приезде, поэтому он попросил меня придти. Не знаю, как он узнал. Может быть потому, что меня искала полиция... Конечно, я была неприятно удивлена тем, что полиция меня ищет, и что меня попросили приехать [в столицу]».

«Адвокат из этой организации попросил меня рассказать ему, кто подвергал меня эксплуатации и где, прежде чем меня купил отец моего ребенка... Они мне сказали, что это нужно для моей же безопасности... Я была уверена, что эта информация не будет передана полиции. Я не соглашалась сотрудничать с [местными] полицейскими, потому что многие из них связаны с сутенерами».

Некоторые из жертв торговли людьми отмечали, что их доверие подорвали социальные работники, которые поделились предоставленной им информацией, – очень личной и интимной информацией для самих жертв, – с другими поставщиками услуг по оказанию помощи.

«Оказалось, что социальный работник, которая мне очень нравилась, которую я любила, доверяла ей, была просто двуличной. Я это обнаружила... Я рассказывала ей о моей матери, о своей жизни... Она все это рассказала другим. Конечно, для меня это была катастрофа... Она была мне наставницей. Я слышала эти истории, она их рассказывала у себя в кабинете. Потом я поняла, что она не друг мне. Если я вам расскажу что-то конфиденциально, вы же не можете этим воспользоваться, чтобы выглядеть поважнее. Что, это продается что ли? Есть ли у всего этого рыночная цена?»

«Я рассказываю о чем-то, а потом кто-то приходит откуда-то и все обо мне знает. То, что ты рассказываешь, должно оставаться между вами – тобой и твоим социальным работником».

Это вовсе не означает, что обмен информацией между поставщиками услуг по оказанию помощи не требуется или не рекомендован. Однако при этом следует понимать, что требуется (ограниченный) обмен информацией при наличии необходимости такого обмена, с соблюдением строгих параметров и протоколов в отношении конфиденциальности. При учете таких параметров обеспечивается конфиденциальность, и при этом исключается необходимость ненужного повторного собеседования и, как следствие этого, повторное травмирование и секундарная виктимизация, предполагающая новые страдания жертвы торговли людьми. В тех случаях, когда такие параметры соблюдались, жертвы торговли людьми положительно отзывались о практике ограниченного обмена информацией.

«Когда и приехала [в столицу], я пошла к ним [в организацию]. Я пришла к ним, чтобы поблагодарить за их за то, что они спасли меня. Я поговорила [с социальным работником], рассказала через что я прошла. Мне не пришлось ничего заново рассказывать психологу в приюте, потому что мое личное дело уже было отправлено туда... Да, [это хорошая практика], но только при условии конфиденциальности».

«Надо иметь только одного человека, отвечающего за это в каждом районе. И нужно делать это так, чтобы никто не узнал о факте торговли, а то в районах не особенно соблюдают конфиденциальность».

«Думаю [обмен информацией по делу], да, хорошо. Почему бы и нет? Потому что мне не придется все заново рассказывать. Естественно, я настаиваю на конфиденциальности. Я не хочу, чтобы жители моей деревни узнали бы о том, что мне пришлось пережить. Я скорее расскажу об этом здесь [в столице], чем в регионе или в моей деревне, где информация распространяется очень быстро».

Специализированная помощь в нетипичных или сложных случаях

Первоначально разработанные модели помощи ориентировались на предполагаемый образ типичной жертвы торговли людьми – молодая женщина, проданная с целью сексуальной эксплуатации. Как правило, программы функционируют в приютах и имеют центры в столицах. Однако, учитывая многообразие различных категорий жертв торговли людьми, равно как и имеющегося в Юго-Восточной Европе опыта в связи с торговлей людьми, представляется целесообразным разработать соответствующие программы помощи, которые бы учитывали специфические потребности различных категорий жертв (местные и иностранные жертвы, несовершеннолетние и взрослые жертвы, жертвы-мужчины и жертвы-женщины), а также различные, в том числе новые формы торговли людьми (сексуальная эксплуатация, принудительный труд, попрошайничество, преступность, усыновление). Жертвы торговли людьми, подвергшиеся эксплуатации с целью принудительного труда и попрошайничества, не обязательно имеют такие же потребности в плане помощи, как лица, ставшие объектом торговли с целью сексуальной эксплуатации. Жертвы торговли людьми сами указывали на то, что существующие структуры оказания помощи не всегда должным или достаточным образом могли учесть имеющиеся у них потребности. Следует отметить и то, что специализированной помощи в отношении более трудных категорий, таких как жертвы-инвалиды, жертвы с поведенческими расстройствами либо жертвы, страдающие наркоманией или алкоголизмом, нередко попросту нет. Такие категории требуют помощи, выходящей за рамки обычного пакета мероприятий по оказанию помощи, и следует уделить больше внимания тому, чтобы адаптировать услуги и помощь с учетом нужд таких категорий жертв, включая в том числе и формирование навыков собеседования с ними, соответствующие услуги и специально подготовленный персонал (Surtees 2005: 15). Жертвы торговли людьми отметили ряд направлений, где требуется специализированная или соответствующим образом адаптированная помощь.

Помощь жертвам торговли людьми, имеющим детей

Для жертв торговли людьми (и женщин, и мужчин) с детьми требуются иные виды помощи, учитывающие их роли матери (или отца) и потребности находящихся на их содержании детей. Возможность предоставления жилья женщинам и их детям была важным фактором при принятии жертвами торговли людьми решения воспользоваться помощью. Одна из жертв торговли людьми сказала: «Моя дочь всегда рядом со мной. И я благодарна этой организации за то, что они дали мне возможность быть рядом с ней. Для меня это самое главное».

При этом следует отметить, что размещение женщин вместе со своими детьми в рамках существующих программ, предусматривающих пребывание в приюте, не

всегда бывает наиболее удобным раскладом для матерей, других обитателей приюта и самих детей.

«Иногда у меня бывали неприятности с девушками из приюта из-за моих детей – они не слушались меня и плакали в коридоре».

«Что меня волнует больше всего – так это ребенок. Она еще не понимает в чем дело. Но она нормальный ребенок, ей нравится играть, и когда она смеется, то немного громко, как бы визжит, а это в приюте не разрешено. Может быть вот это, а так все остальное – в порядке. Ну, когда она шумит или визжит или еще что-то такое делает, что не разрешается. Я-то все понимаю, но я не могу ей сказать: «Не визжи». Даже когда я говорю, вряд ли можно ожидать, что она понимает – она же ребенок. Наверное, они недовольны. Скорее всего, им это не нравится, что она визжит или же смеется слишком громко».

Тот факт, что приюты чаще являются закрытыми заведениями, у обитателей которых ограничена или отсутствует свобода передвижения, создает дополнительный уровень стресса. Как следствие этого, дети лишены возможности играть на улице, дружить со сверстниками, ходить в школу, что, естественно, влияет на их развитие, причем даже тогда, когда их основные потребности удовлетворены. Одна женщина находилась в закрытом приюте вместе со своей дочерью в течение двух с половиной лет, пока оформлялись документы об опеке и были завершены все юридические процедуры. Девочка – которой в настоящее время десять лет – не имела возможности посещать школу, свободно играть, а ее обучением – весьма нерегулярным – по собственной инициативе занималась одна из сотрудниц приюта. Естественно, на девочке не могло не сказаться то, что треть своей жизни она провела в приюте, а остальные две трети – вместе со своей матерью в ситуации, связанной с торговлей людьми.

Многих из матерей очень волнует вопрос об опеке над детьми, и помощь в решении процессуальных юридических вопросов им необходима и воспринимается с благодарностью. Одна женщина, которую позже держали в качестве «жены» торговца людьми, объяснила, что она не может вернуться к себе в страну из-за вопросов, касающихся опеки над ее ребенком:

«Какой у меня план? Мой план такой: чтобы организация помогла бы мне устроить ребенка в ясли. Через них это легче будет сделать. Они знают людей и так далее, так что я хочу, чтобы моего ребенка устроили в ясли. Я бы поехала домой, но поскольку так сделать нельзя, я хочу достать работу, отправить ребенка в ясли и стать независимой... Я бы вернулась к маме, но раз уж я не могу из-за ребенка, я останусь [в этой стране]... Без подписи

отца ребенка я ехать не могу. Сейчас ребенок со мной, но опека пока ни на кого не оформлена. Мы ждем, как решит суд».

Еще один вопрос, который беспокоит женщин, имеющих детей, заключается в том, насколько они смогут в последующем обеспечить уход за детьми в условиях ограниченных возможностей социально-экономической реинтеграции. Некоторые женщины способны прокормить своих детей исключительно благодаря гуманитарной помощи, другие говорят о невозможности искать работу, поскольку им некому оставить ребенка, третьим негде жить. «Привычные» препятствия и сложности, связанные с оказанием помощи и реинтеграцией жертв торговли людьми еще более усугубляются, если таковыми являются лица с находящимися на их содержании детьми. При оказании помощи родителям необходимо учитывать нужды их детей, которые могут включать в себя не только основные потребности, но и такие аспекты, как школьные учебники, плата за посещение детского сада или школы, медицинское обслуживание и т.д.

Серьезные проблемы с состоянием здоровья

Рядом организаций отмечается, что лица, пострадавшие в результате торговли людьми, помимо «обычных» гинекологических проблем, связанных с сексуальной эксплуатацией, часто имеют другие серьезные проблемы со здоровьем. Эти проблемы требуют особого внимания и нередко дорогостоящей медицинской помощи. Одной девушке в возрасте семнадцати лет потребовалось специализированное вмешательство в связи со множественными опухолями груди, развившимися у нее в результате побоев, которым она подвергалась, будучи в рабстве. Еще в одном случае жертве торговли людьми потребовалась срочная хирургическая операция за границей в связи с физическими увечьями, полученными ей вследствие пережитых злоключений:

«У меня немного кружилась голова, и я не поняла, о чем они говорили. Я только поняла, что что-то там было прямо рядом с позвоночником и что инфекция может попасть в спинномозговую жидкость, поэтому нужно было срочное вмешательство. Я до сих пор не знаю, что вызвало эту инфекцию; они сказали, что это может произойти снова».

Подобным же образом, двое из опрошенных женщин указали, что в результате своих связанных с торговлей людьми злоключений у них была положительная реакция на ВИЧ.⁴⁷ У одной женщины синдромом ВИЧ заболел ребенок,

⁴⁷ Эти данные согласуются с данными об относительно небольшом, но все же заслуживающем внимания числе ВИЧ-положительных бенефициаров, указанном в других исследованиях. В Албании, одна из жертв, которой помощь была оказана в 2002 году, и двое жертв, которым оказали

заразившись от собственной матери. Из проведенных собеседований было неясно, всегда ли страдающие ВИЧ жертвы имели возможность пройти необходимый курс лечения. Одна из опрошенных вынуждена была принимать лекарство от болезни: «Я регулярно принимаю лекарства. Я буду вынуждена делать это всю жизнь, чтобы вирус не смог бы подавить мой организм. Я всегда молюсь, прошу Бога, чтобы он помог бы изобрести такое лекарство, которое убьет этот вирус». При этом другая из опрошенных женщин на вопрос о том, проходит ли она специальное лечение для поддержания ее иммунной системы, ответила отрицательно, указав, что она просто принимает витамины и хорошо питается. Во многих странах Юго-Восточной Европы специализированную медицинскую помощь по поводу целого ряда связанных с состоянием здоровья проблем получить нелегко.

Злоупотребление алкоголем и наркотиками

Злоупотребление алкоголем и/или наркотиками и привыкание к ним также является проблемой для многих из жертв торговли людьми, и для них, как правило, недоступны программы детоксикации. Многие из жертв торговли людьми указывали на то, что после того, как им удалось вырваться, алкоголизм и наркомания стали для них наиболее серьезной проблемой, а некоторые отмечали, что они в течение какого-то времени продолжали злоупотреблять наркотиками или алкоголем:

«Вначале было тяжело. Когда я была с сутенерами, они давали мне какие-то препараты, ну и с ними я могла забыться. А потом, когда я попала сюда, было трудно отвыкнуть».

«Мне было нехорошо. Я даже не могла встать с постели, потому что я ничего не ела, только принимала эти таблетки [наркотики]».

Вопрос употребления алкоголя и наркотиков был релевантен также и в контексте семей жертв. Для некоторых из них употребление наркотиков и алкоголя и было той самой причиной, по которой они первоначально покинули дом, и которое теперь представляли собой серьезное препятствие для оказания им помощи, а также их реинтеграции.

помощь в 2004 году, продемонстрировали положительную реакцию на ВИЧ-тест. В Боснии-Герцеговине было отмечено, что у нескольких жертв торговли людьми из числа иностранцев реакция на ВИЧ была положительной. В Молдове, начиная с 2000 года, МОМ была оказана помощь девяти ВИЧ-положительным жертвам торговли людьми. Проблема ВИЧ/СПИД в регионе вышла на передний план после того, как в 2004 году в Боснии-Герцеговине от болезни умерла одна из жертв торговли людьми, вывезенная из Украины с целью сексуальной эксплуатации (Surtees 2005: 74, 155, 361).

«Если бы можно было вылечить моего мужа от алкоголизма, я была бы самой счастливой женщиной на свете».

«Вы знаете, они [мои родители] алкоголики, и они не вполне могли оценить ситуацию, предположить, что могло со мной произойти. Я их не виню. А потом, торговец покупал им выпивку».

Для жертв торговли людьми, которые могут не иметь иного выбора, нежели как вернуться домой, серьезные проблемы и риски могут быть связаны с тем, что алкоголем и/или наркотиками злоупотребляют члены их семьи. Это убедительно свидетельствует о том, что программы детоксикации и лечения алкогольной и наркотической зависимости должны быть доступны не только для жертв торговли людьми, но и для людей из их ближайшего окружения.

Помощь семье в целом

При оказании помощи жертвам торговли людьми следует – в идеальном случае – принять во внимание их конкретную семейную ситуацию и, по возможности, учесть имеющиеся у семьи потребности более общего характера. Как было указано одним из пострадавших в результате торговли людьми, он решил воспользоваться предложенной помощью именно потому, что в этом нуждались его братья и сестры: «[Я принял предложение о помощи], потому что я думал, что эта помощь нужна моим младшим братьям и сестрам». Этот аспект имеет особое значение в тех ситуациях, когда семейные проблемы – социального или экономического характера – в определенном смысле сыграли свою роль в решении этих людей изменить свое положение, в итоге сделавшем их жертвами торговли людьми.

Важно также отметить, что проблемы могут возникать в семье даже при наиболее успешном течении процесса реинтеграции, что затрудняет для жертв торговли людьми процесс их возвращения к нормальной жизни. Одна женщина рассказала, что она учредила собственное дело, которое развивалось достаточно успешно. Но возникшие в семье материальные проблемы создали ей серьезные препятствия, которые она сумела преодолеть лишь благодаря оказанной ей адресной помощи:

«[Организация] помогла мне начать собственный малый бизнес по продаже подержанной одежды. Это было очень хороший период моей жизни. Дело шло очень хорошо. Я очень благодарна им. Однако я не сдержала слова и не вкладывала заработанные деньги в бизнес. Случилось так, что родители моего мужа заболели, и мне понадобились деньги на их лечение».

Поскольку соответствующие организации помогли этой женщине и ее семье преодолеть внезапно возникшие проблемы – оплатив лечение и предоставив

гуманитарную помощь, – она сумела вернуть бизнес в нормальное русло. Важно отметить, что организации, оказавшие ей помощь, скоординировали между собой оказанные этой семье услуги для того, чтобы разрешить целый комплекс проблем, что, в конечном счете, способствовало успешной реинтеграции. Такие примеры ясно показывают, что успех реинтеграции нередко зависит не только от самих жертв, и что проблемы, с которыми сталкиваются их семьи или же окружающие, могут затруднить процесс их реабилитации и реинтеграции. Таким образом, различные варианты помощи семьям жертв торговли людьми или же дополнительная помощь семьям, оказавшимся в критической ситуации, могут не только подкрепить процесс реабилитации, но и предупредить неудачный исход направленных на реинтеграцию усилий, а некоторых случаях – и повторное возвращение к ситуации торговли людьми.

Долгосрочная помощь жертвам, не имеющим возможности вернуться к своим семьям

Ситуация, складывающаяся дома у некоторых из жертв торговли людьми, никоим образом не способствует их реабилитации и реинтеграции. В ряде случаев, жертвы торговли людьми были вынуждены жить в проблемных семьях, и их возвращение домой означало бы пребывание в неблагоприятной среде, где имеет место злоупотребление алкоголем или наркотиками, где нет возможности удовлетворить самые элементарные нужды и/или существует опасность вновь оказаться объектом торговли людьми. Имеются и такие случаи, когда жертвам торговли людьми попросту некуда вернуться. Серьезной проблемой во многих странах является отсутствие возможностей оказания долгосрочной помощи, в том числе и возможностей предоставления жилья жертвам торговли людьми.

В случае несовершеннолетних жертв торговли людьми альтернативные варианты помощи весьма ограничены, и при отсутствии возможностей долговременной помощи некоторые из жертв вновь оказываются в опасной ситуации. Одну несовершеннолетнюю девочку, проданную торговцам людьми собственной матерью, возвратили домой к матери (и отчиму) после кратковременного пребывания в приюте: «Я бы осталась там дольше – после всего, что она [моя мать] мне сделала... Я бы точно не вернулась домой. Мой отчим все время меня оскорблял, бранил. Я бы не вернулась».

Специализированная психологическая и психиатрическая помощь

Отсутствие специализированной психологической помощи жертвам торговли людьми представляет собой проблему во многих странах, в особенности, за пределами столицы. В некоторых странах, в силу нехватки ресурсов, функции психолога-консультанта, работающего с жертвами торговли людьми, в том числе с

теми, кто имеет серьезные психические проблемы, выполняют социальные работники. Возможности получения профессиональной психологической и психиатрической помощи чаще всего имеются в резидентных программах, хотя конкретный вид психологической помощи и ее объем значительно варьируют в зависимости от длительности пребывания бенефициара в приюте. Соответственно, психологическая помощь, предоставляемая при длительном пребывании в приюте в рамках реинтеграции носит более комплексный характер, чем психологическая помощь, которая оказывается бенефициарам при более кратковременном пребывании в приюте, которая главным образом направлена на их психологическую стабилизацию. Поскольку большинство жертв торговли людьми находятся в приютах в течение короткого периода времени, оказываемая им психологическая помощь в основном носит «стабилизирующий» характер. Когда же жертвы возвращаются домой, предоставление соответствующих услуг в рамках психологической помощи затруднено, поскольку большинство специализированных служб психологической помощи работают в столице, в то время как подавляющее число жертв торговли людьми являются выходцами из районов, находящихся за пределами столицы, куда они в большинстве своем и возвращаются. Существует настоятельная потребность в долговременной психологической помощи, которая могла бы оказываться на местах специализированными НПО или специально обученными работниками здравоохранения в качестве одного из компонентов программ по реинтеграции. Кроме того, у некоторых жертв были диагностированы психические расстройства, в том числе шизофрения, требующие квалифицированной психиатрической помощи в условиях стационара, что нередко затруднено из-за ограниченного числа таких учреждений. Что же касается резидентных программ психологической или психиатрической помощи, то они встречаются еще реже (Surtees 2006b: 80).

В силу общей нехватки специализированных служб, некоторые из жертв были помещены в приюты вместе с жертвами, имеющими психические расстройства. Это не только угнетающе действует на других обитателей приюта, но и означает, что особые потребности «трудных» жертв остаются без должного внимания. Одна из жертв так описала опыт своего пребывания в приюте: «Да, и они поместили нас вместе в одном доме... у одной девушки было не все в порядке с головой. Она сумасшедшая, она запросто может кого-нибудь убить». По словам другой пострадавшей, ситуация в приюте, где находилась она, выглядела следующим образом:

«Ну, вот так стояли эти кровати. Кроватей было пять. Вот здесь была эта девушка, кровать рядом с ней была пустая. Я спала на этой кровати, другая девушка вот здесь, а третья – там... У одной девушки было психическое расстройство, и ей давали лекарство, которое она не хотела принимать. У нее бывали галлюцинации, ей снились какие-то вещи. Она была лунатиком, часто вставала и ходила во сне».

Однако эта история также подчеркивает сложность ситуации, наблюдающейся во многих странах, где не существует или не хватает соответствующих учреждений для жертв, нуждающихся в помощи психолога или психиатра. В случаях, подобных описанному выше, где индивид лишен поддержки семьи, других альтернатив, кроме возвращения в приют, у него практически нет. «У нее были галлюцинации. Она несколько раз уходила, но потом возвращалась. Потом вновь и вновь. У нее не было родителей, никого не было». Обеспечение соответствующих конкретной ситуации вариантов помощи – как краткосрочной, так и долговременной – для этой категории бенефициаров является сложной задачей.

Помощь жертвам-инвалидам

Факты торговли людьми с ограниченной дееспособностью – как физической, так и психической, документально зафиксированы в пределах рассматриваемого региона, а также в направлении из стран и в страны Юго-Восточной Европы.⁴⁸ Этой категории жертв требуются услуги различного характера, которые бы учитывали индивидуальные потребности каждого конкретного лица. Это, как правило, предполагает специализированное медицинское обслуживание, специализированное юридическое представительство, назначение опекуна для жертв с психическими отклонениями, возможности долговременного размещения, специализированное обучение, трудоустройство на соответствующим образом защищенном рабочем месте, а также длительное последующее наблюдение. Жертвы-инвалиды также могут нуждаться в помощи в плане поиска соответствующих поставщиков услуг и государственных агентств, предоставляющих требуемую помощь, коммуникации с ними и защиты их интересов.

В настоящее время возможности оказания помощи жертвам-инвалидам ограничены. Одна женщина, проданная для занятия попрошайничеством, не только была незрячей и страдала расстройствами слуха, но и была в преклонном возрасте. Возможности оказания помощи ей были весьма ограничены, и организация, взявшая на себя заботу по оказанию ей помощи, столкнулась с серьезными

⁴⁸ Жертвам торговли людьми из числа инвалидов была оказана помощь в Албании, Болгарии, Хорватии, Македонии (бывшей югославской республике Македония), Молдове, Черногории, на находящейся под административным управлением ООН территории Косово, Румынии и Сербии. Например, в Молдове, из 672-х жертв торговли людьми, которым была оказана помощь представительством МОМ в Кишиневе в период с 2001 до 2004 гг., психические расстройства были отмечены у 15%, что составило 9,9% получивших помощь жертв в 2001 г., 9,3% в 2002 г., 14,5% в 2003 г. и 6,3% в 2004 г. Некоторые из жертв, которым была оказана помощь в 2003 году, были инвалидами с различными физическими недостатками. В Сербии в 2004 году одна из жертв торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации (8,3%) страдала психическим расстройством, а 28,6 % жертв торговли людьми из Сербии, которым была оказана помощь в 2004 году, были инвалидами в силу физических или психических проблем (Surtees 2005: 256,344,371, 501).

трудностями для обеспечения необходимых ей услуг, в том числе жилья и сложной офтальмологической операции, которая бы помогла ей частично восстановить зрение. Также очень сложно найти для инвалидов соответствующие возможности получения образования, а также трудоустройства. Одна женщина, страдающая эпилепсией, столкнулась с серьезными проблемами, пытаясь найти стабильную работу:

«У меня также серьезные проблемы со здоровьем. Я больна эпилепсией. И никто не хочет брать меня на работу. Даже если я это скрываю, меня все равно выгоняют после первого же припадка. Обычно припадки бывают у меня, если я перенервничаю... Я не могу найти работу. Я была готова работать в поле на фермеров, но, узнав о моей болезни, никто не отваживается нанять меня».

Дополнительная сложность заключается в том, что подобная специализированная помощь стоит недешево, и ресурсов какой-то одной, отдельно взятой организации или учреждения на нее явно недостаточно. Кстати, эта проблема характерна не только для Юго-Восточной Европы. Например, в Канаде имеется очень мало программ для жертв из числа инвалидов, и большинство организаций не занимаются проблемами этой категории лиц. Кроме того, существует вопрос недостаточного понимания проблем, с которыми сталкиваются подвергшиеся ненадлежащему обращению лица из числа инвалидов, а также проблемы отношения поставщиков услуг к этой целевой группе (Cooper et al 2004: 35).

Мужчины – жертвы торговли людьми

Среди жертв торговли людьми, которым была оказана помощь в странах Юго-Восточной Европы в 2003 и 2004 гг. мужчины составляли явное меньшинство.⁴⁹ Однако жертвы-мужчины не всегда могут быть с легкостью устроены в рамках существующих моделей помощи. Это частично связано с тем, что помощь в значительной степени оказывается в рамках резидентных программ, которые ориентированы конкретно на женский контингент. Существующие центры и приюты не могут быть использованы для размещения смешанного контингента.

⁴⁹ Жертвам торговли людьми из числа мужчин помощь была оказана в Албании, Болгарии, Хорватии, Молдове, Черногории, Румынии, Сербии и на находящейся под административным управлением ООН территории Косово. Они были проданы с целью трудовой эксплуатации, попрошайничества, совершения преступлений, а также усыновления. Например, в Албании 70% жертв, ставших объектом торговли с целью трудовой эксплуатации, попрошайничества или совершения преступлений в 2003 и 2004 гг., составляли мужчины, и 47,8% иностранных жертв торговли людьми с целью трудовой эксплуатации в Сербии в 2004 г. также составляли мужчины (Surtees 2005: 256,344,371, 501).

Один из респондентов – взрослый мужчина, вывезенный на территорию бывшего Советского Союза, – вернувшись, обнаружил, что в его квартиру кто-то вселился, и ему негде было жить. Подобным же образом, шестнадцатилетний подросток, проданный для занятия попрошайничеством в пределах региона Юго-Восточной Европы, был – на время, пока приводились в порядок его документы, – размещен в приюте для иностранок, оказавшихся жертвами торговли людьми. Однако из-за отсутствия в приюте соответствующих условий для проживания мужчины, тем более без сопровождения, и невозможности найти другие соответствующие службы, он через несколько дней был отправлен домой поездом один, без сопровождающих, и это несмотря на то, что его мать по собственной воле продала его торговцам людьми (Surtees 2005, ср. Surtees 2006b). Отсутствие условий для оказания помощи жертвам-мужчинам может, таким образом, не только оставить без внимания их нужды, но и еще более усугубить их уязвимость перед возможностью эксплуатации и даже повторного превращения в объект торговли.

Однако даже тогда, когда для них были доступны различные формы помощи (причем очень нужные им) – например, медицинская помощь, психологические консультации, правовая помощь – мужчины не всегда склонны искать такой помощи или же принимать ее.

«Во-первых, им это очень сложно психологически... Они не рассказывают всех подробностей того, через что им пришлось пройти, хотя некоторые из моих коллег рассказывали мне совершенно жуткие вещи. Например, многих мужчин подвергали физической эксплуатации до тех пор, пока их здоровье не разрушалось полностью. Но они про это не говорят, они даже не просят оказать им медицинскую помощь».

«Многие из них не идут к доктору, и при этом страдают от хронических заболеваний, имеют проблемы с позвоночником, желудком, грыжами».

Как отметили наши респонденты, мужчины соглашались воспользоваться предложенной помощью лишь в крайне тяжелых ситуациях:

«Только если у них возникают очень серьезные проблемы со здоровьем, или же если им негде жить. Насколько я знаю, мужчины не любят терять время на походы к врачу и быть вдалеке от своей семьи. Как я уже сказал, им труднее принять помощь, а если они соглашались принять предложение о помощи, она должна быть им оказана немедленно (пока они не раздумали) и в течение короткого времени».

Отчасти это может быть обусловлено тем, что представление себя в качестве «жертвы» может не соотноситься с самосознанием мужчины, его восприятием

самого себя. В восприятии многих обществ быть мужчиной значит быть сильным, самостоятельным и способным заботиться не только о себе, но и о своих близких.

«Мужчины считают, что они сильнее и что они должны сами найти выход из трудного положения, не прося никого о помощи».

«Многие мужчины не рассказывают о том, что с ними произошло. Они стыдятся того, что их кто-то обманул, обвел вокруг пальца. Они никогда не обратятся к организациям за помощью, потому что их родственники будут смеяться над ними. Мужчина должен сам справиться со своими проблемами».

Решения, касающиеся помощи, соотносятся не только с собственным восприятием себя, но и с восприятием со стороны социума. Помощь, оказанная мужчине, потенциально может сделать его в глазах других – семьи или общества – неудачником, человеком, которого поработили, а такой образ не является социально приемлемым. Здесь, опять таки, налицо социальное истолкование роли мужчины:

«Когда они приходят домой, они рады, что могут принести домой хоть какие-то деньги... Иначе, чем они смогут объяснить свое отсутствие? А если они скажут своим, что им нужны деньги на лечение – а лечение у нас стоит довольно дорого, – то тогда они выдадут то, что они хранят в тайне».

«Я даже не верил, что таким как я [жертвам торговли людьми] кто-то помогает... Мне казалось, что таких организаций, которые занимаются оказанием помощи людям, подобным мне, тем более мужчинам, не существует... Вы знаете, у нас как люди думают: если мужчина попал в такую ситуацию, значит он дурак».

«Вообще, у нас не принято, чтобы мужчины жаловались. Мужчина должен быть сильным, стойко переносить все невзгоды».

Несмотря на подобную предвзятость в среде общества, среди специалистов и организаций, занимающихся противодействием торговле людьми, существует понимание того, что мужчины также уязвимы для торговцев людьми и также нуждаются в помощи. Учитывая то, что сегодня все в большей степени существует осознание того, что мужчины также подвержены торговле людьми, следует с вниманием отнестись к их специфическим потребностям в помощи. В ходе настоящего исследования, на основе результатов собеседования с ограниченной выборкой респондентов-мужчин (как взрослых, так и несовершеннолетних) было выявлено, что помимо обеспечения жильем, основной сферой, где существует

необходимость помощи, является врачебная помощь, в особенности в тех случаях, где мужчины подвергались трудовой эксплуатации: «Некоторые из них страдают острыми приступами болезней, а если ты находишься в другой стране, да еще работаешь нелегально...». Другие жертвы были психологически травмированы и подавлены. В тех ситуациях, когда у мужчины есть семья, которую он содержит, необходимой может быть и помощь для семьи в целом. Следующим важным шагом является определение других нужд.

Помимо самих услуг, жертвы торговли людьми из числа мужчин также высказали мнение о том, как предоставлялись услуги. Для респондентов, опрошенных в ходе настоящего исследования, важность представлял вопрос конфиденциальности, и необходимо будет внимательно рассмотреть вопрос о том, каким образом выйти на мужчин и подростков, пострадавших в результате торговли людьми, обеспечив при этом полную конфиденциальность:

«Также хорошо будет, если информация, поступившая по «горячей линии», останется конфиденциальной. Например, чтобы ни одна из организаций, кроме той, которая обеспечивает функционирование этой «горячей линии», не имела бы доступа к информации».

«Не думаю, что мужчины обратятся в государственную организацию, потому что они думают, что эта информация сразу же станет известна всем... И в мэрии, и в полиции – везде узнают».

«[Помощь следует организовать таким образом,] чтобы никто не узнал. Мужчина сам должен обратиться туда, где оказывают помощь. Чем дальше будет это место от дома, тем больше ты можешь быть уверен, что никто об этом не узнает. Только если мужчина серьезно болен и не может двигаться, тогда, и только тогда, помощь должна быть оказана дома, и тогда никто не будет ему завидовать».

Не менее важным является то, как наилучшим образом «подать» и «представить» эти услуги, чтобы мужчины знали о них и воспользовались бы ими. Службы рекламы должны подумать о том, какая идея относительно сути предлагаемой помощи будет (или не будет) приемлема и понятна для мужской аудитории, принимая во внимание такие аспекты, как мужское чувство ответственности и стигма, о которых говорилось выше. В этом смысле очень важны формулировки. Поскольку понятие «жертвы» может не очень хорошо восприниматься многими из мужчин, то более удачным представляется говорить о «мигрантах» или «рабочих».

«Я думаю, что после рекламы или объявления можно дать информацию о том, что мужчины могут обратиться за помощью, скажем, за медицинской

помощью (но вот психологическую помощь лучше не упоминать, потому что многие мужчины боятся этих слов) или другими видами помощи, например, помощью юриста... Я думаю, что многие мужчины согласятся получить бесплатную медицинскую помощь, потому что у многих, кто подвергся эксплуатации, денег на это нет. Такое объявление также можно передать по радио и телевидению, и голос должен зачитать информацию о возможности оказания помощи мужчинам – жертвам эксплуатации (думаю, следует использовать слово «эксплуатация» потому что многие мужчины не понимают, что такое торговля людьми). И вообще, если возможно, лучше избегать слова «жертва», потому что мужчинам не нравится быть жертвами. Это идет вразрез с образом настоящего мужчины. Голос должен быть мужской. Не думаю, что мужчина отнесется с доверием, если объявление будет зачитано женщиной. Это обязательно должен сделать мужчина, даже может быть мужчина, который имеет такой опыт. Сообщение должно быть кратким и убедительным, и акцент должен быть на возможности получить помощь».

«Конечно [это должен быть] мужской голос. Это вселяет в мужчин доверие. Необходимо сделать заставку, где испытавший злоключения человек рассказывает кратко о том, как его эксплуатировали. Это может быть реальный человек, сам прошедший через такие же невзгоды, или же актер, но не очень известный, иначе это прозвучит неестественно, как мелодрама... Не знаю... что будет лучше – объявление по радио или по телевидению. Но, как я уже сказал, очень важно правильно подобрать слова, которые прозвучат в этом объявлении».

«Но информация должны быть краткой и убедительной, и вам не следует использовать слова вроде «жертва».

Помощь жертвам более старшего возраста

Некоторые из опрошенных в ходе настоящего исследования жертв торговли людьми были более старшего и даже пожилого возраста – пятьдесят с лишним, шестьдесят с лишним, а в одном случае даже семьдесят лет. Некоторые стали объектом торговли как раз потому, что, будучи людьми пожилого возраста, они не имели достаточных средств на жизнь, и не имели доступа к помощи со стороны государства. Оказание помощи этой категории нередко предполагало особое внимание к решению проблем экономического характера, а также к проблеме их размещения.

«Они сказали, что помогут мне получить паспорт и восстановить право на получение пенсии. Если мне невозможно жить в собственном доме, то надеюсь, меня поместят хотя бы в приют для престарелых [в столице]».

«Я думаю, многие из пожилых людей не довольны тем, как о них заботятся их дети, и они не смотрят телевизор и не слушают радио. Они, как и я, не знают куда пойти, чтобы попросить о помощи».

«У меня хорошие отношения с сыном. . . Они [мой сын и его жена] заботятся обо мне. Но я чувствую себя виноватой, что не сообщила ему, когда продавала квартиру, А теперь я сижу в его квартире, здесь так мало места».

Жертвы торговли людьми более старшего возраста, по всей видимости, нуждаются также и в других видах помощи, в том числе специализированной медицинской помощи, правовой помощи и уходе на дому. Помимо конкретных видов помощи, представляется целесообразным также рассмотреть, какое влияние торговля людьми оказывает на пожилых людей в отличие от жертв более младшего возраста. Мало что известно о специфических проблемах и потребностях жертв более старшего возраста, а также об их жизни в условиях «рабства», а также в последующий период.

Профессиональная компетентность, обращение с жертвами и качество помощи

Общепризнанно, что услуги, оказываемые жертвам торговли людьми должны быть бесплатными и легкодоступными, исключая стигматизацию, а люди, работающие по предупреждению и противодействию торговле людьми, должны быть соответствующим образом обучены и ориентированы на работу с уязвимым контингентом, в том числе и с жертвами торговли людьми. Многие из опрошенных очень положительно отзывались не только о качестве и объеме оказанной им помощи, но и о том, как с ними обращались сотрудники программ. Многие подчеркнули, как важно это было для них в процессе реабилитации и возвращения к нормальной жизни.

«Я довольна персоналом, потому что они понимают и отзываются на наши проблемы. Они выводят нас на прогулку. Мне нравится, потому что у меня все есть, все бесплатно. В-третьих, я самый счастливый человек на свете, потому что я учусь в этой школе. Я и мечтать не могла о том, чтобы окончить школу, стать грамотной. Не краснеть, когда кто-то просит поставить подпись или прочитать что-то, а мне приходится говорить, что я не умею».

«[Мне нравится] ее гуманность, простота, задушевность. Мне в принципе, трудно найти человека, которому я верю».

«Очень приятно видеть хорошее отношение со стороны персонала. Они относятся ко мне со вниманием. Никакого неприятного опыта».

Хотя при этом справедливо отметить и то, что некоторые респонденты говорили о случаях, когда они не вполне были довольны предоставленными им услугами и обращением со стороны персонала и указали на некоторые серьезные проблемы в связи с этим. Они, в частности, отметили черствость и проявления дискриминации со стороны некоторых профессионалов; различия в уровне профессиональной компетентности и условиях оказания помощи; даже дурное обращение и издевательства. В качестве вывода следует отметить, что определенную роль во всем этом играет отсутствие мониторинга и гарантии качества в деятельности по противодействию торговле людьми.

Отсутствие сенситивности и дискриминация со стороны некоторых профессионалов в области противодействия торговле людьми

Многие из жертв считают, что для процесса выхода из кризиса очень важно, когда с ними хорошо обращаются, «не смотрят сверху вниз». На вопрос о том, что понимается под хорошим обращением, многие ответили, что это такое обращение, «словно ты один из них».

«Нормально. Они с нами обращались хорошо, так, словно мы были одними из них».

«И сотрудники, работающие здесь [в этой организации], они мне нравятся. Они не смотрят на тебя как судьи, не осуждают тебя, с ними всегда можно поговорить о чем угодно. Они тебя понимают и многое тебе объясняют. Они слушают тебя, говорят тебе, как будет лучше сделать, они всегда тебе помогают».

«Я не чувствую различия между нами. Я так привыкла».

С другой стороны жертвы чувствовали себя оскорбленными и обиженными, когда люди, которые должны были им помочь, обращались с ними совершенно иначе – безразлично и сухо:

«Эта вот девушка была абсолютно не в своем уме, не помню, как ее звали. Она с нами вела себя так, словно мы прокаженные. Она принесла свою чашку, собственную чашку чая, и вообще все принесла свое. Такая вся чванливая, ужас».

«Так делать нельзя. Я имею в виду, что любая девушка, которая прошла, ну я не знаю, прошла через что-то плохое в жизни, любит, когда к ней придут, и вот так для всех приготовишь кофе и дашь гостю. А эта вот начала «Ой,

нет, нет, нет. Я не могу выпить кофе из ваших чашек, я только пью из своей». Ну и ладно. Я имею в виду, в чем проблема. Но, наверное, и в этом. Она просто не знала, как с нами держаться».

«Да, это можно так сказать, что они не обращались с нами как с равными. Да, да, точно».

Жертвы торговли людьми отмечали подобное безразличное отношение и дискриминацию, в особенности, со стороны некоторых групп профессионалов. Одной такой группой были медики, и жертвы, равно как и помогавшие им службы, цитировали некоторые особо запомнившиеся им высказывания. Одна из сотрудниц НПО рассказала, что врач, к которому обратились за медицинской помощью, сухо ответил: «Я не для того учился в медицинском институте, чтобы заниматься медосмотром проституток». Аналогичные случаи были отмечены и жертвами торговли людьми:

«Они повели меня к доктору. Она, эта гинеколог, спрашивает меня: «Почему ты это сделала?»... Да, она делала комментарии. А что я могу сделать, я не единственная. Тысячи девушек прошли через это. Я немного огорчилась. Нельзя судить кого-то, кому пришлось через это пройти. Это не ее дело. Ее дело – заниматься тем, чем она обязана заниматься, и не задавать вопросов... Она должна была принять нас, потому что она каким-то образом связана с этой женщиной, из приюта, а мы попросили повести нас на осмотр. Она была вежливая, но комментарии делала».

«[Доктор] говорит засучить рукава. Я засучила рукава, чтобы они могли бы проверить, не наркоманка ли я. Потом она говорит: «Хорошо, теперь подними рубашку, я хочу посмотреть живот». Ну, хорошо, я подняла рубашку. Потом она начала осматривать голову, тянуть волосы, дергать их. Тут полицейский ей говорит: «Хорошо, достаточно, не надо ее больше расстраивать. И так видно, что у девушки ничего». А она говорит: «Нет, я должна, это мое дело». Он опять говорит: «Не надо ее больше расстраивать. Вы что, не видите, как она испугалась? Она и есть то не могла». Я была так рада, что он за меня заступился... [Я чувствовала себя] ужасно. Я про себя подумала, постой-ка, кто я? Животное что ли какое-то, что она может со мной так обращаться?»

«Это чувствуешь. Когда эта доктор меня осмотрела, она вела себя так, словно ей противно было ко мне прикасаться».

В некоторых странах подобная черствость и отсутствие сенситивности вынудила поставщиков услуг обращаться за помощью к частным (соответствующим

образом подготовленным) докторам, что связано с большими расходами и поэтому вряд ли может постоянно использоваться в долгосрочной перспективе, однако обеспечивает жертвам некоторое облегчение и определенный уровень комфорта в среднесрочной перспективе.

Важно отметить, что проблематичным в этом плане является не только медперсонал. В ряде случаев жертвы торговли людьми отмечали дурное обращение со стороны юристов, причем нередко со стороны своих законных представителей, призванных представлять их в процессуальных действиях. Одна из жертв рассказала, как на нее кричал и оскорблял собственный адвокат:

«Он вечно кричал на меня. Он говорил мне, что я должна сказать на суде. Если я не говорила ему того, что он хотел услышать, он даже орал на меня. Один раз, когда мы уходили из зала суда, он даже сказал мне, что я совершенно никчемная, и что он скорее поверит торговцам людьми, чем мне».

Такое черствое отношение и дискриминация были, по всей видимости, обусловлены не только тем, что речь шла о торговле людьми, но в ряде случаев связаны с проявлениями расизма. Одна из пострадавших, цыганка по национальности, объясняла дурное с ней обращение скорее своим этническим происхождением, чем статусом жертвы торговли людьми:

«Я не сказала им, что я была жертвой торговли людьми. Мне нужны были деньги, чтобы получить свидетельство о рождении для ребенка. В мэрии со мной обошлись грубо. Надо мной издевались, смеялись над тем, что у меня нет денег [приблизительно пяти евро] на получение свидетельства. Я почувствовала себя оскорбленной».

Еще одна опрошенная указала на то, как дискриминация в отношении нее как личности [из числа этнических меньшинств] повлияла на возможность получить помощь от государственных служб.

«[Организация] обратилась в управу того села, где я родилась, с просьбой помочь мне, вернее моим детям. Дом, в котором я родилась, был разрушен много лет назад, и на его месте уже стоял новый дом. Сельская управа должна была предоставить мне что-то взамен старого дома. Мне дали абсолютно разрушенный дом – ни окон, ни дверей, ни крыши. Половина этого глинобитного дома была по-настоящему разрушена – осталась только одна комната. Мне пообещали дать стройматериалы на ремонт. Юристу [организации] много пришлось побегать, чтобы все эти дела урегулировать. Когда же я пришла в управу, женщина там начала кричать на меня, а потом

и вовсе захлопнула дверь передо мной. Потом я услышала, как она с кем-то говорила по телефону. Она говорила, что «эта женщина [из нацменьшинства] хочет слишком много». Мой адвокат посоветовал мне обратиться в департамент [защиты детей], который обязан был предоставить какую-то помощь ребенку. Я пошла туда, но мне отказали. Они сказали, что не могут помочь. Потом они раздраженно начали спрашивать, кто меня к ним послал, и я сказала [про эту организацию]. У меня даже был с ними неприятный разговор. Я спросила их, чем они занимаются, и каким образом и как может помочь государство. Что бы произошло с матерями-одиночками, которые находятся в еще более тяжелом положении, чем я. А они говорят: «Кто вас заставлял рожать столько детей?».

Одной из жертв было отмечено общее предубеждение и негативное отношение к уязвимым группам: «Я тоже думаю, что у нас в государственных организациях работают невоспитанные, грубые люди. Недостаточно просто получить образование. Важно, как тебя воспитали». Еще один комментарий: «Так расстраиваешься, когда приходишь в эти государственные организации. Хотелось бы, чтобы они вели себя тактичнее по отношению к жертвам торговли людьми».

В более общем плане следует отметить, что жертвы говорили о проявлениях черствости и предубеждения со стороны разных поставщиков услуг. Как было отмечено выше, жертвы торговли людьми нередко сталкиваются с проявлениями дискриминации, приклеиванием к ним ярлыков в связи с тем, какого мнения придерживается о них – как «проститутках», «иностранцах» и «нелегальных мигрантах» – общество. Они рассказали о случаях, когда проявления таких социальных предубеждений имели место в помогавшей им организации.⁵⁰ Одна из женщин рассказала о проблемах с социальной работницей, работавшей в приюте, где она была размещена. Одна из обитательниц приюта заразилась какой-то болезнью, и эта женщина боялась тоже заразиться из-за коммунальных условий жизни в приюте. Реакция социальной работницы на просьбу дать ей возможность пройти тест на болезнь была пренебрежительной и оскорбительной:

⁵⁰ Такие случаи встречаются не только в Юго-Восточной Европе. Исследование о реинтеграции жертв в Камбодже выявило случаи предубежденного отношения к женщинам со стороны некоторых из поставщиков услуг. Сотрудник одной из НПО проводит различие между тремя типами занятых в секс-бизнесе – это те, кто по своей природе призван заниматься коммерческим сексом; те, которых заставляют заниматься этим против их воли; и те, кто остается в секс-бизнесе или возвращается в него, потому что это рассматривается ими как способ быстро заработать деньги. По мнению автора этой классификации, изменить свою жизнь желают лишь представители второй группы, и с ними можно успешно проводить работу с тем, чтобы помочь им возвратиться к прежней жизни; что же касается остальных двух групп, то образовательная работа с ними с тем, чтобы они изменили свою профессию, невозможна (Derks 1998)

«Я узнала, что эта девушка заболела, но не знала, что с ней. Я спросила одну женщину, которая там работала, почему нам не сказали о ее болезни. Со мной все в порядке, у меня никаких болезней нет, и я не собираюсь подцепить что-нибудь здесь и так поехать к себе домой [в мою страну]. Я хочу, чтобы у меня снова взяли анализ крови... А потом я сказала, что хочу сделать все анализы, а она мне говорит «ты не думала об этом, когда спала с мужчинами»... Я никогда этого не забуду. Если женщина работает там, у нее отношение должно быть не такое.

Различия в профессиональном уровне и условиях оказания помощи

Многие из специалистов, работающих по предупреждению и противодействию торговле людьми, имеют высокий уровень профессионализма и демонстрируют высокую степень компетентности в обеспечении работы по оказанию помощи и защите. Тем не менее, в ряде программ персонал, по мнению жертв, не обладал требуемыми навыками и опытом для того, чтобы обеспечить им поддержку, в которой они нуждались, и услуги, которые им предлагались, были в некоторых отношениях недостаточными или несоответствующими конкретной задаче:

«Они, в общем-то, работают неплохо, но мне все же кажется, что они меня не понимают. Они молоды, у них не хватает опыта. Мне кажется, что они там работают только потому, что им платят зарплату. Я не могла с ними поговорить».

«Мне сказали, что это будет дом для девушек, таких же, как я. Но там было плохо. Там работали разные женщины в сменах, их называли психологами... У нас была возможность разговаривать [с персоналом], но нам не нравилось разговаривать с ними. Нам они просто не нравились. Они не знали, как с нами себя вести или как с нами разговаривать. Они говорили, что мы там будем жить, и они помогут нам найти работу. Но они этого не сделали... У нас вообще не было никакого контакта с ними. Они были очень сдержаны с нами. Как будто чего-то боялись».

Оценка помощи, оказываемой в странах Юго-Восточной Европы (Surtees 2006a: 24), выявила различие в уровне профессиональной квалификации среди НПО, занимающихся мероприятиями по противодействию торговле людьми и необходимость укрепления их организационно-кадрового потенциала, о чем говорили сами НПО, а также международные организации и доноры:

«Некоторые из них работают отлично, а другие нет. Имеется огромная разница в уровне квалификации и профессионализма НПО, работающих в этой сфере» (представитель международной организации/донора)

«Эта НПО – старейшая неправительственная организация, занимающаяся непосредственно оказанием помощи [в этой стране], и все же у нее есть проблемы с процессом реальной реабилитации жертв. Консультанты не вовлечены полностью в процесс реабилитации жертв, а сам центр, который у них имеется – закрытого типа. Кроме того, персонал не очень хорошо понимает условия для обеспечения образования для жертв или общего усиления их возможностей» (представитель международной организации/донора)

«... непосредственная работа с жертвами отстает. Оказалось трудным внедрить профессиональные стандарты для работы с жертвами насилия» (представитель НПО)

«Для того, чтобы реально внедрить долгосрочные стратегии работы с жертвами торговли людьми, профессиональным работникам нужны поддержка и дальнейшее обучение, непрерывный обмен информацией на разных уровнях» (представитель НПО)

Сам характер работы, связанной с высоким уровнем стресса, означает, что в некоторых программах существует высокая текучесть кадров, что может влиять на общий уровень профессиональной квалификации. Одна из жертв, которой была оказана помощь в ЕС, и которая была бенефициаром программы помощи в течение нескольких лет, рассказала о том, что ей пришлось работать с множеством ассистентов: «Кто их может всех упомнить, каждый месяц приходил кто-то новый... и каждый раз приходилось начинать все с начала. Ты им в принципе была безразлична, они знали, что скоро уйдут». Результатом в таких ситуациях может быть то, что на работу на этих местах, связанную со стрессом, приходят менее опытные люди.

В других профессиях вопрос квалификации также был отмечен как актуальный. Одна женщина, которая, сбежав от своего торговца, обратилась за помощью в полицию, была направлена на медицинское освидетельствование, поскольку незадолго до этого подверглась изнасилованию. Однако врач не только повел себя грубо, но и отказался провести медицинский осмотр, требуемый в случае изнасилования для возбуждения уголовного дела. Дело, как рассказала эта женщина, обстояло так:

«Затем они повели меня к доктору, к судебно-медицинскому эксперту. Но этот доктор был таким наглым. Если бы он осмотрел меня как следует, они бы узнали, что меня изнасиловали. У меня везде были царапины... А он просто посмотрел синяки. Я была вся опухшая. У меня были синяки. Он даже

их измерил... Он осмотрел шею и плечо, а потом сказал, что все в порядке. Женщина, которая сидела рядом с ним и печатала, сказала ему, что меня нужно направить на осмотр к гинекологу, потому что мужчин было много. А он сказал, что к гинекологу не нужно, потому что это «и так известно».

По словам некоторых из жертв, уровень профессиональной квалификации и энтузиазма был недостаточно высоким и среди работников судебной системы. Одна из жертв, которую насильно заставили выйти замуж за торговца, сделавшего ее «живым товаром» и которая впоследствии пострадала от насилия в семье, столкнулась с проблемами, когда она подала иск о разводе и стала добиваться через суд права опеки над дочерью. Вместо того чтобы с пониманием отнестись к сложной ситуации этой женщины и учесть жестокие проявления насилия, которому она подвергалась, председательствующий судья старался примирить супругов:

«Судья старался помирить нас – из-за ребенка и из-за права опеки. Я отказалась, потому что я не раз давала ему шанс стать лучше, но он никогда эти не воспользовался. И я не хочу, чтобы мы приукрашивали все. Есть такая поговорка, – волк может сменять шкуру, но от этого природа его не изменится».

Дурное обращение и ущемление прав при оказании помощи

Хотя большинство жертв отмечали, что они были помещены в хорошие приюты, с нормальными, а в некоторых случаях и с превосходными условиями, следует тем не менее указать, что некоторые жертвы находились в плохих условиях и даже при «оказании помощи» подвергались дурному обращению. Одну несовершеннолетнюю девочку, проданную для занятий проституцией, поселили в центре, где находились подростки без сопровождения взрослых и малолетние преступники. Находясь в течение трех недель в этом центре, девочка подвергалась насилию со стороны других несовершеннолетних обитателей того же центра, причем персонал этого заведения не сделал ничего, чтобы положить конец посягательствам на девочку:

«После того, как дежурный вышел, мальчишки стали кидаться на меня, чтобы я «пошла» с ними, а если они ловили нас в туалете, то старались изнасиловать. Я сказала дежурному, а он отвечает: «Ну и что?»... Он ничего не сделал, чтобы прекратить это. А на следующий день пришел другой. Он был хороший человек и наказал того, который ничего не сделал, чтобы это прекратить. Но это все равно не помогло, потому что он не сдержал слова».

Все это продолжалось в течение всего времени ее пребывания там, причем дежурные не всегда вмешивались: «Я все время была в страхе и по вечерам не ложилась спать до двух или трех утра, потому что мальчишки просили у

дежурного дать им ключ от нашей комнаты, открывали дверь и набрасывались на нас в постели». Она добавила: «Я все время боялась. Если дежурный ненадолго выходил, мальчишки набрасывались на нас, а он потом ничего не делал, только качал головой». Кроме того, сами дежурные также с жестокостью обращались с несовершеннолетними: «Он только сидел со своей дубинкой и ударял нас, если считал, что мы что-то не так сделали. Среди них был только один, который нас жалел, а все остальные били, если мы не сидели, как привязанные, на стуле, если мы разговаривали ... не важно что, они нас били». Важно отметить долговременное воздействие такого обращения на девочку, которая даже ко времени собеседования, все еще была глубоко травмирована. Она сказала, что условия, в которых она оказалась из-за этой «помощи», были хуже, чем то, что ей пришлось испытать в связи со своим подневольным положением вследствие торговли людьми.

«Даже сейчас, после того, как прошло время, я все еще испытываю страх. Я от него еще не избавилась. И я много молюсь».

«Должно было быть лучше. Они не должны были бить нас. Они не должны были грубо говорить с девочками, Они не должны были звать нас к себе в комнату, для того, чтобы якобы «что-то показать». Они не должны были заставлять нас работать и бодрствовать. Они заставляли нас делать выжимания каждый день – утром и вечером».

Только благодаря случайному вмешательству одной неправительственной организации удалось забрать девочку из этого центра. Директор программы рассказала: «Мы оказывали помощь и другим девочкам, пострадавшим по тому же самому делу [от того же самого торговца]. И комиссар полиции спросил, могу ли я забрать эту девочку, чтобы она там больше не находилась». Далее она рассказала о том, как она пришла в этот центр для несовершеннолетних, чтобы забрать эту девочку и устроить ее у себя в программе: «Там были также маленькие дети – пяти-шести лет, и когда я пришла за этой девочкой, то ужаснулась, увидев их за решеткой. ... и когда мы вошли туда, то увидели, что все они находились в одной комнате, вот такой же маленькой – десять квадратных метров, и весь день за решеткой».

К сожалению, эта девочка была не единственным респондентом, которая содержалась в небезопасных и бесчеловечных условиях при «оказании ей помощи и защиты». Одна из жертв рассказала о посягательствах со стороны сотрудников правоохранительных органов, работающих в одном государственном центре:

«Там была одна женщина – полицейский, которая все время кричала на девочек. Она их могла даже ударить. Внутри были полицейские – женщины, а снаружи – мужчины. Однажды она пустила одного полицейского вовнутрь. У меня был шок, когда я его увидела. Они вместе начали

издеваться надо мной и оскорблять. Этот мужчина стал намекать, что он меня как будто бы любит. Было ужасно. Я чувствовала себя такой униженной. Я надеюсь, что они приняли меры [против них]».

Еще одна жертва из числа несовершеннолетних рассказала о своем пребывании в центре для несовершеннолетних, где ей первоначально «оказывали помощь» после идентификации:

«Они били нас палкой. Они не осмелились ударить меня, потому что я бы вцепилась им в глотку. Они нас обрили, сказали, что из-за вшей. Они над нами издевались. Еда была отвратительная. Ее невозможно было есть. Это была еда для свиней, и еще там было очень грязно. Там никто не думал о правах детей... Они мне сказали, что я шлюха, и потому у меня нет никаких прав. Детей, которые занимались попрошайничеством на улице, избивали так, что у них ночью вся постель была мокрая».

Другие опрошенные рассказали о нарушениях – правда, менее вопиющих – в рамках тех программ, в которых были они. Их, очевидно, следует охарактеризовать как пренебрежение и халатность, хотя и они оставили свой след:

«Один раз мне дали [в организации] газовый баллон. Я должна была принести квитанцию за него. Оказалось, что квитанция недействительная. Социальный работник начала кричать на меня. Я извинилась за то, что забыла, какая им нужна была квитанция. Они даже не объяснили».

«Говоря по правде, я хотела убежать из-за одной женщины, которая там работала. Ее вообще ничего не интересовало. Ей все было безразлично. Я должна была утром принимать эти таблетки, так она не приносила мне их вовремя, и завтрак не приносила, вообще ничего. Я могла запросто умереть».

«И эта девушка, которая меня проверяет пять или шесть раз – называется социальным работником. Она забиралась с ногами в кресло и смотрела телевизор и говорила: «Зачем я ей нужна, у меня тоже что-то болит. Здесь доктора нет, откуда я ей возьму сейчас доктора?». Меня стошнило, а она была в это время на кухне. Вместо того чтобы помочь мне, она закрыла дверь. Ей было все равно... А эта девушка пришла и начала кричать на нее: «Ты что, хочешь, чтобы эта девушка умерла? А потом? Я была бы виновата, если бы не сказала тебе? Это будет твоя вина, потому что ты должны находиться рядом с ней». А потом она зашевелилась и начала звать этих людей. Врача не было, так она потом позвала этих медиков. Они осмотрели меня и сказали, что аппендицит точно лопнул. Тут она, наконец, зашевелилась, срочно нашла врача, и меня отправили в больницу [в соседнем городе]».

Удивительно то, что дурное обращение и плохие условия ухода представляют проблему не только для стран Юго-Восточной Европы, но и для стран назначения тех жертв торговли людьми, которые приняли участие в собеседовании. Обеспечение соответствующего ухода и нормальных условий должно являться вопросом первоочередной важности в отношении жертв торговли людьми, а также в отношении социально уязвимых категорий вообще.

Отсутствие мониторинга и гарантий качества

Важной проблемой является то, что в настоящее время в большинстве стран не существует механизмов для обеспечения гарантии качества в предоставлении помощи жертвам торговли людьми, а также в осуществлении мероприятий по социальной помощи и защите в более общем контексте. Очень редко существует какое-либо регулирование такого рода услуг, а, кроме того, и способов контроля качества и уровня услуг. Механизмов подачи жалобы практически не существует, а в тех случаях, когда жалоба все же подается, она зачастую остается безо всякого реагирования. Жертвы сами говорили об отсутствии возможности каким-либо образом повлиять на персонал, а также на процесс оказания им услуг.

Важным вопросом в связи с необходимостью предоставления качественных услуг является то, каким образом можно гарантировать качество этих услуг. В этом контексте существенным представляется лицензирование поставщиков услуг, а также осуществление мониторинга и регулирование деятельности по предоставлению услуг. Не менее важно обеспечить механизмы для подачи комментариев и жалоб от жертв торговли людьми, которые могут послужить механизмом для высказывания бенефициарами своих мнений и предложений в рамках участия в программе (т.е. своего рода исследование удовлетворенности клиентов качеством обслуживания), а также средством, способствующим устранению проблем в случае их наличия. Хотя существует множество программ и организаций, предоставляющих действительно качественную помощь жертвам торговли людьми, однако это не всегда и не везде так, и следует уделять больше внимания вопросу обеспечения качества обслуживания.

Оказание помощи в зависимости от выполнения определенных условий

Для некоторых из жертв торговли людьми получение помощи было обусловлено (или воспринималось как обусловленное) выполнением ряда условий. В ряде случаев жертвы сообщали о том, что на них оказывалось давление, чтобы убедить их сотрудничать с правоохранительными органами, и их дальнейшая адресация для получения помощи ставилась в зависимость от такого сотрудничества. В некоторых случаях давление оказывалось самими правоохранительными органами, а в других – поставщиками услуг по оказанию помощи:

«Да, [в полиции] сказали, что если я дам показания, то они будут помогать мне и дальше. А я и сама уже хотела дать показания, потому что было начато судебное дело с требованием компенсации, и я хотела, чтобы мне вернули мой паспорт и деньги».

«Да, [в полиции] сказали, что если я хочу, чтобы мне помогли вернуть паспорт, то надо дать показания против торговцев. Сказали, что иначе они меня даже посадят в тюрьму за подделку документов».

«[В приюте] мне даже не предложили поесть (а я была голодна), а сразу же начали расспрашивать о том, что со мной произошло [за границей]. Было неприятно, что меня мучили этими вопросами. Мне хотелось домой. Но они объяснили, что надо будет остаться там несколько дней, чтобы дать показания против того мужчины, который продал меня в рабство... Да, они мне сказали, что необходимо будет сотрудничать с полицией».

Были и такие ситуации, когда возможность получения помощи прямо не ставилась в зависимость от сотрудничества с правоохранительными органами, но жертвы ощущали то, что они охарактеризовали, как «скрытое давление» с целью заставить их сотрудничать.

«[Полицейский] сказал мне, что мне будет оказана медицинская помощь, что я смогу остаться сколько угодно времени, пока не пройдет головная боль. Он также попросил меня продолжить дачу свидетельских показаний, пока мне будут проводить медицинские процедуры. Я ему поверила. С моей точки зрения, он был «хорошим полицейским», который хотел изменить что-то в этом мире... Мне не очень хотелось давать показания, но я почувствовала себя обязанной это сделать».

«Они хотели закончить свою работу. Я хотела поскорее закончить с ними, ну и дала показания».

Одна женщина из Юго-Восточной Европы, проданная в одну из стран Евросоюза, отметила, что как ей сказали, она сможет воспользоваться возможностью получения помощи после того, как даст согласие сделать заявление. Она выразила желание сотрудничать с правоохранительными органами, однако помощь сразу ей предложена не была:

«Я им прямо сказала, что хочу сделать заявление, чтобы больше ни одна девушка не оказалась бы в такой же ситуации. Я начала делать заявление. Это заняло приблизительно два часа, и после этого они мне сказали [о помощи]. Я сначала думала, что они меня депортируют, но после того, как

я сделала заявление, они сказали, что меня отправят в приют, где я останусь на некоторое время. Они не сказали, на сколько времени, просто сказали, что я там останусь сколько нужно».

Некоторые религиозные организации также ставили помощь в зависимость от определенных условий. Мужчина, проданный в страны бывшего Советского Союза, был идентифицирован одной религиозной группой, которая и оказала ему помощь. Эта группа содействовала его возвращению домой и переадресовала к другой – связанной с церковью – группе в его стране. В стране назначения он не замечал, что помощь оказывалась для выполнения каких-то условий – «они у меня ничего не требовали. Они не просили меня идти в церковь или молиться, или работать». Однако совершенно иначе обстояло дело с оказавшей ему помощь церковью в его собственной стране:

«Первой организацией, оказавшей мне помощь, была эта церковь [в столице], куда меня направили эти верующие [за границей]. Когда я пришел туда, они сказали, что если я на самом деле стану верующим, то они мне помогут... Я понял, что они хотят, чтобы я регулярно посещал бы их молебны и собрания».

Другие жертвы также рассказывали о случаях, когда помощь от религиозных групп ставилась в зависимость от конкретных условий:

«[У нас] в селах есть много представителей различных религий, которые стараются привлечь людей и предлагают помощь, если ты согласишься принять их веру. Это нехорошо, когда тобой манипулируют, или когда для получения помощи выдвигаются условия. Все это должно быть искренним, идти от сердца».

Вызывает озабоченность тот факт, что многие из жертв – в силу своего крайне уязвимого положения – могут оказаться неспособными оказать сопротивление выдвигаемым условиям получения помощи.⁵¹

«Мне позвонили, и социальная работница сказала, что какая-то религиозная организация предлагает оказать гуманитарную помощь и моральную

⁵¹ Это ни в коем случае не подразумевает, что так действуют все религиозные организации. Другие жертвы рассказывали о помощи, оказанной такими организациями без выдвигания каких-либо условий:

«Она говорила о Боге или еще чем-то таком. Она слушала меня как обыкновенный человек. Я почувствовала в ней сочувствие, сопереживание. Хотя она не просила меня рассказывать, что со мной произошло, я все ей рассказала. Я открыла перед ней мою душу. У нее такая открытая душа».

поддержку людям, которые срочно нуждаются в помощи... Она также предупредила меня, что эта организация не была той же веры, что я, и что их социальный работник, возможно, попросит прийти к ним на службу, послушать, помолиться, может быть я решу даже обратиться в их веру. Я сказала, что эта социальная работница может прийти ко мне домой и посмотреть: она уж точно убедится, что я и думать-то не могу о религии. Но, честно говоря, я была готова даже отказаться от своей веры ради моей дочери».

Не все условия и параметры участия в программе являются проблематичными. В тех случаях, когда эти условия касаются соответствия законам страны или же там, где получение помощи предполагает какие-то обязательства со стороны бенефициаров, это не следует рассматривать как нечто проблематичное. Однако очень важно, каковы эти условия и каким образом они реализуются. Представляется, что некоторые организации выдвигают условия, которые больше соотносятся с их собственными задачами, нежели с задачей реабилитации жертвы и обеспечения дальнейшего ее благополучия.

Нехватка государственной помощи и основных услуг

В целом, большинство стран Юго-Восточной Европы испытывают нехватку государственных программ помощи лицам, пострадавшим в результате торговли людьми. Большая часть финансирования услуг и помощи поступает от иностранных доноров, а услуги большей частью предоставляются НПО и международными организациями. Несмотря на это, в ряде случаев жертвы отмечали, что государственные структуры, по их мнению, многое делают для того, чтобы обеспечить для них возможности помощи и поддержки, которые ограничены в силу ограниченности имеющихся у государства средств. Одной из женщин была оказана помощь государственным социальным работником. Ей помогли выбраться из тюрьмы (в которую она попала за кражу, на которую она решилась, чтобы прокормить детей после возвращения из плена торговли людьми), однако не могли предложить сколь-либо существенной государственной помощи ни ей, ни ее детям.

«Эта женщина прямо не знала, что со мной делать. Она говорила мне: «И куда ты теперь идешь с ребенком? Я не могу лишить тебя родительских прав».

«Это религиозный центр, и там у них много религиозных книг... Они не настаивали, чтобы я стала бы религиозной. Уроки религии были по желанию. Нас никто не заставляет креститься или же посещать церковную службу».

«Нет, абсолютно никаких [условий для получения помощи]. Мне не пришлось обращаться в их веру. Она не говорила мне начать ходить в их церковь [в моей стране]».

Была уже осень. У меня был третий ребенок на руках. Я три ночи провела [в детском приюте], пока она выясняла, куда меня можно пристроить».

«Она была так добра. Я думаю, что она тот человек, который помог мне снова поверить в жизнь... Под ее защитой и мои дети, и я чувствовали себя в безопасности».

При этом следует отметить, что многие из возвратившихся жертв торговли людьми столкнулись с проблемами, пытаясь получить даже наиболее элементарные услуги от государства и минимальную государственную помощь. Одна из жертв, – мужчина – который потерял свою квартиру из-за того, что пока он отсутствовал, кто-то в нее самовольно вселился, говорил о том, почему он недоволен государством:

«Я недоволен государственной системой защиты людей. Государство не способно защитить своих граждан, которые остались без крова из-за незаконных операций с их имуществом. Пока я четыре года отсутствовал, мою квартиру продали семь раз. Ни один юрист не может мне помочь».

Другие респонденты говорили о том, что пенсий и пособий, выплачиваемых им государством, просто не хватает на то, чтобы выжить:

«У меня пенсия равна приблизительно 22 евро в месяц..., но что это за сумма для семьи из шести человек?»

«Насколько я понимаю, существуют программы государственной помощи для матерей-одиночек. Но где они? Где эта помощь? Те, кому она нужна, ее не получают. Я думаю, что этой помощью пользуются те, кто обязан ее предоставлять. А матери-одиночки только и получают, что пакет питания раз в год. А потом они сами должны выкарабкиваться из своих проблем. Они получают [около шести евро] на ребенка. Можно ли прокормить ребенка на такую сумму?»

Там, где службы имелись, добиться доступа туда было непросто. Бюрократические процедуры были серьезным препятствием для многих из жертв торговли людьми. Нередко самым первым препятствием среди многих других, связанных с получением доступа к услугам, было отсутствие документов. Жертвы, вернувшиеся из-за границы, сталкивались с большими трудностями, пытаясь получить паспорта или национальные документы удостоверяющие личность.

«Я не знала, что помимо государственных организаций существуют еще и неправительственные организации. Я думала, что если у меня проблема,

помочь мне могут только в паспортном столе. Когда они мне сказали, что не могут оформить паспорт, потому что у меня нет постоянного места жительства, я была в отчаянии. Я думала, что не смогу получить паспорт до конца своих дней».

«Я не доволен той помощью, которую оказывают государственные организации. Если ты не зарегистрирован, ты не получишь помощь ни от бюро по трудоустройству, ни от организаций по социальной защите. Ты даже паспорт получить не можешь. В итоге, люди, которые на самом деле нуждаются в помощи, не могут ее получить из-за бюрократии».

Подобным же образом жертвы, которые зависели от помощи государства, чтобы прокормить свою семью, не могли получить ее из-за бюрократических проблем:

«[Я получаю приблизительно шесть евро] в месяц. Однако, я ничего не получаю уже шесть месяцев. Это потому, что они перепутали мое имя. А помощь можно получить только по месту жительства, только там, где тебя знают».

«Они должны отправить меня в санаторий, обеспечить лечение. Мой сын включил меня в список инвалидов, ожидающих бесплатного лечения в санатории. А там ему сказали, что нам нужно будет ждать пять лет. Я и не знаю, буду ли жива через пять лет, раньше социальные службы работали намного лучше»

«Спросите моего сына, как мы устали ходить из одного учреждения в другое... Заполнять все эти документы, все эти бюрократические процедуры... безразличие, в особенности, от государственных организаций... их нежелание помочь кому-то решить проблемы».

«Я попросила своего сына устроить меня в приют для инвалидов, но он сначала не хотел. Теперь он хочет, но оказалось, что это достаточно сложно. Нужно иметь такое множество документов».

Некоторые из жертв считают, что ответственность за заботу о жертвах не воспринимается государственными организациями со всей серьезностью, и они всегда перенаправляются за помощью к гуманитарным организациям:

«Мне только одно не нравится. Социальный работник [из неправительственной организации] позвонила социальному работнику в моей родной деревне и попросила их помочь мне. Когда я пришла к ним

в отдел, они как-то нехорошо на меня посмотрели. . . Они спросили, почему я пришла к ним, что мне от них нужно. С так себя чувствовала, как будто задолжала им что-то. . . Из той организации их попросили предоставить необходимую помощь мне и моему ребенку. Вообще-то, та, кому позвонили, живет по соседству. Один раз я повстречала ее на рынке, и она сказала, что они ничем не могут мне помочь. Я попросила ее дать мне справку о том, что у меня нет дохода – для того, чтобы меня освободили от налогов. У меня небольшой бизнес – мы продаем вещи на рынке, но мне этот документ нужен, чтобы меня не оштрафовали. Она сказала, что ничем не может мне помочь и что мне следует пойти к человеку, который помог мне основать мой малый бизнес».

6.4. Резюме

Оказание соответствующей помощи жертвам торговли людьми и обеспечение их защиты имеет огромную важность для их стабилизации и обеспечения их долгосрочного реабилитации и ре/интеграции в общество. Несмотря на различия между различными странами и опытом, приобретенным жертвами торговли людьми, тем не менее при разговорах с ними выявились некоторые общие темы и вопросы относительно того, каким им видится, как они понимают и как они ощутили на себе помощь и защиту.

Лица, пострадавшие в результате торговли людьми рассказывали о самых разных эмоциях, которые они пережили в связи с помощью и защитой. Конечно, многие эмоции были отрицательными – шок и полное замешательство, подозрение, стресс и стыд. Однако при этом они говорили о том, как на этой фазе они испытали положительные эмоции, чаще всего ощущение комфорта и безопасности, чувство плеча рядом, сопричастность других, облегчение и благодарность. Нередко жертвы говорили о том, как отрицательные эмоции по прошествии определенного времени трансформировались в более положительные эмоции, практически сразу же после установления доверия. Кроме того, эмоции не были строго обусловлены лишь определенными периодами времени, но и соотносились с индивидуальным опытом жертвы в плане получения помощи.

Говоря о помощи и защите, жертвы торговли людьми отметили множество самых различных вопросов, коснувшись при этом и огромного количества смежных вопросов. Следует, в частности, отметить проблемы, связанные с препятствиями культурного и языкового характера между самими бенефициарами, а также между бенефициарами и персоналом программ; некоторые из мнений,

высказанные жертвами торговли людьми в связи с правилами и ограничениями, существующими в программах; важность доступной, адекватной и понятной информации о возможностях помощи как за границей, так и у себя на родине; участие жертв в процессе принятия решений о возможных вариантах помощи; доступ (а в некоторых случаях отсутствие доступа) к правосудию; проблемы общественного порицания и дискриминации после возвращения из связанного с торговлей людьми рабства; вопросы безопасности; сложности и трудности нахождения должного равновесия между автономностью и зависимостью при предоставлении помощи и услуг; вопросы невмешательства в частную жизнь и конфиденциальность в отношении жертв торговли людьми; вопрос о том, как учесть и удовлетворить потребности в специализированной помощи для пострадавших в результате торговли людьми; условия, выдвигаемые в связи с предоставлением помощи; отсутствие помощи со стороны государства; сложность процесса реинтеграции, а также вопрос о том, каким образом обеспечить профессиональную квалификацию и качество обслуживания, в том числе и возможности адекватной помощи.

7. Заключительные соображения и выводы

Цель настоящего исследования заключалась в том, чтобы представить – с точки зрения лиц, пострадавших в результате торговли людьми – картину того, каким образом осуществляются процессы идентификации, возвращения и оказания помощи в странах Юго-Восточной Европы. В основу исследования легли три принципа – 1) понять, как практически осуществляется данный процесс; 2) узнать, что думали и что чувствовали жертвы торговли людьми в ходе данного процесса и 3) выяснить, каковы были те критические проблемы, с которыми столкнулись жертвы в течение этого времени. Собеседования с лицами, ставшими объектом торговли людьми, предоставили огромное количество материала, который может быть очень полезным для выработки и уточнения различных мероприятий и направлений деятельности. Лица, принявшие участие в собеседовании, как правило, положительно отзывались и высказывали благодарность за помощь, оказанную им на различных этапах после того, как они вырвались из плена торговцев людьми, хотя при этом они, тем не менее, говорили и о тех аспектах, где они столкнулись с проблемами, и которые вызывали их обеспокоенность. Результаты исследования не следует соотносить с какой-то одной конкретной страной. Организацией или сферой оказания помощи. Они, скорее, представляют весь широкий спектр вопросов, затронутых жертвами торговли людьми, которые приняли участие в опросе, проведенном в рамках настоящего исследования, и которым в странах Юго-Восточной Европы и Европейского Союза, бывшего

Советского Союза, Ближнего Востока, а также в Турции была оказана помощь со стороны НПО, правительств и международных организаций.

Важным выводом исследования является то, что процесс не всегда протекает гладко и в соответствии со стандартами и принципами, которые определены на национальном или международном уровнях. В системе все еще существуют некоторые недостатки, которые встречаются начиная с этапа идентификации, в течение всего процесса возвращения, а также на этапе защиты и оказания помощи. Опросы выявили наличие ряда очень профессионально построенных процедур идентификации, а также участие в этом процессе лиц, для которых нехарактерно принимать участие в идентификации, что свидетельствует о существовании широкого круга потенциальных участников диалога, которые могут оказать и которые оказывают помощь в данном процессе. Идентификация в ряде случаев была осуществлена очень осторожно, грамотно и способствовала формированию у жертв торговли людьми ощущения безопасности и благополучия, а также готовности участвовать в программах адресации и оказания помощи жертвам. Однако при этом было и множество примеров того, как возможности идентифицировать пострадавших в результате торговли людьми использованы не были, что привело к увеличению длительности пребывания в подневольном положении и к более выраженному воздействию ситуации эксплуатации на психику и физическое состояние лица. Многим из жертв была оказана помощь в процессе возвращения, благодаря чему они могли уверенно и в безопасности вернуться домой, однако некоторым из жертв пришлось столкнуться с фактами неуважения к их человеческому достоинству, ощущением отсутствия безопасности и т.д., когда они были подвергнуты допросам на границе, поставлены перед необходимостью отвечать на вопросы представителей самых разных органов, заключены под стражу в связи с отсутствием у них документов, находились перед опасностью их обнаружения торговцами, сделавшими их «живым товаром», и т.д. Опыт оказания помощи также был очень многообразным. Качество и объем оказанной помощи был различным в разных странах, и рассказы жертв об оказанной им помощи также очень отличались друг от друга. Некоторым из пострадавших помощь была оказана в рамках открытых резидентных программ, некоторые находились в закрытых заведениях. Некоторые программы были краткосрочными, другие были рассчитаны на более длительные сроки и ориентированы на реинтеграцию. Для некоторых из жертв за помощью, оказанной им в стране, где была произведена их идентификация, нередко следовала помощь и дома, у себя на родине. Однако для жертв, которые не были идентифицированы за границей, помощь, оказанная им в собственной стране, была для них первым опытом встречи с поставщиками услуг по оказанию помощи. Хотя оказанная помощь, несомненно, сыграла свою очень положительную роль для

жертв торговли людьми и в значительной степени способствовала их стабилизации, реабилитации и реинтеграции, они, тем не менее, рассказывали и о таких ситуациях, когда им на том или ином этапе пришлось столкнуться с трудностями. Сравнивая и сопоставляя различные услуги и направления помощи, они имели также очень четкое представление относительно того, что было и что не было важным для их реабилитации.

Важным результатом исследования является также и то, что мнения и ощущения жертв торговли людьми не всегда совпадали с ожиданиями или намерениями служб по противодействию торговле людьми. В некоторых ситуациях, в которых можно было бы ожидать появления у жертв чувства облегчения и уверенности в собственных силах, они напротив, ощущали страх и возбуждение. Там, где предположительно можно было бы ожидать у них ощущения безопасности и душевного покоя, они, напротив, испытывали подозрения и отчаяние. Тот факт, что восприятие жертв торговли людьми может столь разительно отличаться от предполагаемого, заслуживает самого серьезного рассмотрения и анализа. Преодоление отрицательных эмоций было сопряжено с трудностями и требовало определенного времени; из бесед с жертвами торговли людьми ясно видно, что им требовалось время и очень явные доказательства искренности намерений и надежности тех, кто работал с ними, для того, чтобы преодолеть страх, подозрительность, возбудимость и отчаяние, которое они испытывали. Для многих жертв их согласие на идентификацию, возвращение и получение помощи было «шагом в неизведанное». И они нередко испытывали при этом тревогу и беспокойство. Действия по противодействию торговле людьми и мероприятия по оказанию помощи должны строиться с учетом именно этого эмоционального фона.

Говоря о вопросах, поднятых жертвами торговли людьми, следует отметить, что интервью выявили не только множество успешных практических подходов, но также и множество проблем. В ходе бесед звучали некоторые общие темы, которые потенциально помогут определить или уточнить направление последующих шагов.

Доступ к информации: По словам жертв, на всех этапах процесса они испытывали потребность и желание иметь больше информации об имеющихся для них возможностях, а также о процедуре, которой им необходимо было следовать. Информация должна быть достаточно конкретной, доступной, понятной, учитывающей возраст получателя информации, а также языковые и культурные факторы. Кроме того, она должна быть ориентирована на конкретных жертв и учитывать как их связанный с торговлей людьми опыт, так и их индивидуальные характеристики, в зависимости от того, является ли жертва мужчиной или женщиной, иностранцем или же гражданином данной страны,

взрослым или несовершеннолетним и т.д. Еще одна общая точка зрения заключается в том, что важным аспектом с точки зрения предоставления информации является время – она должна предоставляться в соответствующее время, неоднократно, и жертвам должно даваться время на то, чтобы осмыслить ее и принять соответствующие решения. Очень важно отметить, что жертвы должны быть включены в процесс принятия решений относительно всего комплекса мер, которые будут осуществлены в отношении них, они должны иметь возможность выбрать сами то, что им наиболее подходит из имеющихся вариантов и возможностей помощи, а не просто быть пассивными получателями информации о шагах, которые им следует предпринять далее.

Безопасность и защита: В случае жертв торговли людьми уровень внимания к решению вопросов безопасности и защиты нередко варьирует: в отношении некоторых из жертв применяются строгие правила безопасности, их помещают в приюты закрытого типа, для них обеспечивается сопровождение при возвращении домой, на родину; в отношении других жертв, например, многих из тех, кто выступил в качестве свидетеля в суде, предоставляемая защита не является достаточной. Не уделяется должного внимания вопросу проведения систематических и обязательных оценок уровней безопасности и риска как в регионе Юго-Восточной Европы, так и за его пределами. Кроме того, протоколы и процедуры подобных оценок недостаточно проработаны и нередко не выполняются в полной мере. Уровень безопасности следует оценивать по каждому конкретному делу в течение всего времени после того, как жертва бывает вызволена из плена торговцев людьми, равно как и реальные риски, перед которыми стоят жертвы, а в случае наличия таковых – и пути их преодоления. В тех ситуациях, где имеются риски для безопасности, – как это было в случае некоторых жертв, – необходимо тщательно их учесть и принять соответствующие меры. При этом необходим баланс между мерами обеспечения безопасности и задачей возвращения к нормальной жизни и долгосрочной реабилитации, поскольку излишнее внимание к вопросам безопасности в тех ситуациях, когда реальные риски для безопасности не усматриваются, могут затормозить процесс реабилитации и реинтеграции жертв.

Барьеры языкового и культурного характера: Возможность эффективной коммуникации и личного контакта с теми, кто оказывал им помощь, была, по мнению жертв, важным элементом, помогавшим им почувствовать себя в безопасности, и, кроме того, ключевым фактором при идентификации и возвращении жертв и оказании им помощи. Наличие языкового барьера (что было достаточно частым явлением) представляло собой серьезное препятствие на протяжении всего процесса и в ряде случаев приводило к ухудшению качества

оказываемой помощи. Менее заметным, но столь же важным фактором является то, каким образом соображения культурного характера могут создавать препятствия в работе по противодействию торговле людьми и преодолению ее последствий. Для многих из жертв, проданных за границу, языковые и культурные барьеры в определенной степени негативно повлияли на их опыт идентификации в качестве жертв торговли людьми, а также получения помощи. В ряде случаев, жертвы не были идентифицированы именно в силу существования этих барьеров. В других случаях, идентификация и оказание помощи были затруднены именно в силу языкового и культурного барьера между жертвами и теми, кто оказывал им помощь. Устранение этих препятствий – через помощь переводчиков, сотрудников со знанием языков, культурной медиации – может помочь на всех этапах процесса, хотя каждое из таких «решений» имеет и свои ограничения в плане затрат на такие услуги и их доступности, которые следует тщательно взвешивать и учитывать.

Модели вмешательства и качественного ухода: Конкретные типы и качество осуществленных мероприятий – начиная с идентификации и заканчивая процессом возвращения и помощи – очень различаются. Различия между имеющимися навыками, качеством услуг и уровнем профессиональной квалификации персонала были налицо не только между странами, но и внутри стран. Некоторые из жертв отмечали высокий уровень профессионализма и чуткость при осуществлении процедуры идентификации, однако другим жертвам пришлось в процессе своей идентификации иметь дело с недостаточно подготовленными кадрами. Некоторые из процедур возвращения следовали строгим протоколам и правилам безопасного и достойного возвращения, в то время как другие проводились спонтанно и даже были небезопасными. Услуги, предоставленные некоторым из жертв, отличались высоким качеством и уровнем профессионализма и соответствовали избранным моделям помощи, в то время как в отношении других жертв ситуация была прямо противоположной. Сами жертвы торговли людьми ставили под сомнение целесообразность некоторых из моделей помощи (например, приюты закрытого типа против приютов открытого типа; резидентные и нерезидентные программы), а также правила и ограничения, существующие в рамках многих программ. С этим вопросом тесно связан и другой – в частности, полное отсутствие мониторинга и оценки этих моделей и осуществляемых в их рамках мероприятий. Обеспечение качественных услуг на всех этапах после выхода из подневольного состояния, вызванного торговлей людьми, является важным вопросом не только для стран Юго-Восточной Азии, но и всех других стран, затронутых в рамках настоящего исследования. Важным компонентом здесь является разработка и создание механизмов мониторинга и оценки, однако не менее важно обеспечить более высокие профессиональные

стандарты и ответственность. Значимым является также и учет мнений, предложений и отзывов самих жертв торговли людьми при разработке, адаптации и реализации программ и политики в данной сфере.

Ненадлежащее обращение и проблемные отношения: Некоторые из жертв отмечали факты дурного и даже жестокого обращения на разных этапах процесса со стороны тех, кто был призван им помочь. В других случаях уместнее говорить о безразличии, пренебрежительном отношении и дискриминации. Хотя плохое обращение часто имело место со стороны сотрудников правоохранительных органов, в особенности, на этапе начальной идентификации, жертвы торговли людьми также отмечали факты дурного обращения на этапах оказания помощи и реинтеграции со стороны представителей различных структур по противодействию торговле людьми. Особую озабоченность вызывает то, что дурное обращение с жертвами имело место во время их пребывания в программах помощи. Плохое обращение (даже когда оно не является преднамеренным) отрицательно влияет на и без того травмированных и подвергшихся эксплуатации людей, в том числе – и с точки зрения их готовности и желания быть идентифицированными и получить помощь. В тех случаях, когда ненадлежащее обращение является преднамеренным, должны существовать средства и способы призвать виновных к ответу и предупредить ненадлежащее обращение в дальнейшем. Ключевыми в этом плане являются механизмы мониторинга и обеспечения гарантии качества.

Потребность расширения вмешательства и помощи со стороны государства: Поскольку страны Юго-Восточной Европы испытывают нехватку ресурсов для оказания помощи со стороны государства лицам, ставшим объектом торговли людьми, многие из жертв столкнулись с проблемами в получении даже наиболее элементарных услуг и получили лишь самую минимальную поддержку. Хотя в ряде случаев жертвы отмечали тот факт, что государственные структуры многое делали для оказания им помощи, но их возможности были ограничены в силу ограниченности имеющихся у государства ресурсов. Кроме того, получение помощи нередко было затруднено из-за бюрократических процедур. Жертвы торговли людьми нуждаются в более широком спектре услуг со стороны государства и наличии менее сложных процедур для доступа к ним.

Участие жертв в разработке и реализации мероприятий по оказанию помощи: Обсуждения с жертвами касались не только тех проблем, с которыми им приходилось сталкиваться, но ставили своей целью также узнать их мнение о том, что можно было бы сделать лучше и эффективнее как во время идентификации, так и процессе возвращения или в контексте помощи. Нередко

жертвы имели очень четкое представление о том, что следовало сделать для того, что создать позитивные чувства безопасности и доверия и обеспечить более высокую эффективность вмешательства. Это явственно свидетельствует о том, что жертвы часто очень хорошо отдают себе отчет в своих потребностях и также о том, каким образом можно усовершенствовать процессы и процедуры. Вовлечение жертв торговли людьми в обсуждение их потребностей, а также учет их мнений в связи с разработкой и реализацией мероприятий может способствовать обеспечению того, чтобы оказанная помощь – и в плане правового обслуживания и в плане социальных услуг – ставила бы во главу угла жертву и учитывала бы реальные обстоятельства тех, кому они призваны обеспечить поддержку и помощь. Системы вмешательства и оказания помощи, которые разрабатываются, реализуются и корректируются с участием бенефициаров, являются более эффективными, действенными и, в конечном счете, более гуманистическими. Кроме того, совместная работа с жертвами должна быть процессом постоянным, позволяющим им высказывать свои мнения относительно программ и осуществляемых мероприятий.

Недостатки и проблемные вопросы в мероприятиях по противодействию торговле людьми и процессе их реализации: Имеется ряд серьезных недостатков и проблемных вопросов в реализации процесса идентификации, возвращения и помощи пострадавшим в результате торговли людьми. Здесь следует отметить следующие аспекты:

- *Идентификация:* Встречающиеся в некоторых случаях недостаточные навыки идентификации среди тех, кто занимается этим, а также упущенные возможности идентифицировать жертву могут приводить к повторному порабощению либо к продолжающейся эксплуатации жертвы торговли людьми. Некоторые жертвы продолжали оставаться под стражей/арестом, подвергались допросам, с ними обращались как с преступниками и криминалами (в силу их нелегального статуса в стране либо занятий проституцией), а не как с жертвами преступления.
- *Возвращение и адресация:* Во многих ситуациях возвращающимся помощь не обеспечивалась, что вызывало у жертв стресс и ставило их в трудное положение перед правоохранительными органами и сотрудниками пограничных служб и, кроме того, создавало опасность повторной их продажи. Также в контексте возвращения следует рассматривать и задержку с возвращением жертв торговли людьми из числа иностранцев, многие из которых находятся в неопределенном состоянии в течение всего времени, пока идет оформление их документов, организуется их проезд, берутся показания и осуществляются другие процедуры. Немаловажно и

то, что в глазах некоторых из жертв сам процесс возвращения и транспортировки напоминает им то, что они уже испытали, будучи объектами торговли людьми.

- *Помощь и защита:* На этапе помощи жертвы отмечали ограниченность доступа к правосудию, а также свое неудовлетворение по поводу уголовного производства и судебного процесса, как с точки зрения результатов, так и с точки зрения обращения с ними представителей следственных и судебных структур. Для некоторых жертв неэффективность правосудия имела реальные последствия с точки зрения возможного возмездия со стороны торговцев людьми, и многие из них боялись возвращаться домой к своим семьям и близким. Еще одним вопросом является обусловленность помощи выполнением каких-то определенных условий, в связи с чем некоторые из жертв, по их словам, подвергались давлению с тем, чтобы вынудить их сотрудничать с правоохранительными органами, либо же слышали, что они получают помощь от организаций социальной помощи только в случае выполнения определенных условий. Обеспокоенность вызывает тот факт, что многие из жертв – в силу своего крайне уязвимого положения – могут оказаться неспособными сопротивляться и подчиняются этим условиям. Для многих жертв серьезной проблемой было то, что они не знали, куда обратиться за помощью и поддержкой. И, наконец, обсуждения с жертвами, явственно показали сложность процесса реинтеграции, в котором нужно предусмотреть необходимость должного баланса в предоставлении помощи с тем, чтобы не создать положение излишней зависимости от предоставляемой помощи. Общественное порицание и обвинение жертв также создают трудности на пути усилий к реинтеграции жертв, равно как и проблемы более системного характера, как, например, безработица и ограниченность возможностей для жертв торговли людьми. Далее, реинтеграция не является процессом линейным, лишенным каких бы то ни было трудностей, и жертвы могут сталкиваться с проблемами, испытывать неудачи, и здесь они нуждаются в различных видах помощи и поддержки в долгосрочной перспективе, в том числе и вонне программы.
- Хотя указанные пункты не исчерпывают полностью всех недостатков и проблемных вопросов, они, тем не менее, показывают, что явилось наиболее серьезными вопросами для жертв, и таким образом представляют собой отправную точку для улучшения процесса транснациональных механизмов переадресации жертв.

Важность индивидуального подхода к каждому конкретному случаю: Не существует раз и навсегда установленной формулы в отношении дел, связанных

с торговлей людьми. Жертвы торговли людьми и пережитое ими отличаются друг от друга, равно как и их потребности в процессе идентификации, возвращения и получения помощи. Жертвы имеют различный набор личностных характеристик – жертвами могут быть мужчины и женщины, взрослые и дети, пожилые и молодые, иностранцы и граждане страны, и все они по-разному испытали на себе эксплуатацию. Жертвы торговли людьми, подвергшиеся эксплуатации для подневольного труда и попрошайничества не обязательно имеют такие же потребности в помощи, как жертвы, проданные для сексуальной эксплуатации. Сами жертвы отмечали, что их потребности не всегда были в достаточной мере учтены в существующих схемах идентификации, возвращения и помощи. Выявление новых категорий и характеристик жертв требует гибкости служб по противодействию торговле людьми и творческого подхода с их стороны, способного учесть нередко абсолютно неожиданные и необычные обстоятельства. Это, кроме того, требует гибкости всей системы в целом с тем, чтобы она могла бы учесть не только различие потребностей, связанных с идентификацией и возвращением, но и различия в характеристиках жертв. Единственным возможным подходом, который бы учел это многообразие и сложность задачи, является рассмотрение каждого конкретного случая в отдельности и осуществление реагирования на индивидуальной основе. Более полное понимание относительно реже встречающихся форм торговли людьми и, следовательно, потребностей жертв может сыграть важную роль в обеспечении более эффективной работы служб по противодействию торговле людьми. При этом не менее важной задачей является то, чтобы для более «трудных» случаев была бы доступна специализированная помощь – в частности, для жертв-инвалидов; жертв с поведенческими расстройствами; жертв, страдающих наркоманией и алкоголизмом; жертв, имеющих особые проблемы со здоровьем; жертв, имеющих на своем иждивении других; жертв с серьезными психологическими проблемами и т.д.

Вопросы, касающиеся пола и гендерных особенностей: Вопросы, касающиеся пола и гендерных особенностей заслуживают серьезного внимания на протяжении всего процесса, включая идентификацию, возвращение и оказание помощи. Жертвами торговли людьми могут быть и мужчины, и женщины, и нередко их опыт пережитого отличается друг от друга, равно как и их нужды и интересы. Представления относительно тех или иных гендерных особенностей часто обуславливают предлагаемые и осуществляемые в рамках противодействия торговле людьми мероприятия: женщины чаще рассматриваются как жертвы, нуждающиеся в помощи и защите, в то время как мужчины скорее считаются неудачливыми мигрантами, хотя права и тех, и других нередко нарушаются в равной степени; кроме того, и тем, и другим приходится пройти через сходные испытания. Следует уделять больше внимания не только тому, как становится

жертвой мужчина или женщина, но и тому, каким образом мероприятия по противодействию торговле людьми могут помочь и поддержать представителей одного или другого пола. При этом необходимо принять во внимание социально обусловленные представления о гендере и гендерных ролях, и в этом плане совместное обсуждение этой проблематики с жертвами из числа представителей обоих полов поможет понять, как, по их мнению, их пол и гендерные особенности повлияли на идентификацию, возвращение и оказание им помощи.

Необходимость расширения исследований, проведения оценок и разработки программ, ориентированных на жертв торговли людьми: Одним из важных выводов настоящего исследования является то, что только беседуя с жертвами и узнавая их мнения, можно в полной мере понять, как осуществляется процесс идентификации, возвращения и оказания помощи. Лица, пострадавшие в результате торговли людьми, лучше других могут идентифицировать собственные нужды и указать, что им требуется и чего они хотят, а также то, что является для них наиболее полезным и важным. Таким образом, прислушиваясь к жертвам, можно многое определить в плане дальнейшей работы. Несомненно, следует обеспечить то, чтобы согласие участвовать в исследовании не стало бы чрезмерно обременительным для жертв, и все решения относительно участия должны приниматься добровольно, на основе полной и исчерпывающей информации о конкретном исследовании (какова его цель, для чего оно будет использовано), о том, как будет соблюдена анонимность и конфиденциальность и, наконец, на основе информированного согласия самих жертв торговли людьми. При условии соблюдения этих параметров исследование может предоставить весьма ценную информацию для разработки мероприятий по противодействию торговле людьми и обеспечить должное внимание к потребностям жертв в рамках тех усилий, которые осуществляются для преодоления последствий торговли людьми. Кроме того, исследование может потенциально вооружить жертв, сделать их более сильными, поскольку их мнения будут учитываться наравне с мнениями профессионалов, что может сыграть важную роль в процессе реабилитации жертвы и ее возвращения к нормальной жизни. Существует настоятельная необходимость охватить такими исследованиями большее число жертв и учитывать их мнения при разработке политики и программ по противодействию торговле людьми.

Эти результаты – опирающиеся на непосредственный опыт лиц, ставших объектом и пострадавших в результате торговли людьми – важны для дальнейшего продвижения деятельности по противодействию торговле людьми. Приведенные выше заключения и рекомендации опираются на личный опыт жертв торговли людьми, их мнения и предложения. Рассказы лиц, которые сами пострадали в

результате торговли людьми, многое могут рассказать нам о том, как функционируют механизмы и процедуры по противодействию этому явлению, а также представить конкретные предложения, которые, как мы надеемся, помогут усовершенствовать и сделать более действенной политику и практику в области противодействия торговле людьми и преодоления ее последствий.

Цитируемая литература

- ABA CEELI (2005) *The Human Trafficking Assessment Tool Report for Moldova*. Chisinau, Moldova: ABA CEELI.
- Alexandru, M. and S. Lazaroiu (2003) *Who is the Next Victim? Vulnerability of Young Romanian Women to Trafficking in Human Beings*. Bucharest, Romania: IOM.
- Amnesty International - AI (2004) *'So does that mean I have rights?': Protecting the human rights of women and girls trafficked for forced prostitution in Kosovo*. London, UK: Amnesty International.
- Andreani, A. and T. Raviv (2004) *The Changing Patterns and Trends of Trafficking in Persons in the Balkan Region: Assessment carried out in Albania, Bosnia and Herzegovina, the Province of Kosovo, The Former Yugoslav Republic of Macedonia and the Republic of Moldova*. Geneva: IOM.
- Arora, A. (2004) *Experiences of frontline shelter workers in providing services to immigrant women impacted by family violence*. Practice Based Research Paper, Graduate Programme in Social Work. York University: Toronto, Canada.
- Bjerkan, L. (ed.) (2005) *A Life of One's Own: rehabilitation of victims of trafficking for sexual exploitation*. Oslo, Norway: Fafo Institute.
- Bjerkan, L. & L. Dyrliid (2005) 'A sheltered life'. In L. Bjerkan (ed.) *A Life of One's Own: rehabilitation of victims of trafficking for sexual exploitation*. Oslo, Norway: Fafo Institute.
- Bjerkan, L. & L. Dyrliid (2006a) *The courageous testimony: Trafficked women's motivations for and experiences from testifying against their traffickers*. Oslo, Norway: Fafo Institute.
- Bjerkan, L. & L. Dyrliid (2006b) *The silence experience: reintegration of victims of trafficking for sexual exploitation*. Oslo, Norway: Fafo Institute.

- Blitz, L., Madsen, L., McCorkle, D and P. Panzer (2003) 'Sanctuary in a domestic violence shelter: a team approach to healing'. *Psychiatric Quarterly*. 74 (2): 155-171.
- Brunovskis, A. and R. Surtees (forthcoming 2008) 'Agency or illness — conceptualizing trafficking victims' choices and behaviors'. *Gender, Technology and Development*. Vol. 1.
- Brunovskis, A. and R. Surtees (2007) *Leaving the past behind: why some trafficking victims decline assistance*. Fafo Institute (Oslo) and Nexus Institute (Vienna).
- Brunovskis & Tyldum (2005) 'Describing the unobserved: methodological challenges in empirical studies on human trafficking'. *International Migration, special issue on data research on human trafficking, a global survey*. 43(1/2): 17-34.
- Brunovskis, A. and G. Tyldum (2004) *Crossing Borders: an Empirical Study of Transnational Prostitution and Trafficking in Human Beings*, Fafo Institute, Report 426: Oslo, Norway.
- Bump, M. & J. Duncan (2003) 'Identifying and Serving Child Victims of Trafficking'. *International Migration*. 41(5): 201-218.
- Cooper, M., I Hoffart & D. Warthe (2004) *Review of Best Practices in Family and Sexual Violence Programming, Family and Sexual Violence Sector Review, Companion Document 2*. Calgary, Canada: Family and Sexual Violence Review Advisory Committee.
- CPTW (2006) *Preventing and fighting Trafficking in Human Beings: Legal and social assistance of victims of trafficking*. Chisinau, Moldova: CPTW.
- Derks, A. (1998) *Reintegration of Victims of Trafficking in Cambodia*. Phnom Penh, Cambodia: IOM/CAS.
- Dottridge, M. (2006) *Action to Prevent Trafficking in South Eastern Europe: A Preliminary Assessment*. Terre des hommes Foundation and United Nations Children's Fund (UNICEF). Available at: http://www.childtrafficking.com/Docs/tdh_unicef_06_atopraise_europe_280806.pdf
- Dottridge, M. (2004) *Kids as Commodities - Child trafficking and what to do about it*. Terre des hommes. (IFTDH) International Federation. Available at: http://www.childtrafficking.com/Docs/tdh_2004_kids_as_commodities.pdf
- EC (2005) *European Commission on Fighting Trafficking in Human Beings — An Integrated Approach and Proposal for an Action Plan (COM (2005) 514 final)*. Brussels.
- ECPAT (2004) *Voices of victims*. Amsterdam, Netherlands: ECPAT.
- EU (2005) *European Union Action Plan on Best Practices, Standards & Procedures for Combating and Preventing Trafficking in Human Beings (2005/C 311/01)*. Developed within the framework of the Hague Programme "Strengthening Freedom, Security and Justice in the European Union" (Section 1.7.1), endorsed by the European Council in November 2004. Brussels.
- EU (2004) *European Union Council Directive 2004/81/EC on the Residence Permit*. Brussels.
- EU (2002) *European Union Brussels Declaration on Preventing and Combating Trafficking in Human Beings*. Brussels.
- FATW, GAATW and IHRLG (1999) *Human Rights Standards for the Treatment of Trafficked Persons*. Bangkok, Thailand: GAATW.
- Fulbright, L. (2004) 'Abuse victims get chance for private shelter'. *Seattle Times*. July 24.

- GAATW (2000) *Human Rights and Trafficking in Persons: a Handbook*. Bangkok, Thailand: GAATW.
- Handziska, M. & G. Schinina (2004) *Risk Assessment on Trafficking of Males for Homosexual Exploitation in the Republic of Macedonia*. Skopje, Macedonia: IOM.
- Hollifield, M. (2002) 'Accurate Measurement in Cultural Psychiatry: Will we Pay the Costs?' *Transcultural Psychiatry*. December. 39(4): 419-421.
- Hunzinger, L. & P. Sumner-Coffey (2003) *First Annual Report on Victims of Trafficking in South-Eastern Europe*. Belgrade: RCP, IOM, ICMC & SPTF.
- ICCO (2004) *"If our skirt is torn":: Safe Return and Social Inclusion of Victims of Traffic in Human Beings, An inventory of Neglected Areas in Ten European and Asian Countries*, ICCO: The Netherlands.
- ICMPD (2006) *Guidelines for the development and implementation of a comprehensive national anti-trafficking response*. Vienna, Austria: ICMPD.
- ICMPD (2003a) *Regional Standard for Anti-trafficking Police Training in SEE*. Vienna, Austria: ICMPD.
- ICMPD (2003b) *Anti-trafficking Training Manual for Judges and Prosecutors. Draft April 2003*. Vienna, Austria: ICMPD.
- ILO (2006) *Child-friendly standards and guidelines for the recovery and integration of trafficked children*. Bangkok, Thailand: ILO.
- IOM (2007) *The IOM handbook on direct assistance to victims of trafficking*. Geneva: IOM. Available at: http://www.iom.int/jahia/webdav/site/myjahiasite/shared/shared/mainsite/published_docs/books/CT%20handbook.pdf
- IOM (2005a) *Identification and protection schemes for victims of trafficking in persons in Europe: tools and best practices*. Brussels, Belgium: IOM.
- IOM (2005b) *Resource Book for Law Enforcement Officers on Good Practices in Combating Child Trafficking*. Vienna, Austria: IOM and the Austrian Ministry of the Interior.
- Jordan, A. (2002) 'Human rights or wrongs? The struggle for a rights based response to trafficking in human beings'. In R. Masika (ed.) *Gender, Trafficking and Slavery*. Oxford, UK: Oxfam.
- Kvale, S. (1996) *Interviews: an introduction to qualitative research interviewing*. Thousand Oaks, California: Sage.
- Kvinna till Kvinna and Kvinnoforum (2003) *Evaluation of IOM Counter-Trafficking Programme in Western Balkans*, SIDA: Stockholm, Sweden.
- Kvinnoforum (2003) *European Good Practice on Recovery, Return and Integration of Trafficked Persons: A Study Commissioned by the Swedish Ministry of Forum Affairs*, Kvinnoforum: Stockholm, Sweden.
- La Strada Moldova (2005) *Good Practice of Assistance to Trafficked People*. Chisinau, Moldova: La Strada.
- La Strada Moldova & OSCE (2006) *Trafficking in Human Beings in Moldova: Normative Acts*. Chisinau, Moldova: La Strada & OSCE.
- Limanowska, B. (2002) *Trafficking in Human Beings in South-Eastern Europe: Current situation and responses to Trafficking in Human Beings in Albania, Bosnia and Herzegovina, Bulgaria, Croatia, the Former Yugoslav Republic of Macedonia, Moldova, Serbia and Montenegro, the UN Administered Province of Kosovo and Romania*, UNICEF, UNOHCHR and OSCE/ODIHR.

- Limanowska, B. (2003) *Trafficking in Human Beings in South-Eastern Europe: 2003 Update on Situation and Responses to Trafficking in Human Beings in Albania, Bosnia and Herzegovina, Bulgaria, Croatia, the Former Yugoslav Republic of Macedonia, Moldova, Serbia and Montenegro, the UN Administered Province of Kosovo and Romania*, UNICEF, UNOHCHR and OSCE/ODHIR.
- OSCE (2003) *OSCE Action plan to combat trafficking in human beings*. Vienna: OSCE. PC. DEC/557
- OSCE/ODHIR (2004) *National Referral Mechanisms: Joining Efforts to Protect the Rights of Trafficked Persons*, OSCE/ODHIR: Warsaw, Poland.
- Pearson, E. (2002) *Human traffic, Human Rights: Redefining Victim Protection*. London, UK: Anti-slavery International.
- Reiter, G. (2005) *Assessment on the situation of internal trafficking in Bosnia and Herzegovina*. Sarajevo, BiH: UNICEF & Office of the State Coordinator.
- Rosenberg, R. (2006) *Shelter assessment in Bosnia and Herzegovina*. Sarajevo, BiH: USAID.
- Somach, S. & R. Surtees, (2005) *Anti-Trafficking Programmes in Albania — an Evaluation*. Tirana, Albania: USAID.
- Surtees, R. (2008) 'Traffickers and trafficking in South and Eastern Europe: considering the other side of human trafficking'. *European Journal of Criminology, Special Issue on Organised Crime and Terrorism*.
- Surtees, R. (2007) *Labour Trafficking in SE Europe: Developing Prevention and Assistance Programmes*. Vienna: Nexus Institute.
- Surtees, R. (2006a) *An Evaluation of Victim Assistance Programmes in SE Europe*. Belgium, Brussels: King Baudouin Foundation.
- Surtees, R. (2006b) 'Child Trafficking: Different Forms of Trafficking and Alternative Interventions' *Tulane Journal of International & Comparative Law*. Vol. 14 (2).
- Surtees, R (2005) *Second annual report on victims of trafficking in South-Eastern Europe*. Geneva: IOM.
- Surtees, R. (2003) 'Cultural Factors and Trafficking' In R. Rosenberg (ed.) *Trafficking of Women and Children in Indonesia*. Jakarta, Indonesia: ICMC, ACILS & USAID.
- Surtees, R. (2000) *Cambodian women and violence: considering NGO interventions in cultural context*. Macquarie University, Sydney, Australia. Dissertation.
- Tdh & ARSIS. (2006) *Transnational Protection of Children: The Case of Albania and Greece 2000-2006*. Terre des hommes Foundation & ARSIS. Available at: http://www.childtrafficking.com/Docs/tdhfoundation_n_arsis06_ttpoc_tcoaag0006.pdf
- Tdh (2005) *Child Trafficking in South-Eastern Europe: The Development of Good Practices to Protect Albanian Children*. Tdh. Available at: http://www.childtrafficking.com/Docs/tdh_2005_development_of_good_practices_to_protect_albanian_children_6.pdf
- Tozaj, D. (2006) *The state of efforts to combat trafficking of persons in Albania, 2005: An overview of government and civil society policies and programmes*. Tirana, Albania: Creative Associates and USAID.
- van der Kleij, A. (2003) *Provisions for Victims of Trafficking in Sexual Bonded Labour in six European countries*. The Netherlands: NOVIB & Humanitas.

World Health Organization (WHO) (2003) *Ethical and safety recommendations for interviewing trafficked women*. Geneva: WHO.

UNICEF (2005) *Guidelines of the Protection of the Rights of Child Victims of Trafficking, Updated 2005*. UNICEF: SEE.

UNICEF (2004) *Trafficking in Children in Kosovo - A study on protection and assistance provided to children victims of trafficking*. Kosovo: UNICEF.

Mitchels, B. (2004) *Let's talk: developing effective communication with child victims of abuse and human trafficking*. Kosovo: UNICEF & UNMIK.

UNICEF & STC (2004) *Research on Child Trafficking in Bosnia and Herzegovina*. BiH: UNICEF & Save the Children-Norway.

UNOHCHR (2002) *Recommended Principles and Guidelines on Human Rights and Human Trafficking*. New York: United Nations: E/2002/68/Add.1.

Zimmerman, C., & C. Watts (2006) *Stolen Smiles: the physical and psychological health consequences of women and adolescents trafficked to Europe*. London, UK: London School of Hygiene and Tropical Medicine.